

ЭНН ПЕРРИ

*Блеск
Улелка*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДУХОВНОГО
ДУХОВНОСТИ

Энн Перри
Блеск шелка

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2010

Перри Э.

Блеск шелка / Э. Перри — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2010

Константинополь, конец XIII века. Чтобы освободить несправедливо заключенного брата Юстиниана, молодая и отважная Анна Ласкарис прибывает в византийскую столицу в обличье евнуха. Анна работает там лекаркой и знакомится со знаменитой Зоей Хрисафес. Зоя вместе с епископом Константином готовит вероломный заговор против византийского императора Михаила Палеолога. Интриги и тайны, предательство и дружба, масштабная война двух христианских конфессий – в центре этих событий окажется хрупкая женщина, которой предстоит спасти империю, семью и любовь.

© Перри Э., 2010
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2010

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	61
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	74
Глава 16	78
Глава 17	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Энн Перри
Блеск шелка**

© Anne Perry, 2010

© DepositPhotos.com / AnnaPoguliaeva, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2018

* * *

Посвящается Джонатану

Действующие лица

Венеция:

Лоренцо Тьеполо (1268–1275)
Джакопо Контарини (1275–1280)
Джованни Дандоло (1280–1289)

Джулиано Дандоло
Пьетро Контарини

Византия:

Анна Ласкарис (Анастасий Заридес)
Юстиниан Ласкарис (ее брат-близнец)
Епископ Константин
Зоя Хрисафес
Елена Комнена (дочь Зои)
Император Михаил Палеолог
Никифорас (дворцовый евнух)
Виссарион Комненос
Андреа Мочениго
Аврам Шахар
Ирина Вататзес
Деметриос Вататзес (ее сын)
Григорий Вататзес (ее муж)
Арсений Вататзес (двоюродный брат Григория)
Георгий Вататзес (сын Арсения)
Косьма Кантакузен
Лев (слуга Анны)
Симонис (служанка Анны)
Сабас (слуга Зои)
Фомаис (служанка Зои)

Карл, граф Анжуйский, король Неаполя и двух Сицилий и младший брат короля Франции

Рим:

Папы:

Григорий Десятый (1271–1276)
Иннокентий Пятый (1276)
Адриан Пятый (1276)
Иоанн Двадцать Первый (1276–1277)
Николай Третий (1277–1280)
Мартин Четвертый (1281–1285)

Энрико Паломбара
Никколо Виченце (оба папские легаты)

Пролог

Молодой человек стоял на ступенях, привыкая к полумраку. В свете факела, мерцающем над поверхностью воды, подземный ход напоминал полузатопленный собор. В вышине виднелись капители колонн, поддерживающих каменные своды. Не доносилось ни звука – только шепот влажного ветра и эхо капающей где-то за пределами видимости воды.

Виссарион стоял на каменной платформе несколькими ступенями ниже, у кромки воды. Он не выглядел испуганным. Красивое лицо в обрамлении волнистых черных волос было спокойно – почти неземное выражение, как на иконе. Неужели его вера действительно так крепка?

Господи, неужели не существует способа избежать этого, даже теперь?

Молодому человеку было холодно. Его сердце часто билось в груди, руки онемели. Он мысленно перебрал все доводы, но по-прежнему был не готов. Он никогда не сможет к этому подготовиться, но времени больше нет. Завтра будет поздно.

Он сделал еще один шаг. Виссарион обернулся. Его лицо на миг застыло от страха, но потом расслабилось, когда он узнал его.

– В чем дело? – резко спросил Виссарион.

– Нам нужно поговорить.

Молодой человек спустился по ступеням к самой воде и остановился в паре шагов от него. Липкие от волнения руки мелко дрожали. Молодой человек готов был отдать все, что у него было, чтобы избежать предстоящего разговора.

– О чем? – нетерпеливо поинтересовался Виссарион. – Все идет своим чередом. Что тут обсуждать?

– Мы не можем это сделать, – сказал молодой человек.

– Ты боишься?

В мерцающем свете невозможно было понять, что выражает лицо Виссариона, но говорил он без тени сомнения. Неужели его вера, его апломб никогда ему не изменяют?

– Страх тут ни при чем, – ответил молодой человек. – Горячность помогает его преодолеть. Но, если мы ошибаемся, это нас не спасет.

– Мы не ошибаемся, – тут же возразил ему Виссарион. – Всего одна смерть, для того чтобы спасти нас от медленного возвращения назад, к варварству и осквернению нашей веры... Мы уже обсуждали это!

– Я говорю не о моральной стороне вопроса. Я понимаю, что иногда нужно пожертвовать одним ради многих. – Молодой человек чуть не рассмеялся. Способен ли Виссарион понять возмутительную иронию ситуации? – По-моему, мы ошибаемся. – Ему было неприятно об этом говорить. – Византии нужен не ты, а Михаил – его жизнестойкость, хитрость, умение договариваться, манипулировать, натравливать наших врагов друг на друга.

Виссарион был ошеломлен, это было видно даже в изменчивом, пляшущем свете факела – в чертах его лица, в наклоне головы, в повороте плеч.

– Ты предатель! – прорычал он удивленно. – А как же Церковь? – требовательно спросил Виссарион. – Ты и Бога готов предать?

Это было самое страшное, именно этого молодой человек и боялся. Виссарион совершенно не понимал, что не способен вести за собой. Почему он не догадался об этом раньше? Надежды ослепили его, и теперь у него не осталось выбора.

Голос молодого человека дрогнул.

– Если город падет, мы не спасем Церковь, а если сделаем то, что запланировали на завтра, это станет неизбежным.

– Иуда! – с горечью произнес Виссарион.

Он порывисто развернулся, но споткнулся, не встретив сопротивления.

Это было ужасно, словно самоубийство, и даже хуже. Размышлять было некогда. Содрогнувшись от внутреннего спазма, он сделал это – бросился на Виссариона. Раздался всплеск. Виссарион вскрикнул от неожиданности. Молодой человек прыгнул в чистую холодную воду вслед за своей жертвой, пока та еще не пришла в себя. Он нашел голову Виссариона, обеими руками вцепился ему в волосы и навалился всем телом, погружая его под воду и удерживая там.

Виссарион сопротивлялся, пытаясь вынырнуть на поверхность, но ему не на что было опереться, и поэтому у него не было шансов справиться с человеком, который был сильнее его и готов был пожертвовать всем во имя веры.

Наконец борьба прекратилась. Поверхность воды успокоилась. Тишина черной тенью выползла из тоннелей подземелья.

Молодой человек присел на камни, дрожа от холода. Его тошнило. Но нужно довести дело до конца. Убийца заставил себя встать. Все его тело болело, словно после побоев. Он поднялся по ступеням. Его лицо было мокрым от слез.

Глава 1

Анна Заридес стояла на каменном пирсе, глядя на константинопольский маяк, от которого ее отделяли темные воды Босфора. Огни маяка освещали небо, усеянное тускнеющими мартовскими звездами. Это было красиво, но она с нетерпением ждала рассвета. Анне хотелось увидеть крыши домов и, один за другим, чудесные дворцы, церкви и башни.

Ветер успокоил волны, гребни которых были едва видны. Анна слышала, как они шипят и шуршат, накатывая на усыпанный галькой берег. Вдали на мысе первые рассветные лучи скользнули по массивному высокому куполу. Казалось, он испускает тускло-красное свечение. Храм Святой Софии – Премудрости Божией, величайшая церковь в мире, сердце и душа христианской веры.

Анна пристально вглядывалась в него, пока рассвет вступал в свои права. Стали видны крыши домов, беспорядочная путаница башен и куполов. Слева от храма Святой Софии, на линии горизонта Анна рассмотрела четыре высокие, тонкие как иглы колонны, устремленные в небо. Она знала, что это памятники великим василевсам прошлого. Императорские дворцы тоже должны быть где-то там, а также Ипподром. Но Анна видела лишь тени да отблески белого мрамора то тут, то там, деревья и бесконечные крыши города, который был значительно больше Рима, Александрии, Иерусалима и Афин.

Теперь она отчетливо разглядела узкую полоску, уже заполненную судами. Анна с трудом различала извилистую береговую линию и что-то вроде гавани, заполненной частоклоном мачт, покачивающимся в спокойных водах за волнорезами.

Небо постепенно бледнело, и на горизонте появился край ослепительно сверкающего диска. На севере изогнутый вход в Золотой Рог напоминал полоску расплавленной бронзы. Начиналось прекрасное весеннее утро.

Приближалась первая за сегодняшний день лодка. Волнуясь перед встречей с незнакомыми людьми, Анна шла вдоль края пирса, глядя на неподвижную воду у камней. Она увидела собственное отражение: спокойные глаза, подвижное лицо, высокие скулы и мягкий рот. Волосы обрезаны до подбородка. Они не были украшены, не были скрыты под покрывалом.

Легкая деревянная лодка, достаточно большая, чтобы выдержать полдюжины пассажиров, находилась на расстоянии менее ста ярдов. Гребцы боролись с жестким ветром и течением, своенравным и капризным в этом месте, в узком проливе между Европой и Азией. Анна глубоко вздохнула, почувствовав, как врежется в тело плотная нагрудная повязка и сползает специальная подушка, надетая на талию, чтобы скрыть женственные изгибы ее тела. Анна уже носила это одеяние, но сейчас чувствовала себя в нем неуклюжей. Она вздрогнула и плотнее закуталась в накидку.

– Нет, – сказал Лев за ее спиной.

– В чем дело? – Анна обернулась, чтобы взглянуть на него.

Лев был высоким, узкоплечим, с гладкими, как у юнца, щеками. Сейчас его круглое лицо было озабочено, брови нахмурены.

– Твои движения... – мягко ответил евнух. – Не реагируй на холод как женщина.

Анна отшатнулась, злясь на себя за такую глупую ошибку. Она всех их могла поставить под угрозу...

– Ты не передумала? – с сомнением спросила Симонис. – Еще не поздно...

– Я все исправлю, – убежденно произнесла Анна.

– Тебе нельзя ошибиться, Анастасий. – Лев нарочно назвал имя, которое выбрала Анна. – Иначе ты будешь наказан за этот маскарад как мужчина. То есть как евнух.

– Я буду предельно осторожна, – пообещала Анна.

Она знала, что будет сложно. Но по крайней мере одной женщине это уже удалось. Ее звали Марина, и она вступила в монастырскую общину под видом евнуха. Никто не узнал ее тайны до самой смерти.

Анна едва удержалась, чтобы не спросить у Льва, не хочет ли он вернуться, но это было бы оскорблением, которого он не заслуживал. И к тому же она должна наблюдать за ним, копировать его движения...

Лодка подошла к пристани, и молодой красивый гребец выпрямился с особой грацией человека, привычного к морской качке. Он закрепил канат вокруг стойки, затем спрыгнул на дощатый причал и улыбнулся.

Анна в самый последний момент удержалась от ответной улыбки. Она откинула плащ, и холод тотчас же пробрал ее до костей. Паромщик прошел мимо нее и подал руку Симонис, которая была старше, полнее и к тому же являлась, несомненно, женщиной. Анна шагнула следом за ней. Лев зашел в лодку последним, неся их скудную поклажу: ее драгоценные снадобья и инструменты. Гребец сел на весла, и они отчалили, отдавшись на волю течения.

Анна не оглянулась. Она оставила позади все, что было знакомо ей с детства, не зная, увидит ли это снова. Это не имело значения. Важна была лишь цель, которую ей предстояло достичь.

Они отошли довольно далеко от берега. Прямо из воды поднимались остатки волноотбойной стены, разрушенной латинянами-крестоносцами, которые семьдесят лет назад разграбили и сожгли город и изгнали его жителей¹. Анна смотрела на эту стену, такую огромную, словно ее сотворила сама природа, а не люди, и удивлялась, как кто-то вообще осмелился атаковать такую громадину – и при этом добился успеха.

Ухватившись за планширь, Анна поворачивалась на сиденье то влево, то вправо, чтобы получше рассмотреть величественный город. Казалось, люди застроили каждый уступ скалы, каждый холм, каждую бухточку. Крыши домов располагались так близко друг к другу, что казалось, будто можно шагнуть с одной на другую.

Лодочник улыбался: его позабавило удивление Анны. Она почувствовала, что ее щеки вспыхнули от стыда, и отвернулась.

Они подплыли достаточно близко к городу, и Анна смогла рассмотреть камни, заросшие сорняками дворы и черные подпалины, оставленные пожаром. Она была поражена тем, что разрушения выглядели довольно свежими, хотя прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как в 1262 году Михаил Палеолог привел жителей Константинополя домой из провинций, куда их изгнали захватчики.

Теперь Анна тоже была в этом городе – впервые в жизни и с особой целью.

Лодочник напрягся, сражаясь с мощной волной, которую подняла прошедшая мимо триера, направлявшаяся в открытое море. У нее были высокие борта, три ряда весел, которые синхронно погружались в воду и поднимались на поверхность – и тогда капли, словно драгоценные камни, сверкали, стекая с мокрых лопастей. За триерой виднелись еще два судна почти правильной круглой формы. Моряки суетливо опускали паруса, спеша закрепить их, чтобы успеть бросить якорь в нужном месте. Анна пыталась угадать, пришли ли эти корабли с Черного моря и что они собирались делать в Константинополе.

За волнорезами море было спокойным. Где-то смеялись, и звук разносился над водой, заглушаемый плеском волн и криками чаек.

Лодочник направил лодку к набережной, и она легонько стукнулась о камни. Анна заплатила ему четыре медных фоллиса, всего на миг встретившись с ним взглядом, встала и ступила на берег, давая ему возможность помочь Симонис выбраться из лодки.

---

¹ Речь идет о Четвертом крестовом походе (1202–1204). (Здесь и далее примеч. ред.)

Следует нанять транспорт, чтобы перевезти сундуки, потом найти постоянный двор, где можно получить кров и пищу, до тех пор пока она не подыщет съемное жилье и не обзаведется лекарской практикой. Здесь Анне никто не мог помочь, никто не мог дать ей рекомендации. В Никее, древней величественной столице Вифинии, расположенной на юго-востоке, по другую сторону Босфора, было иначе. Там лучшей рекомендацией для Анны было доброе имя ее отца. Константинополь находился всего в одном дне пути оттуда, но Анне казалось, будто она очутилась в другом мире. У нее не было никого, кроме Льва и Симонис. Они были беззаветно преданы своей хозяйке и, даже зная правду, все равно последовали за ней.

Анна двинулась вперед, по истертым камням набережной, между тюками шерсти, коврами, сырым шелком, посудой, мраморными плитами, ценными породами древесины и небольшими мешочками, источавшими пряные ароматы. В воздухе витали и менее приятные запахи – рыбы, кож, навоза и человеческого пота.

Она дважды обернулась, чтобы убедиться в том, что Лев и Симонис по-прежнему идут следом за ней.

Анна с детства знала, что Константинополь – центр мира, перекресток Европы и Азии, и гордилась этим. Но теперь мешанина чужих голосов, греческая речь, перемежающаяся незнакомыми наречиями, ее ошеломила.

Мужчина с блестящим от пота голым торсом, согнувшийся под тяжестью огромного мешка, столкнулся с Анной, пробормотал что-то и, пошатываясь, побрел дальше. Жестящик с ведром и котелками громко рассмеялся и сплюнул на землю. Мимо бесшумно прошел мусульманин в тюбане и черном шелковом халате.

Анна пересекла улицу, шагая по неровным булыжникам. Лев и Симонис следовали за ней. На противоположной стороне улицы стояли четырех-и пятиэтажные здания. Проходы между ними оказались уже, чем ожидала Анна. Там неприятно пахло прокисшим вином, а шум на пристани стоял такой, что даже здесь, на противоположной стороне улицы, нельзя было разговаривать спокойно. Анна повела спутников вверх по склону холма, прочь от причала.

Слева и справа располагались всевозможные лавки, над ними – жилые помещения, об этом можно было догадаться по вывешенному в окнах выстиранному белью. Через несколько кварталов стало заметно тише. Они прошли мимо пекарни, и запах свежеепеченного хлеба вдруг напомнил Анне о доме.

Они продолжали подниматься. Руки Анны болели от тяжести лекарственных принадлежностей. Лев наверняка устал еще больше, ведь его ноша была еще тяжелее. А Симонис несла одежду.

Анна ненадолго поставила свою сумку на землю.

– Нам следует найти место, где можно будет остановиться на ночлег. Или хотя бы оставить свои вещи. И еще нам нужно поесть. Никогда в жизни не видела столько людей.

– Хочешь, я понесу твою сумку? – спросил Лев, но он и без того выглядел очень усталым и нес гораздо больше, чем Анна и Симонис.

Вместо ответа Анна снова взяла сумку и двинулась вперед. Вскоре они нашли уютный постоянный двор, где подавали обед. Тут были отличные перины, набитые гусиным пухом, и чистые полотняные простыни. В каждой комнате стояла довольно большая бадья, в которой можно было искупаться, и уборная с трубчатым стоком. Комната стоила восемь фоллисов за ночь – без учета питания. Это было дорого, но Анна сомневалась, что сможет найти что-нибудь дешевле.

Она боялась выходить на улицу, боялась совершить еще одну ошибку – сделать женственный жест или даже не отреагировать на что-то. Этого будет достаточно, чтобы люди пригляделись к ней внимательнее и заметили различие между ней и настоящим евнухом.

Анна и ее спутники пообедали на постоялом дворе – свежей кефалью и пшеничным хлебом. Потом задали несколько осторожных вопросов о более дешевом жилье.

– О, его нужно искать подальше от берега, – добродушно заметил их сосед по столу, невысокий седой человек в поношенной тунике, которая доходила ему лишь до колен. Ноги его были обмотаны тканью, чтобы было теплее, но работать в таком одеянии было невозможно. – Чем дальше на запад, тем дешевле. Вы приезжие?

Не было смысла это отрицать.

– Из Никеи, – уточнила Анна.

– А я из Сестоса². – Мужчина усмехнулся беззубым ртом. – Рано или поздно все попадают сюда.

Анна поблагодарила его за подсказку, и на следующий день они наняли осла, погрузили на него свои вещи и переехали на более дешевый постоялый двор – ближе к западной окраине у городской стены, недалеко от ворот Харисия.

В ту ночь Анна лежала в постели, прислушиваясь к незнакомым звукам города. Константинополь, сердце Византии... Она с детства слышала истории об этом городе, которые рассказывали ее родители и бабушки с дедушками. И вот она здесь. Византия казалась ей такой странной, такой огромной, что у Анны просто не хватало воображения, чтобы осознать ее размеры.

Но, сидя в четырех стенах, она ничего не добьется. Для того чтобы выжить, ей придется с утра начать поиски дома, в котором она сможет принимать пациентов.

Несмотря на усталость, Анне никак не удавалось уснуть. Когда же сон все-таки сморил ее, ей привиделись незнакомые лица. Во сне Анна панически боялась заблудиться.

По рассказам отца она знала, что Константинополь с трех сторон окружен водой. Его главная улица называется Меса, она похожа на букву «Y». Два рукава встречаются у форума Амастриана, и дальше улица тянется на восток, до самого моря. Отец говорил, что все известные здания расположены вдоль нее: собор Святой Софии, форум Константина, Ипподром, старинные императорские дворцы и, конечно, лавки, где продают изысканные артефакты, шелка, специи и драгоценные камни.

Анна и ее спутники отправились в путь утром и шли очень быстро. Воздух был свежим. Продуктовые лавки были открыты, и почти на каждом углу были переполненные пекарни, но у Анны и ее спутников не было времени на то, чтобы остановиться и полакомиться свежей выпечкой. Они блуждали по причудливому переплетению узких улочек, которые прорезали город от спокойных вод Золотого Рога на севере до Мраморного моря на юге. Несколько раз путешественникам приходилось прижиматься к стенам, пропуская осликов, запряженных в повозки, на которых высились товары на продажу – в основном овощи и фрукты.

Когда Лев, Симонис и Анна дошли до того места, где Меса расширялась, мимо них, высокомерно задрав голову, прошествовал верблюд. За ним шел какой-то человек, согнувшись под огромной кипой хлопка. Центральная улица была заполнена народом. Кроме местных жителей, греков, Анна заметила в толпе мусульман в тюрбанах, болгар с коротко остриженными волосами, темнокожих египтян, голубоглазых скандинавов и скуластых монголов. Женщина спросила себя, не чувствуют ли они себя здесь чужаками, так же как и она. Не пугает ли их этот огромный город, суeta, буйство красок, яркие одежды, лавки с разноцветными навесами – пурпурными, синими, золотыми, бледно-розовыми.

Анна не знала, с чего начать. Видимо, придется расспросить прохожих.

– Нам нужна карта, – сказал Лев, нахмурившись. – Город слишком большой, и без нее нам не разобратся, где мы находимся.

---

² Сестос (Сест) – город во Фракии.

– Следует искать приличный жилой район, – добавила Симонис, вероятно, вспомнив о доме, который они оставили в Никее.

Но она хотела приехать сюда почти так же, как и Анна. Юстиниан, брат-близнец Анны, всегда был любимцем Симонис. Служанка горевала, когда он уехал из Никеи, чтобы поселиться в Константинополе. Когда Анна получила последнее, отчаянное письмо о его изгнании, Симонис не могла думать ни о чем, кроме спасения Юстиниана. Лев же, сохраняя хладнокровие, настаивал на том, чтобы сначала спланировать их действия. Он прежде всего заботился о безопасности Анны.

Им понадобилось еще несколько минут, чтобы найти лавку, в которой продавали рукописи. Там они спросили о карте.

– О да, – немедленно отозвался лавочник.

Невысокий, жилистый, с седыми волосами и широкой улыбкой, он открыл ящик, стоявший позади него, и вытащил несколько свитков. Лавочник развернул один из свитков и показал его Анне.

– Видите? Четырнадцать районов. – Он ткнул пальцем в треугольник, нарисованный черными чернилами. – Это Меса, она идет вот сюда. – Лавочник показал на карте. – Тут стена Константина, а там, на западе, – стена Феодосия. Здесь изображено все, кроме тринадцатого района, расположенного на другом берегу Золотого Рога, на севере. Он называется Галата. Но вы вряд ли захотите жить в этом месте. Там селятся одни чужеземцы. – Он свернул свиток и вручил его Анне. – Карта стоит два солида.

Услышав цену, Анна была потрясена и даже заподозрила: лавочник каким-то образом догадался, что она не местная, и решил воспользоваться ее неосведомленностью. Тем не менее она отдала торговцу требуемую сумму.

Они шли по Месе, стараясь не глазеть по сторонам, подобно провинциалам. Вдоль ряд за рядом выстроились прилавки торговцев, укрытые разноцветными навесами. И хотя ткань была крепко привязана к деревянным столбам, она трепетала при каждом сильном порыве ветра, словно была живой и изо всех сил старалась вырваться на волю.

В первом квартале были торговцы специями и благовониями. Воздух тут был напоен чудесными ароматами, и Анна с удовольствием его вдыхала. У нее не было ни времени, ни денег, но она не могла оторвать взгляд от этого великолепия. Ничто не сравнится с шафраном насыщенного желтого цвета, с богатыми оттенками коричневого мускатного ореха... Анна знала лечебные свойства этих специй – даже экзотических. Дома, в Никее, ей приходилось заказывать их и дополнительно платить за доставку. А здесь они лежали на прилавках, словно самый обычный товар.

– В этом районе много денег, – заметила Симонис с оттенком неодобрения.

– И, что еще важнее, у его обитателей уже наверняка есть свой лекарь, – добавил Лев.

Они оказались среди лавок парфюмеров. Тут было больше женщин, чем в других кварталах. Многие из них явно были богаты. Они облачались в традиционные далматики³, закрывавшие тело от шеи почти до земли, а волосы прятали под головными уборами и покрывалами. Мимо, улыбаясь, прошла какая-то женщина, и Анна заметила, что у нее очень аккуратно подкрашены брови и ресницы. На губах была красная глина, благодаря чему они выглядели очень яркими.

Анна услышала смех незнакомки, когда та встретила с подругой. Женщины стали вдвоем выбирать благовония. Их парчовые наряды, украшенные вышивкой, трепетали на ветру, будто лепестки цветов. Анна позавидовала беззаботности этих женщин.

Ей придется искать пациентов победнее, как женщин, так и мужчин, иначе она никогда не узнает, почему Юстиниан, который раньше был фаворитом при императорском дворе, в

---

³ Далматика – здесь: верхняя мужская и женская одежда, туника из шерсти или шелка с рукавами до запястий.

мгновение ока попал в опалу, а затем отправился в ссылку. Хорошо хоть остался жив. Что произошло? И что ей сделать, чтобы добиться справедливости?

На следующий день, придя к взаимному согласию, Анна и ее спутники углубились дальше, в боковые улочки и переулки, жилые кварталы к северу от центра, недалеко от гигантских арок акведука Валента.

Лев, Симонис и Анна шли по такой узкой улочке, что там едва могли бы разминуться два осла. Слева была лестница. Подумав, что сверху будет легче определить направление, Анна и ее спутники стали подниматься по ступеням, повернув сначала в одну сторону, затем в другую. Анна чуть не споткнулась о выбоины в ступенях.

Внезапно проход закончился, и они очутились в маленьком дворике. Увиденное потрясло Анну. Стены, покрытые пятнами сажи, были разрушены, в некоторых из них сквозили дыры. Выщербленный мозаичный пол был покрыт обломками камней и осколками плитки и черепицы, дверные проемы заросли сорняками. Единственная сохранившаяся башня потемнела от копоти. Анна видела, что Симонис едва сдерживает рыдания. Лев стоял молча, его лицо сильно побледнело.

Ужасное вторжение 1204 года... Казалось, оно произошло совсем недавно, а не семьдесят лет назад. Теперь было понятно многое из того, что они видели раньше: улицы, дома на которых зарастали сорняками и постепенно ветшали, разрушенные причалы, которые Анна разглядела сверху. Ее поражала бедность города, который сначала показался ей самым богатым в мире. Люди вернулись сюда лет десять назад, но раны на теле Византии были еще свежи.

Анна отвернулась. Она представила, что творилось в городе во время нашествия крестоносцев, и задрожала от ужаса, хотя на небе сияло яркое весеннее солнце и они со Львом и Симонис были надежно защищены от ветра.

К концу недели они нашли дом в удобном жилом районе на склоне холма, к северу от центральной улицы, между стенами Феодосия и Константина. Из некоторых окон Анна могла видеть огни на берегах Золотого Рога и проблески морской синевы между крышами соседских домов, благодаря чему город казался бесконечным.

Здание было небольшим, но находилось в хорошем состоянии. Полы были выложены красивой плиткой. Анне особенно приглянулся дворик с простым мозаичным узором и двумя виноградными лозами, которые оплетали дом до самой крыши.

Симонис понравилась кухня. Хоть служанка и отпустила несколько пренебрежительных замечаний о ее размерах, но внимательно обследовала каждый уголок, провела рукой по мраморным поверхностям, осмотрела глубокую раковину и тяжелый стол. Там была небольшая комната для хранения зерна и овощей, со стеллажами и ящиками для специй, и, как и во всех хороших районах города, в неограниченном количестве имелась пресная вода, хоть и немного солоноватая на вкус.

Дом был довольно большим: несколько спален, столовая, приемная, где пациенты могли ожидать, пока их примут, и помещение для осмотра больных. Была и еще одна комната с тяжелой дверью, на которую Лев повесил замок. В ней можно было хранить травы, мази, притирки и настойки, а также хирургические инструменты, иглы и шелковые нити. Здесь Анна поместила деревянный шкафчик с многочисленными ящичками, в которые сложила все травы, которые у нее были, и снабдила надписями, чтобы не ошибиться.

Несмотря на объявление, которое Анна оставила перед домом, заявив о своей профессии, пациенты к ней не приходили. Придется самой их искать. Нужно дать людям знать о своем существовании и о своих навыках.

В полдень Анна стояла на солнцепеке на ступенях постоянного двора. Она толкнула дверь и вошла внутрь. Пройдя через толпу, женщина заметила стол, возле которого стоял один свободный стул. За остальными сидели люди – они ели и возбужденно переговаривались. По крайней мере один из них был евнухом. Он был высоким, с длинными руками, мягкими чертами лица и высоким голосом.

– Могу ли я занять это место? – спросила Анна.

Евнух пригласил ее присесть. Возможно, ему было приятно увидеть собрата по несчастью.

Пришел слуга и предложил Анне еду – рубленые куски жареной свинины, завернутые в пшеничные лепешки.

– Спасибо, – сказала женщина. – Я только что переехал в дом с голубой дверью, расположенный выше по склону. Меня зовут Анастасий Заридес. Я – лекарь.

Один из сидевших за столом мужчин пожал плечами и представился.

– Буду иметь в виду, когда заболею, – сказал он добродушно. – Если ты умеешь сшивать раны, можешь оставаться. После того как мы закончим спор, тебе будет чем заняться.

Анна не знала, что ответить. Она была не уверена, что он шутит: входя, она действительно слышала разговор на повышенных тонах.

– У меня с собой есть и игла, и шелковые нити, – сказала Анна на всякий случай.

Мужчина рассмеялся.

– Если на нас нападут, этого будет недостаточно. Как насчет воскрешения из мертвых?

– Мне никогда не хватало духу попробовать, – ответила Анна, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно естественнее. – А разве не этим занимаются священники?

Все расхохотались, но она уловила в этом смехе горькие нотки страха и поняла, каково здесь общее настроение. Прежде Анна не обращала на это внимания, стремясь побыстрее найти дом и приступить к работе.

– Каких священников ты имеешь в виду? – резко спросил один из мужчин. – Православных или католических? На чьей ты стороне?

– Я православный, – тихо произнесла Анна, понимая, что должна что-то сказать.

Ее молчание восприняли бы как обман.

– Тогда тебе придется молиться усерднее, – сказал ей мужчина. – Видит бог, нам это необходимо! Вот, выпей вина, лекарь!

Протянув ему свою чашу, Анна заметила, что у нее дрожит рука, и торопливо поставила чашу на стол.

– Спасибо.

Когда чашу наполнили, Анна подняла ее, заставив себя улыбнуться.

– Желаю вам не знать, что такое болезни... Ну, разве что кроме легкой сыпи или случайных нарывов. Я хорошо с ними справляюсь и беру за свои услуги недорого.

Все снова рассмеялись и выпили вино.

Глава 2

Анна один за другим обошла соседние дома, представилась и сообщила о своей профессии. У некоторых уже были лекари, но она это предвидела. Анна объясняла, что специализируется на кожных проблемах, особенно на ожогах, – и тут же уходила, ни на чем не настаивая.

Она покупала домашнюю утварь наилучшего качества в небольших лавочках, расположенных недалеко от ее дома. Там Анна также представлялась и рассказывала о своих умениях и навыках. В обмен на обещание расхваливать их товар лавочники соглашались рекомендовать ее услуги своим покупателям.

Через неделю к Анне обратились за консультацией всего двое больных. Их хворь была незначительной – зуд и воспаление. После обширной практики, которую Анна унаследовала от отца в Никее, это показалось ей пустяком. Она изо всех сил старалась скрывать свое разочарование перед Львом и Симонис.

Третья неделя оказалась более удачной. Анну вызвали к пожилому мужчине, которого сбили с ног на улице. У него на голенях и бедрах были серьезные раны и ссадины. Мальчик, которого послали за Анной, описал травмы достаточно подробно, и она поняла, какие снадобья нужно взять с собой. Через полчаса старику стало гораздо лучше, и уже на следующий день он расхваливал нового лекаря на все лады. Слухи об искусном врачевателе распространились довольно быстро, и за несколько дней число пациентов Анны утроилось.

Теперь она могла приступить к сбору информации.

Очевидно, лучше всего начать с епископа Константина, с чьей помощью Юстиниан послал последнее письмо. Раньше брат Анны постоянно писал о епископе, подчеркивая его преданность православной вере, мужество в противостоянии Риму и доброту по отношению к нему самому, тогда еще никого не знавшему в городе. Юстиниан также отмечал, что Константин был евнухом, и из-за этого Анна нервничала теперь особенно сильно. Крепко сжав руки, она стояла в комнате для приема больных среди знакомых запахов мускатного ореха, мускуса, гвоздики и камфоры. Необходимо следить за выражением лица, за каждым жестом. Малейшая ошибка вызовет у Константина подозрение, заставит его присмотреться к посетителю внимательнее. И тогда он обо всем догадается и может подумать, что она над ним издевается.

Анна нашла Льва на кухне, где Симонис накрывала на стол. Пшеничный хлеб, свежий сыр, зелень, салат, заправленный уксусом из морского лука, как и положено в апреле. Существовали четкие правила, что можно, а чего нельзя есть в каждом месяце, и Симонис знала их назубок.

Когда Анна вошла, Лев обернулся и отложил в сторону инструменты, с помощью которых чинил шкаф. С тех пор как они поселились в этом доме, Анна поняла, что у него золотые руки.

– Пришло время встретиться с епископом Константином, – тихо сказала она. – Но прежде, чем я это сделаю, мне нужен еще один урок... пожалуйста.

Она могла бы заниматься медицинской практикой и не скрывая своего пола, но тогда имела бы право врачевать лишь женщин, а значит, смогла бы узнать о жизни Юстиниана гораздо меньше. А евнух мог войти куда угодно.

Было еще одно соображение, менее важное, но все равно не дававшее ей покоя: Анна не хотела, чтобы ее заставили снова выйти замуж. Она была вдовой и, хотя иногда могла думать о Евстафии без ярости или боли, считала для себя повторный брак невозможным.

– Ты слишком стараешься быть похожей на мужчину, – сказал Лев. – Есть несколько типов евнухов, в зависимости от того, когда их кастрировали. Некоторые из нас выглядят

почти как обычные мужчины, но, учитывая твое хрупкое телосложение, мягкую кожу и высокий голос, тебе следует притворяться, будто тебя кастрировали в детстве. И не забывай об осторожности, иначе ты привлечешь к себе внимание.

Анна наблюдала за тем, как Лев перемещается по комнате. Он был высоким, худощавым, немного сутулым (годы брали свое), но при этом удивительно сильным. Его тонкие руки могли бы сломать деревянную палку, которую Анне не удавалось даже согнуть. Лев двигался со своеобразной грацией, ни мужской, ни женской. Нужно скопировать его походку...

– Если ты наклоняешься, – говорил Анне Лев, – нужно делать это вот так... – Он показал ей, как именно. – А не так.

Он наклонился, чуть развернувшись, как женщина. Анна тотчас заметила разницу и прокляла собственную беспечность.

– А руки? Ты не жестикулируешь, когда говоришь. Смотри...

Лев сделал красноречивый жест. Его пальцы двигались грациозно, но не женственно.

Анна старательно повторила.

Симонис внимательно наблюдала за ними, ее темное, когда-то привлекательное лицо встревоженно нахмурилось. Неужели она тоже боится? Симонис наверняка видит разницу между движениями Льва и Анны, замечает ошибки хозяйки.

– Еда испортится, – сказала служанка сухо.

Позже Анна встала из-за стола и ушла к себе, чтобы переодеться.

На улице было прохладно, шел легкий дождь. Но до дома епископа было не так уж далеко, чуть меньше мили. Он жил на другой стороне стены Константина, недалеко от храма Святых Апостолов. Анна быстро шла по улице, время от времени поглядывая на воды залива внизу, у подножия холма.

Пожилой слуга впустил ее в дом. Он с печальным видом сообщил Анне, что епископ Константин в настоящее время занят, но он ожидал ее прихода и скоро освободится. Лицо у слуги было мягкое, безбородое. Он смотрел на Анну без всякого интереса.

Она ждала приема в большой комнате с украшенным мозаикой полом и стенами цвета охры; две величественные иконы, казалось, светились в полумраке. На одной, в синих и золотых тонах, в украшенном драгоценными камнями окладе, была изображена Дева Мария, на другой – Спас Вседержитель, написанный теплыми, желто-коричневыми красками.

Уловив легкое движение, Анна оторвала взгляд от икон неземной красоты и сквозь арочный проем посмотрела в более светлую комнату и видневшийся за ней внутренний дворик. В ярком солнечном свете она заметила крупную фигуру епископа в светлом одеянии. На его лице светилась улыбка. Он протягивал руку женщине, опустившейся перед ним на колени. Темный плащ растекся по полу у ее ног. Волосы женщины были уложены в замысловатый узел. Ее губы коснулись золотого перстня с драгоценным камнем, надетого на палец епископа. Эта сцена выглядела как символ всепрощения.

Умиrotворяющая картина вызвала у Анны приступ душевной боли. Ей мучительно захотелось опуститься на колени, попросить прощения и почувствовать, как с ее плеч снимают тяжелый груз. Но это было невозможно.

Женщина встала. Ее лицо было мокрым от слез. Похоже, она была ровесницей Анны.

Константин осенил женщину крестным знамением и что-то произнес, но с такого расстояния невозможно было расслышать, что именно. Женщина повернулась и вышла через другую дверь. Анна шагнула вперед. Настало время действовать. Если она сможет пройти это испытание, впереди ее ждут еще тысячи подобных.

Константин с улыбкой приветствовал Анну.

– Меня зовут Анастасий Заридес, ваше преосвященство, – почтительно произнесла она. – Я лекарь, недавно прибывший из Никеи.

– Добро пожаловать в Константинополь, – приветливо ответил священник.

Его голос был глубже, чем у большинства евнухов. Похоже, его кастрировали уже после полового созревания. Лицо священника было безбородым, под мощной челюстью намечался второй подбородок. Светло-карие глаза смотрели внимательно и цепко.

– Чем могу помочь?

Он был вежлив, но интереса не показывал.

У Анны уже готов был ответ.

– Мой дальний родственник, Юстиниан Ласкарис, писал мне, что вы очень помогли ему в трудные времена, – начала она. – Я долго не получал от него вестей, а потом до меня дошли тревожные слухи о какой-то трагедии, но я не осмелился разузнать подробнее, чтобы не навлечь на него беды.

Анну пробрала дрожь, несмотря на то что в комнате было тепло. Священник смотрел на ее лицо, на то, как она стояла, безвольно опустив руки, словно женщина, выражающая почтение. Анна поднесла ладони к груди, но потом, не зная, что с ними делать, снова уронила их вдоль тела. Что мог знать о Юстиниане этот епископ? Что его родители умерли? Что он был вдовцом? Она должна быть осторожна.

– Его сестра очень тревожится, – добавила Анна.

По крайней мере, это было правдой.

Большое лицо Константина сохраняло серьезность. Он медленно кивнул.

– Боюсь, у меня для нее не очень хорошие новости, – ответил епископ. – Юстиниан жив, но находится в изгнании, в пустыне за пределами Иерусалима.

Анне удалось изобразить изумление:

– Но за что его изгнали? Что он сделал, чтобы заслужить такое наказание?

Константин поджал губы.

– Убит Виссарион Комненос, и Юстиниана обвинили в соучастии. Это преступление потрясло весь город. Виссарион был не только человеком благородного происхождения, многие считают его кем-то вроде святого. Юстиниану повезло, что его не казнили.

Во рту у Анны пересохло, она почувствовала, что ей трудно дышать. В роду Комнено-сов на протяжении многих поколений были императоры – еще до Ласкарисов и Палеологов.

– Вы помогли ему в этой трудной ситуации, – произнесла она, словно делая для себя какой-то вывод. – Но зачем Юстиниану участвовать в этом преступлении?

Константин задумался.

– Ты слышал, что примерно через год император собирается направить послов к понтифику? – спросил он, не скрывая раздражения.

Его эмоции лежали на поверхности, словно чувства женщины. Это было свойственно евнухам.

– До меня доходили кое-какие слухи, – ответила Анна. – Но я надеялся, что это неправда.

– Это правда, – хрипло возразил священник. Его тело напряглось, лицо побледнело, сильные руки непроизвольно поднялись к груди. – Как бы кощунственно это ни звучало, император Михаил готов уступить, сдаться, чтобы спасти город от крестоносцев.

Анна понимала, что, несмотря на страстную речь, епископ пристально за ней наблюдает.

– Пресвятая Богородица спасет нас, если мы ей доверимся, – ответила она, – как уже было в прошлом.

Тонкие брови Константина удивленно поползли вверх.

– Ты что, недавно приехал в город и еще не видел пожарищ, оставшихся после нашего крестоносцев, случившегося семьдесят лет назад?

Анна нервно сглотнула, собираясь с силами.

– Но ведь наша вера осталась чистой, – наконец произнесла она. – Я предпочту умереть, чем предать Господа нашего римлянам.

– Ты человек твердых убеждений, – сказал Константин, и его лицо медленно расплылось в улыбке.

Анна вернулась к расспросам:

– Зачем Юстиниану убивать Виссариона Комненоса?

– Конечно, он его не убивал, – сокрушенно ответил Константин. – Юстиниан прекрасный человек. Он был так же против объединения с Римом, как и Виссарион. Существуют другие предположения, истинность которых мне неизвестна.

– Какие предположения? – Анна вовремя вспомнила, что должна демонстрировать почтение, и быстро опустила взгляд. – Вы можете мне сказать, чьим соучастником считают Юстиниана? И что произошло с этим человеком?

Константин поднял руки. Это был элегантный жест, и все же он был лишен мужественности. Анна отчетливо ощущала, что он не мужчина, но и не женщина. При этом он оставался страстным и чрезвычайно умным человеком. Епископ был именно тем, кем притворялась она.

– Убийцу зовут Антонин Кириаки. – Голос Константина вывел Анну из задумчивости. – Он был казнен. Они с Юстинианом были близкими друзьями.

– Значит, вы спасли Юстиниана? – спросила Анна хриплым шепотом.

Епископ медленно кивнул:

– Спас. Его приговорили к «изгнанию в пустыню».

Она тепло, с искренней благодарностью улыбнулась священнику:

– Благодарю вас, ваше преосвященство. Вы ободрили и укрепили мое сердце в борьбе за сохранение веры.

Он улыбнулся в ответ и осенил ее крестным знаменiem.

Анна вышла на улицу. Ее обуревали разнообразные чувства: тревога, благодарность, страх перед будущим. Константин произвел на нее большое впечатление: сильный, благородный человек, непоколебимый в чистой, абсолютной вере.

Конечно, Юстиниан не убивал. Несмотря на явные различия между ними, он был ее братом-близнецом, и Анна знала его так же хорошо, как и себя. Юстиниан написал ей перед самым отъездом, упомянув о том, что епископ Константин ему помог, но не уточнил, почему и каким образом.

Теперь целью Анны было доказать невиновность брата. Ускоряя шаг, она пошла вверх по мощеной улочке.

Глава 3

После того как Анастасий Заридес ушел, Константин остался стоять в комнате с ярко-желтыми стенами. Этот лекарь очень интересный человек и, весьма вероятно, может оказаться полезным союзником в предстоящей битве в защиту православной веры от посягательств католического Рима. Анастасий умен, проницателен и явно получил хорошее образование. Рим со своей любовью к насилию ничего не мог предложить таким, как этот лекарь. Если он обладает терпением евнуха, гибким умом и чуткостью, тогда порывистая бестактность латинян будет ему так же противна, как и самому Константину.

Но вопросы, которые задавал Анастасий, встревожили епископа. Он полагал, что после того, как Антонина казнили, а Юстиниана изгнали, дело о смерти Виссариона закрыто...

Константин ходил взад-вперед по мозаичному полу.

Юстиниан не упоминал о том, что у него есть близкие родственники. С другой стороны, люди редко говорят о своих двоюродных и троюродных братьях.

Если бы Константин не соблюдал осторожность, могла бы возникнуть масса неудобных вопросов. Но даже с этим довольно легко было справиться. Никто не догадывался о его роли в этом деле и о том, почему он помогал Юстиниану, просил о снисхождении для него — умолял сослать его в Иудею, хотя мог бы и не делать этого.

Анастасий Заридес может пригодиться ему, если он и в самом деле искусный лекарь. Он прибыл из Никеи, города, жители которого славятся своей образованностью, а значит, наверняка общался там с евреями и арабами и, возможно, почерпнул кое-что из их учений. Константину не нравилось признаваться в этом даже самому себе, но такие люди иногда оказывались более опытными, чем лекари, учившиеся медицине только у христиан, по убеждению которых болезни — это следствие грехов.

Если у Анастасия больше навыков, чем у обычного лекаря, рано или поздно у него будет много пациентов. Когда люди болеют, они испытывают страх. Думая, что умирают, они иногда делятся секретами, которые в противном случае старались бы сохранить.

Остаток дня Константин занимался церковными делами, встречался со священниками и прихожанами, которые просили его об отпущении грехов, духовном наставлении, снисхождении, отправлении церковных обрядов. Как только ушел последний посетитель, мысли епископа вернулись к евнуху из Никеи и убийству Виссариона. Следовало принять меры предосторожности на случай, если этот молодой человек еще где-нибудь расспрашивал о Юстиниане.

Константин надеялся, что ему ничто не угрожало, но следовало в этом убедиться.

Накинув плащ на шелковую тунику и парчовую далматику, епископ вышел на улицу.

Константин быстро шагал вверх по склону, иногда поглядывая наверх, на акведук Валента. Он стоял на этом месте уже несколько сотен лет, поставляя горожанам пресную воду. Священник с удовольствием смотрел на эту постройку. Огромные известняковые блоки держались вместе благодаря гению инженеров, которые их возвели, а не известковому раствору, их скреплявшему. Акведук казался нерушимым, как сама Церковь, которая стояла прочно благодаря истинной вере и законам Божиим, принося своим преданным адептам живую воду духовного обновления.

Константин повернул налево, на тихую улицу, и пошел вверх, плотнее запахнув плащ. Он собирался повидать Елену Комнени, вдову Виссариона, — на всякий случай, вдруг Анастасий Заридес решит тоже ее навестить. Она может стать самым слабым из оставшихся звеньев.

Дождь закончился, но воздух оставался влажным. К тому времени как Константин добрался до дома Елены, его одежда была забрызгана грязью, а ноги ныли от усталости.

Он был довольно тучным и к тому же приближался к возрасту, когда прогулка по холмам больше не доставляет удовольствия.

Через большой, аскетично обставленный холл епископа провели в приемную, пол которой был выложен изысканной мозаикой, и слуга отправился сообщить хозяйке о его приходе.

Константин услышал вдалеке гул голосов, а затем – грудной женский смех, свободный и уверенный. Вряд ли это смеялась служанка. Хохотала сама Елена. Наверняка там есть кто-то еще. Интересно было бы узнать, кто именно.

Вернувшийся слуга проводил епископа по коридору к другой двери, громко назвал его имя и отступил в сторону. Константин прошел мимо служанки, державшей в руках изысканный флакон с благовониями. Он был изготовлен из сине-зеленого стекла и украшен у горлышка золотой каймой и жемчугом. Может быть, это подарок гостя, который так рассмешил Елену?

Хозяйка дома стояла в центре комнаты. У нее была привлекательная, но довольно необычная внешность. Изящная фигура, высокая талия. Плавные изгибы груди и бедер подчеркивала туника, скрепленная на плече фибулой и подпоясанная кушаком. Роскошные темные волосы были украшены заколками и гребнями. На Елене не было драгоценностей, поскольку официально она носила траур по мужу. У нее были удивительно высокие скулы, маленький изящный носик и крохотный рот. В глазах под тонкими бровями вразлет блестели слезы.

Елена с мрачным достоинством шагнула навстречу гостю.

– Как мило, что вы пришли, ваше преосвященство. Меня сейчас почти никто не навещает.

– Могу представить, как тебе одиноко, – ответил Константин мягко.

Он прекрасно знал, какие чувства она испытывала к Виссариону. И ему было известно гораздо больше о том, что с ним произошло, чем думала Елена. Но об этом между ними не будет произнесено ни слова.

– Если я могу тебя хоть как-то утешить, только скажи, – продолжил Константин. – Виссарион был хорошим человеком, приверженцем истинной веры. Поэтому вдвойне горько, что его предали те, кому он доверял.

Женщина подняла на гостя взгляд.

– Я до сих пор не могу в это поверить, – хрипло произнесла она. – Я продолжаю надеяться, что появятся сведения, которые докажут, что ни один из них в действительности не виновен. Не могу поверить, что это сделал Юстиниан. Это невозможно. Тут какая-то ошибка.

– Что же произошло на самом деле? – спросил Константин, чтобы выяснить, что именно Елена может сказать другим.

Она слегка пожала узкими плечами:

– Даже представить себе не могу.

Это был именно тот ответ, который он хотел услышать.

– Другие тоже могут об этом спросить, – сказал епископ довольно небрежно.

Елена подняла голову и глубоко вздохнула, приоткрыв губы. В ее глазах промелькнул страх – всего на мгновение, и Константин был не уверен в том, что ему это не почудилось.

– Наверное, мне повезло, что я ничего не знаю, – произнесла женщина.

В ее голосе не было вопросительной интонации, и, как епископ ни старался, ему ничего не удалось прочитать по ее лицу.

– Это так, – ответил он ровным голосом. – Мне будет спокойнее, если я буду знать, что сейчас, когда ты скорбишь по мужу, ты избавлена от дополнительных неприятностей.

В глазах Елены вспыхнуло понимание, но тут же исчезло, взгляд опять стал пустым.

– Спасибо, что навестили меня, ваше преосвященство. Помяните меня в своих молитвах.

– Непременно, дитя мое, – ответил Константин, поднимая руку, чтобы ее благословить. – Я всегда помню о тебе.

Он был уверен: Елена не настолько глупа, чтобы откровенничать с евнухом из Никеи, если Анастасий вдруг явится к ней с расспросами. Но, выйдя на залитую ярким солнцем улицу, Константин подумал: она знает больше, чем он предполагал, и попытается воспользоваться этими сведениями.

Кто так развеселил Елену, кто подарил ей этот изысканный флакон с благовониями? Константину очень хотелось бы это знать.

Глава 4

Анна вышла поболтать с соседями. Она готова была говорить о погоде, политике, религии – обо всем, что они захотят обсудить.

– Не могу больше стоять, – сказал наконец один из ее собеседников. Это был Паулус, местный лавочник. – У меня так распухли ноги, что я с трудом обуваюсь.

– Может, я смогу вам помочь? – спросила Анна.

– Просто мне нужно сесть, – ответил Паулус, скривившись от боли.

– Я лекарь. Возможно, я смогу предложить более действенное решение.

С недоверчивым видом Паулус последовал за Анной к ее дому, осторожно ступая по неровным камням.

Оказавшись внутри, она осмотрела его опухшие ступни и лодыжки. Кожа покраснела, и каждое прикосновение причиняло несчастному боль.

Анна наполнила таз холодной водой и положила туда травы, обладающие вяжущим действием. Опустив ноги в таз, Паулус вздрогнул, но через некоторое время Анна заметила, что его мускулы расслабились и на лице появилось выражение блаженства. Прохладная вода помогла избавиться от жжения. Что же требовалось Паулусу на самом деле – это изменить диету. Но Анна понимала, что говорить об этом следует как можно деликатней. Она посоветовала пациенту отдать предпочтение отварному рису с приправами и отказаться от фруктов, кроме яблок.

– И еще вам нужно пить много воды, – добавила она. – Родниковой, а не из озера, реки или колодца.

– Воды? – недоверчиво переспросил Паулус.

– Да. Это будет очень полезно для вас. Приходите в любое время, и я снова сделаю вам ножную ванночку. Хотите взять травы с собой?

Паулус с благодарностью принял предложение и достал деньги из кошелька, который носил с собой.

Анна смотрела, как он ковыляет по дороге, и знала, что он вернется.

Паулус рассказал о ней другим. Анна продолжала посещать лавки, расположенные недалеко от ее дома, и, когда выпадала такая возможность, вступала в разговоры с их хозяевами и покупателями.

Она не знала, имеет ли право потакать своим вкусам. Как все женщины, Анна обожала шелк. Ей нравилось, как мягко он скользит между пальцами, как растекается по полу, словно жидкость. Анна держала в руках отрез, наблюдая за тем, как он переливается, словно хвост павлина. Ее любимым цветом был персиковый. Прежде Анна носила шелка, которые оттеняли ее рыжевато-каштановые волосы. Возможно, она могла бы носить шелк и теперь. Тщеславие присуще не только женщинам, равно как и тяга к красоте.

В следующий раз, когда ей удастся заработать больше, чем два солида, она вернется и купит этот отрез.

Анна вышла на узкую улочку, и морской бриз освежил ее лицо. Она отошла в сторону, уступая дорогу тележке. Прохладное прикосновение шелка воскресило в памяти воспоминания...

Женщина осторожно спускалась по склону. Улица, как и многие другие, была еще не отремонтирована. То тут, то там виднелись разрушенные стены, выбитые окна, черные подпалы, оставленные пожаром. Это запустение заставило Анну еще острее ощутить собственное одиночество.

Она знала, почему Юстиниан поехал в Константинополь, и была не в силах его остановить. Но какие страсти, какие события привели к тому, что его обвиняют в убийстве? Ей необходимо было это выяснить. Не замешана ли тут любовь? В отличие от сестры, Юстиниан был счастлив в браке.

Прежде Анна в глубине души завидовала его счастью, но теперь нервно сглатывала, пытаясь спрятать поглубже свое горе, которое, казалось, kloкотало у нее внутри, сжимая горло. Она готова была отдать все, что у нее было, лишь бы Юстиниан снова был счастлив. Анна умела врачевать, но ее знаний оказалось недостаточно для того, чтобы спасти жену брата, Каталину. Та подхватила лихорадку и спустя две недели умерла.

Анна сильно горевала: она тоже любила Каталину. А Юстиниану после смерти жены белый свет стал не мил. Анна видела, как ему тяжело, и страдала вместе с ним. Но ей было не под силу утолить печаль брата и залечить рану в его душе.

Она видела, как меняется Юстиниан, словно его сердце медленно истекает кровью. Он искал спасения в рассудочности, как будто не смел коснуться сердца. Изучал церковную доктрину, но забывал, что Бог есть любовь.

Два года назад, в годовщину смерти Каталины, Юстиниан объявил, что едет в Константинополь. Анна молча стояла и смотрела ему вслед.

Он часто писал сестре, рассказывал ей о многом, но не о себе. Затем пришло последнее, страшное письмо, нацарапанное в спешке, и после этого – тишина.

Было начало июня. Анна уже два с половиной месяца жила в Константинополе, когда к ней пришел Василий. Он был высокий, худой, со строгим лицом, на котором читалось беспокойство.

Визитер тихо представился и сказал, что явился по рекомендации Паулуса.

Анна пригласила мужчину в кабинет и осведомилась о его здоровье, внимательно наблюдая за ним. Когда он говорил, тело Василия странно напряглось, и она подумала, что его боль гораздо сильнее, чем он готов был признать. Анна предложила посетителю присесть, но он отказался, продолжая оставаться на ногах. Женщина пришла к выводу, что его беспокоит боль в нижней части живота или в паху. Затем, спросив разрешения пациента, она коснулась его кожи. Та оказалась горячей и сухой. Анна проверила пульс. Он был размеренным, но слабым.

– Рекомендую вам воздержаться от употребления молока и сыра, по крайней мере в течение нескольких недель, – сказала она. – Пейте как можно больше родниковой воды. Можете добавлять в нее сок или вино. – Анна увидела на лице пациента растерянность. – И еще я дам вам настойку от боли. Где вы живете?

Его глаза удивленно распахнулись.

– Можете приходить каждый день, – продолжала Анна. – Доза должна быть отмеряна очень точно: слишком маленькая не снимет боль, слишком большая может убить. У меня лишь небольшой запас этого снадобья, но я найду еще.

Василий улыбнулся:

– Ты сможешь меня вылечить?

– У вас камень в мочевом пузыре, – сказала ему Анна. – Пока он будет выходить, будет больно, но потом все пройдет.

– Благодарю тебя за откровенность, – сказал Василий тихо. – Я возьму настойку и буду приходить к тебе каждый день.

Анна дала ему небольшую часть драгоценного фиванского опиума. Иногда она смешивала его с другими травами, такими как белена, чемерица, аконит, мандрагора, или даже с семенами салата, но сейчас ей не хотелось, чтобы пациент провалился в беспамятство.

Василий регулярно появлялся у нее и, если у Анны не было других пациентов, часто оставался на некоторое время, и они разговаривали. Он был умным, образованным челове-

ком, и Анна находила его приятным собеседником. Она очень надеялась получить от Василия какую-нибудь информацию по интересующему ее вопросу.

Анна завела об этом речь на вторую неделю лечения.

– Да, я знал Виссариона Комненоса, – сказал Василий, слегка пожав плечами. – Его очень беспокоил ожидаемый союз с Римской церковью. Как и остальным, Виссариону была ненавистна мысль о том, что здесь, в Константинополе, папа одержит верх над патриархом. Кроме того, что это будет унижительно и лишит нас самоуправления, это еще и непрактично. Любое обращение за разрешением, советом или помощью будет идти до Ватикана шесть недель. А сколько еще времени потребуется, чтобы оно попало к папе? И еще шесть недель, чтобы прибыл ответ... К тому времени, как его доставят, может быть уже слишком поздно.

– Да, – ответила Анна. – Кроме того, это еще и расточительно. Мы не можем позволить себе отсылать в Рим церковную десятину и пожертвования.

Василий так резко застонал, что она испугалась. Мужчина виновато улыбнулся.

– Мы снова в родном городе, но находимся на грани экономического краха. Нам нужно многое восстановить, но мы не можем себе этого позволить. Половина нашей торговли перешла к арабам, и теперь, когда Венеция ограбила нас, лишив святых реликвий, к нам больше не приезжают паломники.

Они сидели на кухне. Анна приготовила мятно-ромашковый отвар, и они пили его, пока он был горячим.

– Кроме того, – продолжал Василий, – главной проблемой остается вопрос о филиокве. Это настоящий камень преткновения. Рим учит, что Святой Дух исходит от Отца и Сына. Мы не можем смириться с этим, потому что страстно верим: есть только один Бог – Отец, и говорить иначе – кощунство.

– Виссарион тоже был против этого? – спросила Анна, понимая, что это риторический вопрос.

С чего вдруг все стали думать, будто Юстиниан его убил? В этом же нет никакого смысла! Ее брат всегда был православным.

– Да, категорически, – подтвердил Василий. – Виссарион был великим человеком. Он любил этот город и его жителей. Он знал, что союз с Римом осквернит истинную веру и в конце концов уничтожит все, что нам дорого.

– А что он собирался предпринять? – спросила Анна неуверенно. – Если бы остался жив...

– Не знаю, – пожал плечами Василий. – Виссарион был прекрасным оратором, но когда доходило до дела... он постоянно говорил: «завтра». И, как тебе известно, «завтра» для него так и не наступило.

– Я слышал, что его убили.

Анне трудно было произнести эти слова.

Василий посмотрел вниз, на свои руки, лежавшие на столе и сжимавшие чашку с отваром.

– Да, это сделал Антонин Кириакис. Его казнили.

– И Юстиниан Ласкарис, – подсказала Анна. – А суд был?

– Разумеется. – Василий поднял на нее взгляд. – Юстиниана отправили в изгнание. На суде присутствовал сам император. Оказалось, что Юстиниан помогал Антонину сделать так, чтобы все это выглядело как несчастный случай. Думаю, на самом деле они надеялись, что тело никогда не будет найдено.

Анна сглотнула.

– Где это произошло?

– На море. Тело Виссариона запуталось в веревках и сетях лодки Юстиниана.

– Но это еще ничего не доказывает, – возразила Анна. – Может быть, у Антонина не было лодки и он взял лодку Юстиниана?

– Они были близкими друзьями, – спокойно ответил Василий. – Антонин не стал бы подвергать опасности человека, которого так хорошо знал. Там было много других лодок, он мог взять любую из них.

Анна не видела в его словах никакой логики.

– Зачем Юстиниану оставлять улики, компрометирующие его? – Она знала ответ: ее брат никогда бы не совершил такой ошибки. – А они уверены, что Антонин виновен? Зачем ему было убивать Виссариона?

Василий качал головой:

– Понятия не имею. Возможно, они поссорились; Виссарион упал за борт и запаниковал. Довольно трудно помочь тому, кто испуганно барахтается в воде; такие люди представляют опасность для других.

Анна вообразила, как Юстиниан теряет терпение и бьет Виссариона – сильнее, чем намеревался. Ее брат был сильным мужчиной... Виссарион мог потерять равновесие... Он барахтается в воде, его тянет вниз, он задыхается, кричит. Мог ли Юстиниан поддаться панике? Нет, если только не изменился до неузнаваемости. Ее брат никогда не был трусом. И если он действительно намерен был убить Виссариона, то не допустил бы, чтобы труп запутался в веревках. Юстиниан обязательно нашел бы тело, затем привязал бы к нему груз, отплыл подальше и утопил бы его.

Внезапно Анна почувствовала облегчение. Вот первое доказательство, за которое можно ухватиться. У нее появились факты, и, даже если она пока что не могла ими воспользоваться, для нее самой они послужили неопровержимым доказательством невиновности брата.

– Больше похоже на несчастный случай, – заметила Анна.

– Возможно, – согласился Василий. – Вероятно, если бы погиб кто-нибудь другой, судьи решили бы именно так.

– А что особенного в смерти Виссариона?

Василий поморщился.

– Жена Виссариона, Елена, красива. А Юстиниан – привлекательный мужчина. Хоть он и очень набожен, но также красноречив и одарен прекрасным чувством юмора. Он вдовец, а посему волен потакать своим прихотям.

– Понятно...

Анна была вдовой и тоже таила в душе боль утраты, но это было совсем другое дело. Смерть Евстафия породила в ней чувство вины – и облегчение. Он происходил из хорошей семьи, был богат. Мужественный и опытный воин... Отсутствие у него воображения нагнало на Анну тоску, и в конце концов он стал внушать ей отвращение. К тому же Евстафий был груб. При воспоминании о нем ее до сих пор мучило. Анна ощущала пустоту внутри, чувствовала себя ущербной, такой же, как евнух, за которого она себя выдавала.

– Вы думаете, что Юстиниан был влюблен в Елену? – спросила она недоверчиво. – Об этом говорит людская молва?

– Нет, – покачал головой Василий. – Не совсем. По-моему, всему виной обычная ссора.

После того как Василий ушел, Анна проверила запасы трав и других необходимых снадобий. Ей нужен опиум. Фиванский лучше всего, но его привозили из Египта, и поэтому достать его было нелегко. Возможно, придется довольствоваться менее качественным сырьем. Также ей понадобится черная белена, мандрагора, сок плюща. К тому же у Анны почти закончились такие простые ингредиенты, как мускатный орех, камфора, розовое масло.

На следующее утро она отправилась на поиски еврея-травника, которого ей рекомендовали. Как и все евреи, он жил на другом берегу Золотого Рога, в районе под названием Галата. Анна взяла с собой деньги. Теперь, когда у нее был такой пациент, как Василий, ее финансовое положение стало гораздо лучше, чем прежде.

Было уже жарко, хотя день только начался. Идти было недалеко, и Анна с удовольствием наблюдала за людской суетой, пока торговцы разгружали ослов и раскладывали товары на прилавках. Приятно пахло свежей выпечкой и морем.

В гавани Анна подождала лодку и через пятнадцать минут была уже на северном берегу залива. Здесь было еще больше разрушений, чем в главной части города. Дома нуждались в ремонте, выбитые окна были закрыты чем придется. Нищета коснулась каждого здания. Анна видела людей в ветхих плащах и туниках. Лошадей тут было очень мало – евреям запрещалось ездить верхом.

Расспросив прохожих, она нашла маленькую невзрачную лавочку Аврама Шахара, расположенную на улице Аптекарей. Анна постучала в дверь. Ей открыл мальчик лет тринадцати, смуглый и щедушный.

– Что вам нужно? – вежливо, но настороженно спросил он.

Светлая кожа, каштановые волосы и серые глаза подсказывали ему, что перед ним едва ли его соплеменник, а безбородое лицо могло принадлежать только евнуху.

– Я лекарь, – ответила Анна. – Меня зовут Анастасий Заридес. Я приехал из Никеи и ищу поставщика трав. Мне посоветовали обратиться к Авраму Шахару.

Мальчик открыл дверь шире и позвал отца. Из задней комнаты появился человек. На вид ему было лет пятьдесят. В волосах виднелись седые пряди, на лице выделялись темные глаза с тяжелыми веками и крупный нос.

– Я – Аврам Шахар. Чем могу помочь?

Анна перечислила травы, которые ей были нужны, добавив амбру и мирру.

Глаза Шахара зажглись любопытством.

– Необычный набор для лекаря-христианина, – заметил он с улыбкой.

Он не упомянул о том, что христианам нельзя лечиться у еврейских лекарей, если только не получено особое разрешение, которое, как правило, давали лишь богачам и выдающимся церковным деятелям. Но взгляд Шахара говорил о том, что ему об этом известно.

Анна улыбнулась в ответ. Ей понравилось лицо этого еврея. А острый, но тонкий запах трав вызвал в ее памяти комнаты отца. Анна вдруг отчаянно затосковала по прошлому.

– Войди, – пригласил Шахар, ошибочно приняв ее молчание за растерянность.

Она последовала за ним. Он провел ее вглубь дома, в маленькую комнату с видом на сад. Вдоль трех стен стояли шкафы и ларцы из резного дерева, а центр комнаты занимал старый деревянный стол с латунными весами, ступкой и пестиком. Там рядом со стеклянными флаконами лежали листы египетской бумаги, стопки промасленного шелка и ложки с длинными серебряными, костяными и керамическими ручками.

– Ты из Никеи? – с интересом повторил Шахар. – И приехал работать в Константинополь? Будь осторожен, друг мой. Тут совсем другие правила.

– Знаю, – ответила Анна. – Я использую травы, – она махнула рукой в сторону шкафов и комодов, – только когда это необходимо. Я заучил дни наших святых, соответствующие каждой болезни и каждому времени года и дню недели.

Она посмотрела на еврея, ожидая увидеть на его лице недоверие. Анна прекрасно знала анатомию и была слишком хорошо знакома с арабской и еврейской медициной, чтобы верить, как остальные христианские лекари, в то, что все заболевания обусловлены исключительно грехами и покаяние способно излечить любую хворь. Однако говорить об этом вслух было бы неразумно.

В глазах Шахара мелькнул огонек понимания, но его лицо оставалось серьезным.

– Я могу продать тебе почти все, что тебе нужно. А то, чего у меня нет, сможет достать Абд аль-Кадир.

– Замечательно. А у тебя есть фиванский опиум?

Еврей поджал губы.

– Об этом можно спросить у Абд аль-Кадира. А тебе срочно нужно?

– Да. Я как раз лечу человека, которому он необходим, а мои запасы подходят к концу... А ты не знаешь хорошего хирурга, к которому можно будет обратиться, если камень не выйдет естественным путем?

– Знаю, – ответил Шахар. – Но не спеши. Не следует использовать нож, если этого можно избежать.

Разговаривая, он взвешивал, отмерял, паковал травы для нее, все это тщательно надписывая.

Когда еврей закончил, Анна взяла пакет и заплатила ему столько, сколько он запросил.

Шахар некоторое время изучал ее лицо, прежде чем принять решение.

– А теперь давай узнаем, сможет ли Абд аль-Кадир достать для тебя фиванский опиум. Если нет, у меня тоже есть порошок, немного похуже, но вполне подходящий. Идем.

Анна послушно последовала за ним, с нетерпением ожидая встречи с арабским лекарем и гадая, не является ли он хирургом, которого Шахар порекомендует для Василия. И как ее пациент-грек это воспримет? Хотя, возможно, операция ему и правда не понадобится.

Глава 5

Стоя у окна в своей любимой комнате, Зоя Хрисафес смотрела поверх городских крыш туда, где солнечный свет заливал воды Золотого Рога, превращая их в расплавленный металл. Женщина провела рукой по камню, еще хранящему тепло последних лучей заходящего солнца. Константинополь лежал перед ней, словно драгоценная мозаика. Позади виднелся древний величественный акведук Валента, похожий на Титана из римских мифов; его арки высились на севере еще с тех времен, когда Константинополь был восточным столпом империи, правившей миром. Справа, в Акрополе, было гораздо больше греческого, и, следовательно, он был понятнее для Зои. И, хотя дни его величия закончились задолго до ее рождения, пожилая женщина гордилась своим городом.

Она видела верхушки деревьев, скрывавшие руины дворца Буколеон, куда отец водил ее в детстве. Зоя попыталась воскресить эти светлые воспоминания, но все это было так давно, что многое уже стерлось у нее из памяти.

Заходящее солнце на мгновение скрыло убожество растрескавшихся стен, словно покрыв их шрамы золотой вуалью.

Зоя никогда не забывала о мучительной боли, которую испытала во время вражеского нашествия, когда равнодушные варвары разрушали прекрасные творения гениальных зодчих. Она смотрела на современный город, оскверненный, но изысканный, страстно желающий насладиться жизнью.

Природа была милостива к Зое. Ей было уже за семьдесят, но кожа на скулах по-прежнему оставалась гладкой. Золотисто-карие глаза смотрели ясно из-под красиво изогнутых бровей. Рот у нее всегда был слишком широким, но хорошо очерченные губы не потеряли сочности. Волосы уже не блестели так, как в былые годы, и после использования натуральных красителей были скорее темно-русыми, чем каштановыми, но оставались пышными.

Зоя еще какое-то время смотрела на огни Галаты, мерцающие на горизонте. Небо на востоке быстро темнело, на воды залива опускались фиолетовые сумерки. Шпили и купола отчетливо выступали на кобальтовом фоне. Женщина мысленно обращалась к сердцу города, к той его части, что была больше, чем дворцы или храмы, больше, чем Айя-София и огни над морем. Душа Константинополя была жива, и именно над ней надругались латиняне, когда Зоя была еще ребенком.

Когда солнце скрылось за низкими облаками и вдруг тотчас же ощутимо похолодало, женщина наконец отвернулась от окна и отступила вглубь комнаты, в которой ярко горели светильники. Она чувствовала запах смолы, видела, как языки пламени танцуют на сквозняке. Между двумя ткаными коврами, выполненными в темно-красных, фиолетовых и темно-коричневых тонах, висело золотое распятие. Зоя подошла и встала перед ним, глядя на искаженное мукой лицо Христа. Фигура была выкована с невероятным мастерством: каждая складка на набедренной повязке, каждая мышца, лицо, изможденное от боли, – все было выполнено безупречно.

Зоя осторожно потянулась к распятию и сняла его с крючка. Ей не нужно было на него смотреть, она и так знала каждую линию, каждый изгиб этого произведения. Женщина нежно, осторожно ощупывала распятие, словно лицо любимого, – хотя на самом деле ею двигала не любовь, а ненависть: она снова и снова представляла, как будет мстить, изощренно, медленно и жестоко.

Вверху, над фигурой Христа, был изображен герб семьи Вататзес, правившей Византией в прошлом. Он был зеленого цвета, с золотым двуглавым орлом. Над каждой головой была серебряная звезда. Когда пришли крестоносцы, Вататзесы предали Константинополь – бежали из захваченного города, забрав с собой бесценные иконы, но не для того, чтобы спа-

сти их от латинян, а чтобы выгодно продать. Они удирали, как трусы, грабя святилища и бросая на землю то, что не могли унести.

На правой руке Христа был герб семьи Дукасы. Они также были в свое время у власти. На их гербе на синем поле были изображены имперская корона и двуглавый орел с серебряным мечом в каждой лапе. Дукасы тоже оказались предателями: грабили ограбленных, лишившихся дома и беспомощных. В свое время и они узнают, что такое муки голода.

На левой руке был герб Кантакузенов, венценосной семьи, правящей до сих пор; их герб – золотой двуглавый орел на красном поле. Алчные святотатцы без стыда и чести. Они будут расплачиваться за это до четвертого колена. Константинополь не простит поругания своей души.

Посредине был герб самого мерзкого из всех, венецианского дожа Дандоло – простой ромб, разделенный по горизонтали на две части, сверху белая, внизу – красная. Именно дож Энрико Дандоло, девяностолетний слепец, стоял на носу головного корабля венецианского флота, прибывшего, чтобы захватить, разграбить, а после – сжечь Царь-город. Когда никто из его приспешников не решился первым ступить на берег, незрячий старец спрыгнул на песок и двинулся вперед. Семья Дандоло будет расплачиваться за это, пока шрамы пожарищ не исчезнут с камней Константинополя.

Зоя услышала, как кто-то позади нее откашлялся, прочищая горло. Это была Фомаис, ее чернокожая служанка с коротко остриженными выющимися волосами и грациозным гибким телом.

– В чем дело? – спросила Зоя, не отрывая взгляда от распятия.

– К вам пришла госпожа Елена, – ответила Фомаис. – Попросить ее, пусть подождет?

Зоя аккуратно повесила крест на стену и отступила, чтобы им полюбоваться. За годы, прошедшие после ее возвращения из изгнания, она сотни раз вешала его на стену, и всегда идеально ровно.

– Не торопись, – ответила она. – Принеси ей вина, а затем приведи сюда.

Фомаис ушла, чтобы исполнить приказание. Зоя хотела заставить Елену подождать. Ей не следует являться сюда по собственной прихоти, думая, что ее тотчас же примут. Елена была единственной дочерью Зои, и мать с колыбели лепила ее характер. Как бы Елена ни старалась, она никогда не сможет перехитрить мать.

Спустя несколько минут Елена тихо вошла в комнату. Ее лицо было сердитым. Слова были почтительными – слова, но отнюдь не тон. Как и полагалось, она по-прежнему носила траур по убитому мужу, поэтому с некоторым раздражением воззрилась на янтарную тунику матери. Складки одеяния подчеркивали высокий рост Зои, которым сама Елена похвастаться не могла.

– Добрый вечер, мама. Надеюсь, ты в добром здравии?

– Все хорошо, спасибо, – ответила Зоя с легкой снисходительной улыбкой, лишенной теплоты. – Ты слишком бледна. Но траур для того и предназначен. Недавно овдовевшая женщина должна выглядеть так, словно только что плакала, даже если на самом деле это неправда.

Елена проигнорировала это замечание.

– Ко мне приходил епископ Константин.

– В этом нет ничего удивительного, – ответила Зоя, изящно опускаясь на скамью. – Учитывая статус Виссариона, навещать тебя – его обязанность. Если бы он этого не сделал, это было бы упущением с его стороны. Он сказал тебе что-нибудь интересное?

Елена отвернулась, и теперь Зоя не видела ее лица.

– Епископ попытался разузнать, как много мне известно о смерти Виссариона. – Дочь бросила на Зою быстрый красноречивый взгляд. – А что я могла ему сказать?! Глупец! – еле слышно добавила она, и мать услышала в ее голосе страх.

– У Константина нет выхода: он вынужден выступать против союза с Римом, – резко ответила мать. – Епископ евнух. Если Рим захватит власть, он потеряет свое влияние. А если Константин останется во главе православной церкви, тебе многое сойдет с рук.

– Это цинично, – распахнула глаза Елена.

– Такова реальность, – ответила Зоя. – Главное, что это разумно. Мы византийцы, никогда не забывай об этом, – строго произнесла она. – Мы – сердце и мозг христианства, светоч мудрости всего цивилизованного мира. Утратив собственную идентичность, мы потеряем смысл жизни.

– Знаю, – ответила Елена. – Вопрос в том, знает ли об этом Константин? Чего он на самом деле хочет?

Зоя посмотрела на нее с презрением:

– Разумеется власти.

– Он евнух! – выплюнула Елена. – Давно миновали дни, когда евнух мог стать императором. Неужели Константин настолько глуп, что не осознает этого?

– В трудные времена мы обращаемся к тому, кто, по нашему мнению, сможет нас спасти, – тихо произнесла Зоя. – Не забывай и об этом. Константин умен, и он нуждается в любви. Не недооценивай его, Елена. Он, так же как и ты, падок на лесть, но смелее тебя. А ты сможешь польстить даже евнуху, если используешь свой ум так же, как женские прелести. На самом деле было бы замечательно, если бы, общаясь с мужчинами, ты в первую очередь использовала мозги.

Щеки Елены вспыхнули.

– Это говорит мудрая и добродетельная женщина, которая слишком стара, чтобы пользоваться другими средствами, – усмехнулась она.

Елена провела руками по тонкой талии и плоскому животу и расправила плечи, чтобы подчеркнуть свои соблазнительные формы.

Насмешка дочери больно ужалила Зою. При взгляде в зеркало собственные подбородок и шея ее раздражали, верхняя часть предплечий и бедра уже утратили упругость, которую сохраняли еще несколько лет назад.

– Пользуйся красотой, пока можешь, – ответила Зоя. – Больше у тебя все равно ничего нет. А с твоим-то ростом, как только ты прибавишь в талии, сразу же станешь квадратной, и твои груди улягутся на животе.

Елена схватила со стула длинное шелковое покрывало и замахнулась им на Зою, словно плетью. Конец покрывала зацепил высокую бронзовую подставку светильника и перевернул ее, и горящая смола растеклась по полу. В ту же секунду туника Зои вспыхнула. Она почувствовала, как жар обжигает ее ноги.

Боль была невыносимой. Женщина задыхалась от дыма. Ее легкие разрывались от надсадного кашля. Она поняла, что пронзительный звук, который чуть не оглушил ее, – это ее собственный крик. Память вдруг отбросила Зою далеко в прошлое, в тот ужасный день, когда на ее долю выпало тяжелое испытание. Со всех сторон темноту освещали красные отблески пожаров. Грохотали рушащиеся стены, падали камни, ревело пламя, повсюду царили ужас и смятение; ее горло и грудь опалил невыносимый жар...

Елена была рядом с матерью. Она пыталась потушить пламя водой и что-то кричала. В ее голосе слышалась паника, но мысли Зои по-прежнему были далеко. Она, маленькая девочка, цепляется за руку матери, бежит, падает, спотыкаясь об обломки стен, о разрушенные обгорелые тела. Потоки крови заливают мостовые. Зоя чувствует запах горящей человеческой плоти.

Она снова падает, больно разбив коленки. А когда ей удастся встать, матери рядом уже нет. Потом Зоя все-таки видит ее: один из крестоносцев хватается за мать, поднимает ее и швыряет о стену. Мечом распарывает ее тунику и набрасывается на женщину, яростно двигая

бедрами. Зоя понимает, что именно он делает. Ей кажется, что это ее тело подвергается насилию. Остановившись, крестonosец перерезал матери горло, и она осела на землю, заливая камни фонтаном алой крови.

Отец нашел их слишком поздно. Зоя сидела на земле неподвижно, как будто тоже была мертва.

Потом были боль и чувство утраты. Они с отцом оказались в незнакомых местах, мучились от голода, опустошенности и обездоленности. Зоя никак не могла избавиться от страха. А затем пришла ненависть... Она колола душу, наполняя ее неистовой яростью.

Елена чем-то укрыла мать. Языки пламени потухли, но ткань еще тлела, обжигая Зою невыносимым жаром. Ноги и бедра пульсировали жуткой болью. Только теперь она смогла разобрать слова: голос Елены дрожал от страха.

– Ты в безопасности! В безопасности! Фомаис пошла за лекарем. Есть тут один из Никеи, переехал совсем недавно... Он специализируется на ожогах... С тобой все будет в порядке.

Зое хотелось кричать, хотелось ругать дочь за этот глупый злой поступок, хотелось придумать такую месть, которая покажется страшнее смерти. Но горло женщины сжалось, и она не могла говорить. От боли у Зои перехватывало дыхание.

Она потеряла счет времени. Зоя снова и снова переживала события прошлого, видела лицо матери, ее истекающее кровью тело, чувствовала запах паленого мяса. Наконец кто-то пришел и заговорил с ней женским голосом. Незнакомка стала разматывать ткань, которой перевязала ожоги Елена. Боль была просто чудовищной. Зое казалось, что ее кожа все еще горит. Женщина до крови кусала губы, чтобы не закричать. Проклятая Елена! Черт бы ее побрал!

Незнакомка снова касалась ее тела, на сей раз чем-то прохладным. Жжение стало слабее. Зоя открыла глаза и увидела лицо. Перед ней была не женщина, а евнух. У него было гладкое лицо с тонкими чертами, в котором чувствовалась сила, а жесты и уверенность, с которой он двигался, были, несомненно, мужскими.

– Вам больно, но ожоги неглубокие, – сказал он спокойно. – Если лечить их правильно, скоро все заживет. Я дам вам мазь, которая снимет жар.

Но Зою сейчас беспокоил вовсе не жар, а мысль о шрамах. Она опасалась уродства. Женщина захрипела, но не смогла выдать из себя ни слова. Ее спина выгнулась, словно она боролась.

– Сделай что-нибудь! – закричала Елена лекарю. – Ей же больно!

Евнух даже не обернулся к ней. Он посмотрел в глаза Зои, как будто пытаясь разглядеть ее страх. У него были серые глаза. Он был красив какой-то женственной красотой. Правильные черты, ровные зубы. Жаль, что его оскостили. Зоя снова попыталась заговорить. Если она сможет побеседовать с лекарем, то ей удастся справиться с паникой, кипевшей в душе.

– Сделай же что-нибудь, идиот! – повторила Елена евнуху. – Разве ты не видишь, как она мучается? Что ты стоишь? Неужели ты ничего не умеешь?!

Лекарь по-прежнему не обращал на нее внимания. Он внимательно изучал лицо Зои.

– Убирайся! – воскликнула Елена. – Мы найдем кого-нибудь другого.

– Принесите мне кубок легкого вина с двумя ложками меда, – сказал ей евнух. – Пусть мед хорошенько растворится.

Елена заколебалась.

– Пожалуйста, поторопись, – попросил он.

Елена развернулась и ушла.

Евнух снова принялся наносить мазь на ожоги, потом стал накладывать повязки. Он оказался прав: мазь сняла жар, и постепенно боль начала стихать. Елена вернулась, неся кубок с вином. Лекарь взял его и осторожно помог Зое сесть, чтобы она смогла выпить вино.

Сначала ее горло саднило, но с каждым глотком ей становилось все легче, и к тому моменту, когда кубок опустел наполовину, Зоя уже могла говорить.

– Спасибо, – произнесла она хрипло. – Шрамы будут очень глубокими?

– Если вы станете держать раны в чистоте и регулярно наносить на них мазь, их не будет вовсе, – ответил лекарь.

Но после ожогов всегда остаются шрамы – Зоя знала это, потому что не раз видела людей с обожженной кожей.

– Лжец! – процедила она сквозь зубы. Ее тело снова напряглось под его рукой, придерживающей ее за спину. – В детстве я стала свидетелем того, как крестоносцы грабили Константинополь, и знаю, что такое ожоги. Я помню запах горящей человеческой плоти и вид тел, которые невозможно опознать.

В глазах евнуха промелькнула жалость, но Зоя не была уверена, что ей сейчас хотелось именно этого.

– Все настолько плохо? – просипела она.

– Я вам уже сказал, – спокойно ответил евнух. – Если будете следить за ранами и пользоваться мазью, шрамов не останется. Вы должны тщательно обрабатывать ожоги. Они не глубокие, именно поэтому вам так больно. Глубокие ожоги болят меньше, но хуже заживают.

– Полагаю, ты хочешь вернуться сюда через пару дней, надеясь, что тебе заплатят дважды? – фыркнула Зоя.

Лекарь улыбнулся: ее слова его развеселили.

– Конечно. Это вас беспокоит?

Зоя отклонилась немного назад. Она вдруг ощутила нечеловеческую усталость. Боль ослабела настолько, что можно было вовсе о ней не думать.

– Ничуть. Моя служанка тебя проводит.

Зоя закрыла глаза, и Анна поняла, что это – знак удалиться.

Зоя забылась на несколько часов. Когда она проснулась в своей кровати, был уже полдень следующего дня. Елена стояла рядом с ее постелью, глядя на мать сверху вниз. Свет из окна падал ей прямо на лицо. Кожа дочери была безупречна, но яркий свет подчеркивал жесткую линию рта и слегка обвисшую кожу под подбородком. Елена озабоченно хмурила брови. Но, как только она поняла, что Зоя проснулась, озабоченность исчезла с лица.

Зоя холодно посмотрела на дочь. Пусть понервничает. Зоя снова закрыла глаза, словно не желая видеть Елену. Баланс сил изменился. Дочь причинила ей боль и, что еще хуже, заставила испугаться. Ни одна из них об этом не забудет.

Боль от ожога теперь доставляла Зое легкий дискомфорт, не более. Евнух и вправду оказался хорошим лекарем. Если он не солгал и шрамов действительно не останется, она щедро его наградит. Не мешает продолжить с ним знакомство и вызвать у него чувство признательности, найдя ему пациентов. Лекари иногда вхожи в такие места, куда другим путь заказан. Они видят людей беспомощными, узнают их слабости и страхи, а также сильные стороны. Именно по ним можно наносить удары, ведь никто этого не ожидает. Люди не осознают, что их сильные стороны могут стать ахиллесовой пятой.

Зоя прекрасно понимала, что этот ожог мог обезобразить и даже убить ее. Если она будет и дальше откладывать свою месть, в конце концов может оказаться слишком поздно. С ней может еще что-нибудь случиться.

Не исключен еще один нежелательный вариант: ее враги умрут естественной смертью, лишив ее законной победы. Она ждала так долго только для того, чтобы в полной мере наслаждаться местью. Не было смысла расправляться со своими врагами, прежде чем они возвратятся из изгнания и вернут себе власть и богатство. Если им будет нечего терять, месть не будет такой сладостной.

Зоя протяжно вздохнула и улыбнулась. Пора начинать.

Глава 6

Анна покинула дом Зои Хрисафес, испытывая пьянящее чувство торжества. Наконец-то она смогла продемонстрировать, что умеет лечить тяжелые ожоги, шрамы от которых без колхидской мази остались бы навсегда. Отец Анны привез рецепт этого снадобья из путешествия по побережью Черного моря, по земле легендарной Медеи, от имени которой и появилось слово «медицина». Исцеление Зои может привлечь к Анне новых пациентов, и, если повезет, среди них будут люди, которые знали Виссариона и, соответственно, Юстиниана, Антонина и того, кто на самом деле совершил убийство.

Возвращаясь вечером в свое новое жилище, Анна думала о доме, который только что покинула. Зоя необыкновенная женщина. Она была испугана и мучилась от боли, но ее напряжение, накал чувств в ее душе вызывали тревогу.

Что же стало причиной пожара в этой великолепной комнате с коваными подставками для светильников и богатыми коврами? Неужели он был устроен преднамеренно? Именно поэтому Елена была так напугана?

Анна ускорила шаг, думая о выгоде, которую можно извлечь из представившейся возможности. На евнуха, как и на слуг, обычно никто не обращает внимания. Она сможет услышать отрывки разговоров, сложить их вместе, словно части головоломки, и сделать определенные выводы.

Первую неделю Анна приходила в дом к Зое каждый день. Визиты были краткими – только для того, чтобы убедиться, что процесс заживления идет как положено. Судя по состоянию кожи Зои и по насыщенному цвету ее волос, она и сама умела обращаться с травами и мазями. Конечно, Анна никогда не говорила об этом вслух – это было бы бестактно. Придя в четвертый раз, она застала у Зои Елену. Та явилась, чтобы навестить мать.

Анна сидела на краю кровати пациентки, покрывая ее раны мазью с довольно резким запахом.

– Воняет, – заметила Елена, сморщив нос. – У большинства твоих масел и притирок запах более приятный.

Зоя сердито сузила глаза:

– Тебе следует научиться ими пользоваться и узнать ценность благовоний. Красота лишь поначалу божий дар. Ты приближаешься к возрасту, когда она становится искусством.

– А затем наступает время, когда красота – уже чудо, – фыркнула Елена.

Зоя изумленно распахнула золотисто-карие глаза.

– Тому, у кого нет души, трудно поверить в чудо.

– Может быть, я поверю в него, когда оно мне понадобится.

Зоя окинула дочь взглядом снизу доверху.

– Смотри, как бы не было поздно, – прошептала она.

Улыбка Елены сочилась тайным удовлетворением.

– Все не так, как ты думаешь. В мои намерения входило добиться того, чтобы ты не сомневалась, будто все знаешь, – но это не так. Тебе до сих пор многое неизвестно.

Мать постаралась не выказать удивления, но Анна все же его заметила.

– Если ты имеешь в виду покушения на Виссариона, – ответила Зоя, – то они для меня не тайна. Отравление и потом – удар ножом на улице. Чувствуется твоя рука. Оба покушения закончились неудачей. Они были плохо спланированы. – Она привстала, оттолкнув Анну в сторону и сосредоточив внимание на дочери. – И кто теперь, по-твоему, займет место Виссариона, дурочка? Юстиниан? Деметриос? Так и есть – Деметриос! Думаю, мне следует благодарить за это Ирину.

Это было утверждение, а не вопрос. Зоя снова откинулась на подушки, и ее лицо сморщилось от боли. Елена вышла из комнаты.

Продолжая обрабатывать раны пациентки, Анна обдумывала услышанное. Значит, были и другие покушения на жизнь Виссариона. Кто их организовал? Зоя считала, что за ними стоит Елена. Почему? Кто такой Деметриос? Кто такая Ирина? Теперь у нее появился след.

Анна закончила бинтовать ожоги, изо всех сил стараясь, чтобы ее руки не дрожали.

Разузнать все было несложно. Ирина Вататзес была личностью довольно известной. Некрасивая, умная, наследница старинной знатной семьи – по рождению она принадлежала к роду Дукас. Ходили слухи, что именно благодаря ей состояние ее мужа неуклонно растет, несмотря на то что он еще не вернулся из изгнания, большую часть которого провел в Александрии.

У Ирины был единственный сын – Деметриос. На этом сведения заканчивались. Анна не решалась разузнавать дальше. Связи, которые она сейчас искала, могли быть опасными.

К августу ожоги Зои почти полностью зажили. Благодаря ее покровительству у Анны появились новые пациенты. Некоторые из них были богатыми купцами, торговавшими пуш-ниной, специями, серебром, драгоценными камнями и шелком. Они с радостью платили два или три солида за травы и профессиональную помощь по первому требованию.

Анна велела Симонис купить ягнятину или козлятину – это мясо рекомендовалось есть только в первой половине месяца. С тех пор как они приехали в Византию (это произошло в начале марта), их питание было довольно скудным. Теперь пришла пора отпраздновать успех. Мясо следовало подать горячим, с медом, уксусом и, возможно, со свежей тыквой.

– Ты знаешь, какие овощи надо есть в августе, – добавила Анна. – И еще подай желтые сливы.

– Я принесу розовое вино.

Последнее слово всегда было за Симонис.

Анна зашла в местную лавку, где торговали шелком, и выбрала отрез ткани, который ей так приглянулся. Она пропустила мягкую прохладную ткань между пальцами. Шелк стекал, словно вода. Анна любовалась тем, как играет ткань под лучами солнца, медленно поворачивая ее то в одну, то в другую сторону. Сначала шелк казался янтарным, потом – абрикосовым, потом цвета пламени. Он шевелился и трепетал на ветру, как живой. То же самое люди говорили о евнухах: что их сущность неуловима и изменчива. Это было своеобразным упреком – принято считать, что на евнухов нельзя положиться, они ненадежны.

Анна же понимала причину этого: евнухам приходилось притворяться, чтобы выжить. Они были такими же, как и все прочие, – со своими желаниями, страхами и мечтами. И тоже чувствовали боль.

Анна решила сшить из шелка далматику и приняла предложение лавочника, когда тот вызвался раскроить и сшить ее, а потом доставить ей домой. Женщина поблагодарила его и ушла, улыбаясь. У нее было отличное настроение, несмотря на жару и пыль – в городе уже много дней не было дождя.

Потом Анна заглянула в лавки на улице Меса. Она купила новые льняные туники и плащи для Льва и Симонис, попросив, чтобы их доставили прямо домой.

Каждое воскресенье Анна посещала ближайшую церковь, за исключением тех случаев, когда пациент требовал ее неотлучного присутствия. Но теперь ей захотелось нанять лодку и поехать в собор Святой Софии – Премудрости Божией. Он стоял на возвышении, в самом конце Месы, между Акрополем и Ипподромом.

Опустился вечер. Было тихо, тепло и душно, даже на воде. Солнце садилось все ниже, воды Золотого Рога сверкали в его лучах, словно шелк. Залив получил свое название именно из-за отражения солнечных лучей в его водах на восходе и на закате.

Лодка причалила к берегу уже в сумерках, и Анна пошла по круто поднимающейся от гавани улице, освещенной фонарями и факелами.

Она с трепетом приблизилась к Святой Софии, теперь казавшейся черной на фоне блекнувшего неба. Вот уже тысячу лет он стоял на этом месте, самый большой храм христианского мира. Айя-София была полностью уничтожена в результате пожара в 532 году. В 558 году огромный купол рухнул во время мощного землетрясения. Почти тотчас его заменили новым, и теперь он высился темной громадой на фоне гаснущего неба. Конечно, Анна много раз видела этот храм снаружи. Само здание было более двухсот пятидесяти футов в любом направлении. Красноватая штукатурка в лучах восходящего или заходящего солнца светилась так ярко, что моряки, подходя к берегу, видели храм еще издалека.

Анна вошла в бронзовые двери и в изумлении остановилась. Огромный собор купался в свете бесчисленных свечей. Анна словно находилась внутри драгоценного камня. Колонны из кроваво-красного порфира... Отец рассказывал ей, что древние прекрасные, бесценные колонны изначально были доставлены из египетского храма в Гелиополисе. Полихромный мрамор холодного зеленого и белого цветов доставили из Греции или Италии. Белый мрамор был инкрустирован слоновой костью и жемчугом. На стенах – золотые иконы из древних храмов Эфеса. Красоту убранства трудно было описать словами.

Создавалось впечатление, будто свет повсюду, а вся конструкция парит в воздухе, не нуждаясь в точках опоры. Арки были покрыты мозаикой, поражавшей своей красотой, – темно-синие, серые и коричневые фрагменты на фоне бесчисленных крошечных золотых пластинок. На ней были изображены святые и ангелы, Дева Мария с младенцем Христом, пророки и мученики. Когда началась служба, Анна заставила себя отвести взгляд от прекрасной мозаики. Голоса певчих зазвучали громче, мелодично и слаженно.

Движимая верой и страстным желанием ощутить причастность к происходящему, Анна направилась к ступеням, ведущим на верхние галереи храма. Склонив голову, она стала подниматься вместе с другими прихожанами. Этот ритуал был знаком ей с раннего детства. Еще маленькой девочкой Анна с матерью направлялась в женскую половину их церкви в Никее, а Юстиниан с отцом и другими мужчинами шел в главную часть храма.

Анна поднялась наверх и остановилась вместе со всеми, глядя вниз, в сердце храма, где священники с благоговением проводили причастие святых тайн Тела и Крови Христовой, данное людям во искупление грехов. Обряд был полностью византийский, строгий и тонкий, древний, как доверие между человеком и Богом.

Проповедь была посвящена вере Гедсона, ведшего армии детей Израилевых против сил, казавшихся неодолимыми. Снова и снова Господь велел Гедсону сократить его скудную армию, пока сама попытка ввязываться в битву не стала казаться абсурдной. Священник подчеркнул, что это было сделано для того, чтобы, одержав победу, израильтяне знали: это стало возможно только благодаря Господу. Они бы чувствовали себя победителями, но в то же время вели себя смиренно и с благодарностью. Они знали бы, на кого опираться в будущем. Повинуйся Господу, и для тебя не будет ничего невозможного.

Имел ли священник в виду угрозу их Церкви, исходящую от союза с Римом, или повторное вторжение крестоносцев, если Византия откажется от союза и латиняне вернутся, жестокие и кровавые, как прежде?

После того как стихли последние звуки, Анна повернулась, готовая уйти, и тут ее обуял несказанный ужас. Она бессознательно последовала на женскую половину церкви, забыв о том, что притворяется евнухом. Что же делать? Как ей теперь уйти отсюда? Тело Анны покрылось холодным потом. Всем известно, что балконы верхнего этажа предназначены для

женщин. Анне стало мучительно стыдно. Опустив глаза, мимо нее проходили женщины, у которых, в отличие от нее, были покрыты головы. Никто из них не оглянулся туда, где она стояла, – цепляясь за перила, чуть покачиваясь, словно от сильного головокружения. Нужно найти какое-то оправдание, но какое? Ничто не могло объяснить ее присутствие здесь.

Рядом с Анной остановилась усталая пожилая женщина. О боже, она собирается требовать объяснений? Ее лицо было мертвенно-бледным. Она сейчас потеряет сознание и привлечет внимание всей толпы!

Старуха покачнулась и надсадно закашлялась; на ее губах появилась кровь.

Ответ пришел, словно озарение свыше. Приобняв женщину, Анна помогла ей сесть на ступени и мягко сказала:

– Я лекарь. Я провожу вас домой.

Женщина помоложе обернулась и заметила их. Она быстро поднялась по ступеням.

– Я лекарь, – быстро повторила Анна. – Я увидел, что эта женщина выглядит больной, и поднялся, чтобы ей помочь. Я отведу ее домой.

Анна помогла пожилой женщине подняться и обняла ее за плечи, поддерживая.

– Идемте, – подбодрила она старуху. – Показывайте дорогу.

Молодая женщина улыбнулась, одобрительно кивнув Анне.

Тем не менее, вернувшись домой, Анна все еще дрожала от пережитого волнения. Симонис с тревогой смотрела на нее, понимая, что что-то произошло, но Анне было слишком стыдно за свою глупость, и она не стала рассказывать о случившемся.

– Тебе удалось еще что-нибудь узнать? – спросила Симонис, протягивая хозяйке стакан с вином, и поставила перед ней блюдо с хлебом и зеленым луком.

– Нет, – тихо ответила Анна. – Еще нет.

Симонис ничего не сказала, но ее взгляд был красноречивее слов. Они рисковали жизнью вдали от дома вовсе не для того, чтобы Анна могла попрактиковаться в медицине. По мнению Симонис, у Анны и в Никее было достаточно пациентов. Единственная причина, по которой они оставили родной дом и друзей, – это желание спасти Юстиниана.

– Новые туники очень хороши, – тихо сказала Симонис. – Спасибо. Должно быть, у тебя появились новые пациенты. Богатые.

Анна почувствовала неодобрение в ее напряженных плечах, в том, как служанка сосредоточенно перемалывает зерна горчицы, которые собиралась добавить завтра в соус для камбалы.

– То, что они богаты, случайность, – ответила Анна. – Эти люди были знакомы с Юстинианом и Виссарионом. Я узнаю у них о друзьях своего брата и, возможно, о врагах Виссариона.

Симонис подняла на хозяйку заблестевшие глаза и коротко улыбнулась; это все, что она могла себе позволить, боясь накликать неудачу.

– Хорошо, – кивнула служанка. – Я понимаю.

– Тебе не нравится этот город, да? – тихо спросила Анна. – Знаю, ты скучаешь по людям, которые остались в Никее. Я тоже.

– Мы здесь по необходимости, – ответила Симонис. – Мы должны выяснить правду, узнать, что произошло на самом деле, и спасти Юстиниана. Не останавливайся. Я найду себе новых друзей. А теперь отправляйся спать – уже поздно.

Глава 7

В начале октября Зоя послала к Анне слугу с просьбой приехать к ней незамедлительно. Зоя была похожа на огонь – опасный, непредсказуемый, временами разрушительный, но прежде всего ослепительно яркий. Она остро нуждалась в помощи Анны, которая могла разузнать у нее необходимые сведения.

Как только Анна явилась, Зоя тут же приняла ее, что, конечно, должно было польстить самолюбию гостьи. Сегодня на хозяйке была бордовая туника, поверх которой была надета более легкая красная далматика, украшенная огромной брошью из золота и янтаря. Золото и янтарь были также в ушах и на шее Зои, и еще на вышитом подоле ее роскошного одеяния. Хозяйка дома была поистине неотразима.

– Ах, Анастасий! – возбужденно воскликнула она, с улыбкой направляясь к Анне. – Как продвигаются твои дела? От своих друзей я постоянно слышу хвалебные отзывы о тебе. – Она сказала это из вежливости, хотя и не без энтузиазма.

Своим вопросом она также напомнила Анне о том, что большинство ее состоятельных пациентов, которые платили вовремя и рекомендовали ее своим друзьям, появились у нее благодаря Зое.

– Чем дальше, тем лучше. Я благодарен вам за рекомендации.

– Рада, что они оказались тебе полезны. – Зоя взмахнула украшенной кольцами изящной рукой, указывая на стол, на котором стоял кувшин с вином, несколько кубков и ваза зеленого стекла с миндалем.

– Спасибо, – сказала Анна, как бы принимая приглашение, но не сделав к столу ни шага.

Она была слишком напряжена, потому что не знала, чего от нее хочет Зоя. Хозяйка дома прекрасно выглядела благодаря своим бальзамам, настойкам и огромной силе воли.

– Чем могу быть вам полезен? – спросила Анна.

Она научилась не рассыпаться в комплиментах женщинам, как будто и в самом деле была евнухом.

Зоя довольно улыбнулась.

– Давай перейдем сразу к делу, Анастасий. Я оторвала тебя от пациента?

Она прощупывала почву, пытаясь увидеть, как Анастасий будет балансировать между лестью и правдой, сохраняя достоинство и гордость за свою ученость и в то же время всегда с готовностью выполняя ее желания. Анна все еще не могла позволить себе ей отказать, и они обе об этом знали. Но Зоя уже не была ее пациенткой и к тому же держалась с Анастасием крайне высокомерно. Анна даже представить себе не могла, что они могли бы быть друзьями. Анастасий – простой евнух из провинции, самостоятельно зарабатывающий на жизнь. Зоя же происходила из аристократической семьи и была не просто коренной жительницей этого города, но и его душой.

Анна слегка улыбалась, тщательно подбирая слова:

– Это касается моего ремесла?

Золотистые глаза Зои насмешливо сверкнули:

– Разумеется. У моей подруги, молодой женщины по имени Евфросиния Далассена, кожное заболевание, которое очень ее беспокоит. Вижу, ты поднаторел в лечении таких недугов. Я пообещала, что ты к ней зайдешь.

Анна привыкла к высокомерию этой аристократки, поэтому проигнорировала очередной укол своему самолюбию. Тем не менее Зоя заметила блеск в глазах лекаря и поняла, что он означает. Это ее обрадовало.

Она медленно кивнула и назвала улицу и номер дома.

– Отправляйся туда немедленно. Тщательно обследуй Евфросинию, не только тело, но и рассудок. Меня беспокоит ее состояние. Понимаешь?

– Я с удовольствием доложу вам об этом, – ответила Анна.

– На самом деле мне плевать на состояние ее кожи! – отрезала Зоя. – Не сомневаюсь: ты о ней позаботишься. Евфросиния недавно овдовела... Меня волнует ее душевный настрой и сила ее духа.

Анна замешкалась, опасаясь гнева Зои, и наконец решила промолчать. Не следовало сердить Зою без особой на то причины. Она позже решит, что именно ей рассказать.

– Я без промедления пойду туда, – любезно сказала Анна.

– Спасибо, – поблагодарила ее Зоя с улыбкой.

Евфросинии Далассене было около тридцати, но она выглядела моложе своих лет. У нее были прелестные черты лица, и ее можно было бы назвать красавицей, если бы она не была такой вялой. Анна решила, что, скорее всего, это связано с ее болезнью. Евфросиния лежала на кушетке. В ее светло-каштановых волосах не было украшений, кожа напоминала воск. Анна вошла в незатейливо обставленную комнату в сопровождении служанки, которая осталась стоять у двери.

Анна представилась и задала положенные вопросы, чтобы выяснить симптомы. Затем осмотрела болезненную сыпь на спине и нижней части живота пациентки. Ей показалось, что у Евфросинии небольшая температура. Анну смутило и огорчило состояние женщины, которая, приподнявшись на постели, не сводила глаз с ее лица, со страхом ожидая вердикта.

В конце концов Евфросиния не выдержала.

– Я через день бываю на исповеди. У меня не осталось ни одного греха, в котором бы я не покаялась, – сказала она. – Я соблюдаю посты, молюсь... Не понимаю, за что мне это наказание.

– Господь не карает за то, с чем человек не в состоянии справиться, – выпалила Анна и тут же, удивившись собственной дерзости, спросила себя, было ли это ее собственным убеждением или она только что озвучила церковную доктрину.

Она почувствовала, что покраснела.

– Значит, я смогу с этим справиться, – грустно произнесла Евфросиния. Ее логика была безупречной. – Что же я упустила? Я молилась Георгию Победоносцу, святому покровителю больных, страдающих кожными заболеваниями, но он покровительствует и многим другим. Я также молилась святому архимандриту Антонию, на всякий случай, об исцелении кожных недугов. Каждый день я бываю в церкви, исповедуюсь, подаю милостыню бедным и делаю пожертвования Церкви. Отчего же со мной все это произошло? Не понимаю. – Она снова откинулась на кушетку.

Анна вдохнула. Ей хотелось сказать Евфросинии, что ее болезнь не имела ни малейшего отношения ни к грехам, ни к ошибкам, ни к судьбе, но осознала, что ее слова могут счесть ересью.

Евфросиния продолжала наблюдать за ней. Пот выступил у нее на коже, влажные волосы распрямились. Нужно ей ответить, иначе пациентка разуверится в профессионализме приглашенного врача.

– Может быть, ваш грех заключается в том, что вы недостаточно уверены в любви Господа? – произнесла Анна и замерла, потрясенная собственными словами. – Я дам вам лекарства, которые вы будете принимать, и мазь, которой служанка будет смазывать вашу сыпь. Каждый раз, когда вы будете выполнять мои предписания, молитесь и верьте, что Господь любит вас, именно вас.

– Разве это правда? – с горечью проговорила Евфросиния. – Мой муж умер молодым, не достигнув и половины того, чего мог бы достичь, а я даже не смогла родить ему ребенка!

Меня изуродовала болезнь, и я уже не смогу понравиться мужчинам. Разве Господь меня любит? Я совершаю какую-то чудовищную ошибку, но не понимаю какую.

– Да, вы правы! – сердито воскликнула Анна. – Как вы посмели назвать себя уродливой? Господь не ждет, что вы всегда будете поступать правильно, потому что это невозможно, но Он надеется, что вы будете Ему доверять.

Евфросиния с удивлением уставилась на лекаря.

– Я поняла, – сказала она с замешательством. – Я немедленно исповедуюсь.

– И не забывайте принимать лекарства, – напомнила ей Анна. – Господь дал нам лекарственные травы и масла, а также разум, чтобы понять их предназначение. Не пренебрегайте Его дарами – это будет неблагодарностью с вашей стороны и, несомненно, тяжким грехом.

И, конечно, перечеркнет все усилия лекаря, но об этом Анна ей не сказала.

– Я буду выполнять ваши предписания! Обязательно буду! – с жаром пообещала Евфросиния.

Спустя неделю Евфросиния полностью исцелилась, и Анна пришла к выводу, что, скорее всего, ее лихорадка была вызвана страхом перед воображаемым прегрешением.

Как и обещала, Анна отправилась с докладом к Зое. На этот раз ей пришлось ждать не менее получаса. Увидев лицо хозяйки дома, Анна сразу же поняла: той уже известно о выздоровлении Евфросинии. Вполне вероятно, Зоя также знала, сколько заплатили лекарю, но вынуждена была скрывать свое раздражение. Анна еще раз поблагодарила ее за рекомендацию.

– Что ты о ней думаешь? – небрежно спросила Зоя.

Сегодня на ней был темно-синий, отделанный золотом наряд, который в сочетании с прекрасными волосами и глазами производил неотразимый эффект. Бывали моменты, когда Анна страстно, почти до физической боли желала вновь надеть женское платье и украсить свои волосы. Тогда бы она выглядела не хуже Зои. Анна заставила себя вспомнить о Юстиниане, который находился сейчас в бесплодной иудейской пустыне, возможно, в рубище, и причину, почему она оказалась здесь, выдавая себя за евнуха. Не думает ли ее брат, что она его забыла?

Зоя с нетерпением ждала ответа.

– Неужели у тебя сложилось о ней настолько плохое мнение, что ты не можешь ответить прямо? Ты должен быть откровенен со мной, Анастасий.

– Это доверчивая, приятная молодая женщина, – ответила Анна, – болезненно честная, легко поддающаяся убеждениям. Покорная – боится ослушаться.

Золотистые глаза Зои широко открылись.

– А у тебя острый язык, – весело сказала она. – Но будь внимателен – ты должен быть осторожен.

Кожа Анны покрылась потом, но она не отвела взгляд. Она знала, что ей нельзя проявлять слабость в присутствии Зои.

– Вы хотели знать правду. Мне следует быть менее откровенным?

– Ни в коем случае, – ответила Зоя. Ее глаза загорелись и стали похожи на самоцветы. – Или, если будешь лгать, делай это так искусно, чтобы я не смогла догадаться.

– Сомневаюсь, что у меня это получится, – улыбнулась Анна.

– А ты, оказывается, достаточно мудр, раз сказал такое, – протянула Зоя вкрадчиво. – Мне бы хотелось, чтобы ты кое-что для меня сделал. Если купец по имени Косьма Кантакузен будет интересоваться твоим мнением о характере Евфросинии, ты сможешь ответить ему искренне? Скажи ему, что она честная, простодушная и послушная.

– Конечно, – ответила Анна. – А я был бы вам признателен, если бы вы рассказали мне больше о Виссарионе Комненосе.

Эти слова прозвучали довольно дерзко. Анна не успела придумать объяснение своему интересу. Но Зоя тоже не удосужилась объяснить, почему она хотела, чтобы Косьме порекомендовали Евфросинию.

Зоя подошла к окну и стала рассматривать запутанный узор из крыш.

– Полагаю, ты хочешь узнать о его смерти, – сухо сказала она. – Жизнь Виссариона была ничем не примечательна. Он женился на моей дочери, но оказался занудой, ханжой и святошей.

– И за это его убили? – с недоумением спросила Анна.

Зоя медленно развернулась и скользнула взглядом по Анне – сначала по спрятанному под маской евнуха женственному лицу без признаков растительности и не украшенному ни трогательными локонами, ни косметикой. Потом она переключила внимание на тело, остановила взгляд на груди, но естественный изгиб был надежно скрыт от посторонних глаз слоем ваты, которой было набито одеяние лекаря от плеч до бедер.

Анна прекрасно осознавала, как выглядит. Она хорошо поработала над своим внешним видом. Впрочем, в присутствии красивых женщин, например сейчас, она ненавидела свой новый облик. Волосы, обрезанные коротко, подходили типу ее лица. Они не были уложены в тугую прическу, как у нарядных модниц, однако Анна все еще грустила о своих гребнях и украшениях. Но больше всего она скучала по краске для бровей и пудре, которая выравнивала цвет ее кожи и придавала губам более бледный, не природный оттенок.

В соседней комнате послышались громкие шаги служанки. Анна нарочно заставила себя вспомнить, какой страх испытала Зоя, когда обожглась, какой беззащитной она была перед болью. Тогда она выглядела как обычный человек, попавший в беду.

Зоя заметила, что взгляд лекаря изменился, но не поняла причину этого и слегка пожала плечом.

– На Виссариона покушались не раз, – заметила она. – За год до его смерти на него напали на улице. Мы так и не узнали, была ли это попытка ограбления или же один из его телохранителей нарочно устроил драку, чтобы в суматохе заколоть хозяина, но не смог. Виссариона ударили кинжалом всего один раз, но рана оказалась довольно глубокой.

– Почему телохранитель хотел его убить? – спросила Анна.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила Зоя и сразу же по лицу лекаря поняла, что совершила ошибку.

Конечно, на самом деле Зоя знала ответ. Чтобы скрыть свою оплошность, она перешла в наступление.

– Все это произошло еще до твоего приезда, – сказала она. – Почему тебя это так волнует?

– Я должен разобраться, кто друг, а кто враг, – ответила Анна. – Похоже, смерть Виссариона до сих пор интересует многих.

– Конечно, – едко проговорила Зоя. – Он принадлежал к старинной императорской семье и возглавлял движение против союза с Римом. Очень многие возлагали на него надежды.

– А сейчас на кого все надеются? – спросила Анна, слишком уж быстро.

В глазах Зои заплясали веселые огоньки.

– Представляешь, сколько желающих быть причисленными к лику святых? Виссарион ведь стал кем-то вроде мученика...

Анна покраснела, рассердившись на себя за то, что дала повод для подобного комментария.

– Я хочу узнать, где можно найти преданных людей, чтобы быть в безопасности.

– Это мудро, – мягко ответила Зоя. В ее голосе прозвучали одновременно одобрение и насмешка. – Если тебе это удастся, я скажу, что ты умнее всех в Византии.

Глава 8

После ухода Анастасия Зоя подошла к окну и стала смотреть на город. Она могла бы бесконечно любоваться этим зрелищем. Зоя всматривалась в сверкающую полосу воды, по которой когда-то плыл Ясон с аргонавтами на поиски золотого руна. Он встретил Медею, а затем предал ее. Ее месть была ужасной, и Зоя прекрасно ее понимала. Она уже знала, как отомстит Кантакузену. Косьма был ее ровесником. Именно его отец Андреас, желая спастись, сообщил крестоносцам, где находится фиал с кровью Христа. Но этот человек умер, и Зоя не могла до него добраться: Господь уже отправил его в ад. А вот Косьма жив и здоров, вернулся в Константинополь и процветает. Ему было что терять. Зоя наблюдала за ним, словно за фруктом, который должен вызреть, прежде чем его сорвут.

Ее взгляд перекинулся на золотую чашу, стоявшую на столе. Она была наполнена абрикосами, отливавшими жидким янтарем в красных лучах солнца. Зоя надкусила один, не обращая внимания на сок, потекший с губ на подбородок.

Дед Евфросинии Георгиос Дукас способствовал краже иконы из храма Святой Софии, Матери-Церкви Византии. Он также помог вынести оттуда Святую плащаницу самого Иисуса Христа. Такое предательство никогда не забывается. Сейчас эти святыни находятся в грубых руках недостойных католиков... При этой мысли Зоя вздрогнула всем телом, как будто дотронулась до чего-то грязного и липкого.

Ей повезло, что у Евфросинии возникло заболевание, которое не смог излечить ее врач. Это позволило Зое подослать к ней евнуха-целителя, а он, в свою очередь, убедит Косьму довериться этой женщине.

Зоя взяла еще один абрикос. Он оказался не таким спелым, как первый. Она снова подумала об Анастасии. Да, он по-настоящему удивил ее, когда столь резко высказал свое мнение о Евфросинии. Конечно, он был прав, но Зоя не ожидала от евнуха такой прямолинейности. Симпатия, которую она к нему испытывала, не должна помешать ей привести в исполнение план мести. Анастасий полезен ей, и именно это самое важное.

Однако у него была слабость – он был слишком снисходителен, и ей не следует об этом забывать. Некоторые из пациентов, обратившиеся к нему по ее рекомендации, поступили с лекарем несправедливо, но, казалось, он не таил на них обиды. Анастасий мог бы постоять за себя, но не стал этого делать. Зоя не считала, что он проявил малодушие, потому что, без всякого сомнения, ничем не рисковал, если бы решил отомстить. Глупо. Без страха уважения не заслужить, Зоя знала это по собственному опыту. Она будет опекать Анастасия, пока он ей нужен. Но ему придется заплатить за ее покровительство.

Зоя обернулась и окинула взглядом комнату. Он остановился на золотом распятии, висевшем на стене. Она помогла бы лекарю собрать информацию о Виссарионе, если бы не понимала, что эти сведения вряд ли помогут ему найти друзей в Константинополе. Но почему же он этим интересуется?

Конечно, Зоя не могла открыть ему даже часть правды. Как рассказать о том, что Елене наскучил Виссарион, которого она никогда не интересовала как женщина?

Зоя расслабилась, откинула голову назад и улыбнулась, иронизируя над собой, что случалось не так уж часто. Однажды она сама попыталась соблазнить Виссариона, просто чтобы убедиться, что в его душе и чреслах есть огонь. Нет, его там не было. В конце концов Виссарион все же откликнулся на ее призыв, но Зоя была разочарована: результат не стоил потраченных усилий.

Неудивительно, что Елена поглядывала по сторонам! У нее хватило ума соблазнить Антонина и использовать его для того, чтобы расправиться с Виссарионом, а потом избавиться от обоих. Именно так все и произошло. Елена доказала, что является достойной доче-

рю своей матери, хотя и постигала науку заговоров и интриг очень медленно. Тем не менее в конце концов ей все удалось. Жаль, что дочь скомпрометировала заодно и Юстиниана. Он был настоящим мужчиной и заслуживал доверия. Если Елена действительно это сделала, Зоя никогда ее не простит.

Женщина медленно прошла через комнату к двери, плавно поводя рукой, отчего ее шелковое платье развевалось и переливалось в солнечных лучах. Ее роскошный наряд менял свой цвет – был то красновато-коричневым, то золотым, обманывая глаз и разжигая воображение.

Спустя неделю за Зоей послал император. Да, этот мужчина стоил того, чтобы разделить с ним ложе! Даже спустя столько лет она хранила воспоминания о нем. Но он не был лучшим. Никто не мог сравниться с Григорием Вататзесом. Однако Зоя изгнала его из своего сердца. Каждый раз, думая о нем, она испытывала боль и одновременно наслаждение.

Михаилу что-то нужно, иначе он не посылал бы за ней. Зоя тщательно нарядилась. Она выглядела великолепно в бронзово-черной шелковой тунике, облегавшей ее тело. Высокое ожерелье скрывало увядающую кожу под подбородком. Руки были мягкими и ухоженными. Зоя знала, какие ингредиенты нужно использовать в мазях, чтобы кисти оставались белыми, а суставы не опухали. Она надела золотые серьги с топазами. Зоя не собиралась обольщать императора. Их отношения перешли на другой уровень. Ему нужны ее опыт и изобретательность, а не тело.

После того как жители империи вернулись из изгнания, во время которого находились в Никее и городках, разбросанных вдоль северного побережья Черного моря, Михаил не стал селиться в старом Императорском дворце, предпочтя ему Влахернский дворец, расположенный на другом конце города. Его окна выходили на Золотой Рог, как и окна Зои, дом которой находился всего в полутора милях от императорской резиденции. Она легко могла пройти это расстояние пешком в сопровождении своего самого верного слуги Сабаса.

Зоя шла неторопливо, потому что спешить было неприлично. У нее было время, чтобы обратить внимание на траву, которая росла на месте недостающих булыжников, на разбитые окна церквей, которые еще не заменили.

Даже Влахернский дворец был поврежден. Некоторые из величественных арок над верхними окнами угрожали рухнуть прямо на лестницу, расположенную внизу.

Стражники-варяги не задали Зое ни одного вопроса. Они прекрасно знали, кто она, и, несомненно, получили приказ ее впустить. Зоя прошла мимо них, лишь слегка кивнув головой.

Она вспомнила то далекое время, когда в Константинополь пришли латиняне. Тогда отец отвел свою совсем еще крошечную дочку в старый Императорский дворец, расположенный на мысе, откуда открывается прекрасный вид на город и море. В то время Алексей Пятый был императором Византии... Это произошло как раз перед трагическим захватом Константинополя.

Зоя ждала аудиенции в огромной комнате с большими окнами, через которые проникало много солнечного света, заполнявшего пространство и усиливавшего впечатление от идеальных пропорций. Стены были выложены розовым мрамором, а пол – порфиром. Свечи стояли на высоких изящных подставках, инкрустированных золотом. Зое очень нравилось убранство комнаты, и она с удовольствием рассматривала все вокруг, пока ее не позвали к императору.

За ней прислали высокого евнуха с мягким лицом и усталыми глазами. Его манера размахивать руками раздражала Зою. Евнух провел ее через залы и галереи в личные покои императора. Там велись разговоры, которые никто не должен был подслушать. Даже страж-

ник-варяг обычно стоял в отдалении. Многие варяжские стражники были светловолосыми и голубоглазыми. Только бог ведал, из каких далеких земель они прибыли.

Царские покои были полностью восстановлены, стены заново окрашены и расписаны фресками: пасторальные сцены сбора урожая. Блестели витиеватые бронзовые подсвечники и даже стояло несколько уцелевших статуй.

Зоя низко поклонилась, выполняя установленный ритуал. Она была на двадцать пять лет старше Михаила, и к тому же женщина, но все-таки он был равноапостольным императором. Он не приподнялся, чтобы ее поприветствовать, – остался сидеть, слегка раздвинув колени. На нем была далматика из шелковой парчи, из-под которой выглядывала алая туника. Зоя считала императора красивым мужчиной – густые черные волосы и борода, легкий румянец, изящные руки. Даже сейчас она с наслаждением вспоминала его прикосновения. Они были удивительно нежными для человека, который провел свои лучшие годы на полях сражений, был блестящим полководцем и знал о военной стратегии больше, чем многие его подчиненные. В битвах Михаил возглавлял армию, а не прятался позади нее. Сейчас он занимался реорганизацией армии и флота, а также восстановлением городских стен. Прежде всего он был практиком, и от Зои также ожидал прагматизма.

– Подойди, Зоя, – потребовал Михаил. – Мы здесь одни, и нет нужды притворяться.

Его голос звучал необыкновенно мягко и глубоко. Именно такой голос должен быть у настоящего мужчины.

– Ты могла бы оказать мне помощь в одном деле, – продолжал император, пристально изучая лицо Зои.

Она не могла бы с уверенностью сказать, умеет ли он читать ее мысли. Михаил был истинным византийцем. Проницательный, хитрый, он подмечал все вокруг. Однако в данный момент на его плечах лежала тяжелая ноша – разруха и упрямый, непослушный народ, которым необходимо управлять. Люди были слепы, они не осознавали, что над ними нависла новая реальная угроза, или же просто боялись в это поверить.

После смерти Виссариона Зоя начала менять отношение к политике. Все еще существовала опасность предательства, и если бы она узнала, кто и где планировал его совершить, то наказала бы заговорщиков – всех без разбора, даже если бы среди них оказалась ее дочь Елена.

Жаль, что ей не удалось поговорить с Юстинианом до того, как тот отправился в изгнание. Константин так быстро добился изменения приговора, что у Зои просто не было возможности встретиться с молодым человеком.

Нужно узнать, чего хотел от нее Михаил.

– Я сделаю все, что в моих силах, – тихо и почтительно произнесла Зоя.

– Есть люди, услугами которых ты пользуешься... – Михаил тщательно взвешивал каждое слово. – Я бы не хотел, чтобы меня видели вместе с ними, но мне нужны их навыки. Пока необходимо лишь собрать сведения. Возможно, позже понадобится кое-что еще.

– Речь пойдет о сицилийце? – выдохнула Зоя.

Она ждала скорее подтверждения своей догадке, а не ответа на вопрос. Михаил кивнул в знак согласия.

Зоя выжидала, раздумывая. Надо заключить новую сделку, и это хорошо. Она готова была вести дела с кем угодно ради блага Византии, но не собиралась дешево продавать свои услуги. Сицилиец, нанятый ею, оказался доносчиком и двойным шпионом, но он допустил ошибку, которую Зоя заметила и хранила доказательства его проступка в надежном месте, которое он, несмотря на всю свою изобретательность, никогда бы не нашел. Следовало его остерегаться: он был опасен, как ядовитая змея. Зоя понимала, почему Михаил не желал с ним общаться, даже через своих шпионов. Ничего нельзя было скрыть от приближенных к нему евнухов, домашней прислуги и дворцовой стражи, а также от священников, которые

слишком часто менялись. Михаилу нужен был соратник, такой как Зоя. Она не уступала ему в уме и изворотливости, но могла быть безжалостной тогда, когда он не мог себе этого позволить. Уж слишком много было претендентов на трон, самозванцев и заговорщиков. Михаил с горечью осознавал все это, и ему оставалось лишь наблюдать за происходящим.

Он наклонился вперед. Сейчас их разделяло совсем небольшое расстояние.

– Мне нужны услуги твоего человека, – тихо произнес он. – Еще не время для восстания. И еще один нужен мне в Риме.

– Я смогу кого-нибудь найти, – пообещала Зоя. – Что ты хочешь узнать?

Михаил улыбнулся. Он не собирался рассказывать ей о своих планах.

– Этот человек должен принадлежать к окружению папы, – произнес император вместо ответа, – и короля обеих Сицилий.

– Он должен быть наделен особым мужеством?

В душе Зои блеснула надежда на то, что император наконец-то готов сражаться. Возможно, Михаил собирается убить самого папу? В конце концов, это враг Византии, а сейчас идет война...

Михаил прочитал ее мысли.

– Я говорю не о том мужестве, о котором ты подумала, Зоя. Те дни остались в прошлом. Сейчас папе довольно легко подберут замену.

В ее глазах появился гнев и еще что-то, похожее на страх.

– В настоящее время король обеих Сицилий представляет для нас реальную угрозу, и только папа способен его сдерживать. Если мы хотим выжить, нам следует пойти на уступки.

– Ты не можешь идти на уступки в вопросах веры, – парировала Зоя.

Ярость обожгла лицо императора, частично скрытое тяжелой бородой. Зоя увидела, как покраснели его скулы. Михаил наклонился к ней еще ближе:

– Нам нужны изобретательность и хитрость, а не бравада. Мы должны, как всегда, настроить одних против других. Я пойду на все, чтобы не потерять Константинополь. Склоню колени перед Римом или, по крайней мере, заставлю его в это поверить, но впредь в моем городе крестоносцы не разрушат ни одного камня, и мои люди не будут платить им дань – у них больше не отберут ни одной монеты, даже самой мелкой.

Глаза императора буравили лицо Зои.

– Сицилия, возможно, будет голодать, и даже, может быть, укусит за руку того, кто ее грабит. Если это случится, мы окажемся в выигрыше. А пока что я буду договариваться и соглашаться с папой, королем Карлом Анжуйским и даже с самим дьяволом, буду кланяться им, если нужно. Ты со мной или против меня?

– С тобой, – мягко ответила Зоя, наконец уловив в его словах тонкую иронию. – Я буду защищать Византию от врагов – вместе с единоверцами или в одиночку. Ты со мной?

Михаил смотрел на нее не мигая.

– О да, Зоя Хрисафес. Можешь положиться на меня. Поверь, я все делаю правильно.

– А я, если пожелаешь, заставлю поработать своих шпионов и посмотрю, что они смогут разузнать, – пообещала она, с улыбкой отступая назад.

Зоя глубоко задумалась. Сицилия восстает против своего короля? Эта мысль не выходила у нее из головы.

Глава 9

Зоя сделала все, о чем просил ее император, и вернулась к собственным планам мести. Она не забыла горького урока, когда оказалась на волосок от смерти. Времени на ожидание не оставалось.

Евнух Анастасий был человеком, в котором она нуждалась. Умный, добросовестно выполнявший свою работу, он вызывал у людей симпатию. Зоя осознавала, что он не испытывает к ней доверия. И почему он так жаждет узнать подробности смерти Виссариона? Когда-нибудь она найдет время, чтобы выяснить причины его любопытства.

Между тем Зоя балансировала на тонкой грани между иронией и сарказмом, используя Анастасия для того, чтобы обмануть и уничтожить Косьму Кантакузена, чья алчная семья ограбила Византию, лишив ее величайших произведений искусства.

Зоя надела тунику цвета густого красного вина и еще более темную далматику с изысканным бордово-черным узором. В свете факелов, мимо которых она проходила, ее наряд переливался всеми оттенками красного.

Женщина перекрестилась и погрузилась в ночную тьму. Сабас последовал за ней, чтобы обеспечить хозяйке безопасность в сумерках, когда она будет возвращаться.

Зоя постояла минуту на улице, сложив руки для молитвы и читая про себя «Аве Мария», а затем продолжила свой путь.

Она глубоко вдохнула. Наконец наступил час возмездия! К завтрашнему утру один из тех, чьи гербы были на обратной стороне ее распятия, будет мертв.

Оставив Сабаса на улице, Зоя вошла в дом Косьмы в сопровождении его слуги.

Даже прихожая поражала роскошью и великолепием. Особое внимание привлекал бюст римского сенатора. На лице почтенного латинянина, испещренном морщинами, был запечатлен опыт, который он накопил за свою долгую жизнь. На столе стояли голубые венецианские стаканы, на свету казавшиеся драгоценными. Античная египетская статуя собаки, выполненная из алебаstra, занимала почетное место на резном деревянном столе.

Войдя в комнату к Косьме, Зоя увидела, что хозяин расположился в широком кресле. Его взгляд был прикован к инкрустированному столику, на котором стоял полупустой кувшин с сицилийским вином. Тут же было блюдо с финиками и фруктами, залитыми медом. Косьма был невысокого роста, с крючковатым носом и тяжелыми набрякшими веками. Его воспаленные глаза были обрамлены темными кругами.

— Я тебе ничего не должен, — мрачно сказал он, — поэтому предполагаю, что ты пришла, чтобы посмотреть, чем здесь можно поживиться.

Зое хотелось не только позлорадствовать. Ей нужна была ссора, которая могла бы закончиться физической расправой.

— Ты плохо разбираешься в людях, — ответила она, не присаживаясь.

Сам хозяин вставать не собирался.

— Я пришла сюда не ради собственной выгоды. Я куплю у тебя иконы и передам их в церковь, где люди смогут молиться перед ними и быть благословленными. Я заплачу тебе хорошую цену.

Косьма расправил плечи и слегка склонил голову.

— Но сначала я должна их увидеть, — едва заметно улыбаясь, добавила Зоя.

— Разумеется. Выпьешь вина?

— С удовольствием.

Зоя не собиралась ничего пить в этом доме, но ей нужен был стакан. В то же время она сожалела, что ей придется разбить такую изысканную вещь.

Косьма поднялся, с трудом выпрямляя спину. Его колени хрустнули. Он принес из шкафа стакан, наполнил наполовину и придвинул к Зое.

– Поговорим о деньгах. Иконы висят вон там на стене. – Он указал на арочный проем, ведущий в тускло освещенное помещение.

Зоя воспользовалась приглашением. Войдя в комнату, она замерла, чувствуя, как часто бьется сердце. Там было с полдюжину икон с ликами святого Петра, святого Павла и Иисуса Христа. Притягивала взор икона Богоматери с позолоченным окладом, украшенная салатной, изумрудной и темно-синей, почти черной эмалью. Печальное лицо Пресвятой Девы светилось такой нежностью, что невозможно было не изумиться.

Одежды святых были инкрустированы драгоценными камнями и слоновой костью. Зою окружала такая красота, что она моментально забыла о том, почему здесь оказалась и какая ненависть сжигала ее изнутри.

Услышав позади себя шум, она застыла, а потом медленно обернулась. Толстый Косьма стоял в дверном проеме. Судя по всему, он был доволен своей сытой, богатой жизнью.

– Пожалуй, я скорее сожгу и разобью здесь все, чем позволю себя ограбить, – процедил он сквозь зубы. – Я хорошо тебя знаю, Зоя Хрисафес. Ты ничего не делаешь без веской на то причины. Скажи правду, зачем ты пришла?

– Иконы очень красивы, – вместо ответа сказала она.

– И стоят больших денег. – Купеческая натура была написана у него на лице.

– Давай поторгуюсь, – предложила Зоя, пытаясь проскользнуть мимо Косьмы, стоявшего посередине арочного проема.

Она не смогла скрыть презрение, когда случайно коснулась его выпяченного брюха.

– Давай обсудим, сколько безантов стоит лик Марии.

– Это икона, – с ухмылкой произнес Косьма, – творение рук человеческих, написанное краской на дереве.

– Не забудь о позолоте и драгоценных камнях, – подсказала Зоя.

Косьма нахмурился.

– Так ты будешь покупать или нет?! – рявкнул он.

– Сколько монет ты хочешь за Богородицу, Косьма? Думаю, что сорока будет достаточно.

Зоя вытащила маленький кошелек и положила его на стол.

Лицо Косьмы вспыхнуло гневом:

– Это икона, глупая женщина! Работа художника, не более того. Я же не продаю Иисуса!

– Это богохульство! – выкрикнула Зоя, но ее ярость отчасти была притворной.

Женщина потянулась за одним из стаканов. Она высоко взмахнула рукой, не оставляя сомнения, что собирается разбить его и воспользоваться им как ножом.

Хозяин опередил ее, схватив стакан за восхитительный золотой ободок и раздавив его. В руке у Косьмы осталась нижняя часть с острыми зазубренными краями, которую он держал как кинжал. Его расширенные от ужаса глаза вспыхнули, рот открылся.

Зоя колебалась. Она ненавидела боль. Тело женщины ощущало ее так же остро, как и экстаз, и такие моменты были невыносимы, словно она балансировала на краю утеса. Но наступил момент мести, которую Зоя мучительно вынашивала долгие годы. Она снова ринулась вперед, ожидая нападения и держа наготове край своей накидки, чтобы смягчить удар режущей грани.

Косьма, ведомый страхом, накинулся на Зою, выставив вперед стакан с зазубренными краями.

Она почувствовала, что стекло поранило ее, и, изловчившись, выхватила стакан. Зоя закричала, чтобы привлечь внимание слуг: впоследствии ей понадобятся их показания. Был разбит только один стакан. Она всего лишь защищалась, когда хозяин дома на нее напал.

Косьма был захвачен врасплох. Он ожидал, что Зоя упадет на спину, истекая кровью. Вместо этого она прижалась к нему, повернув острые края стакана на противника и надавив на него всем телом. Другой рукой она крепко держала руку Косьмы. Осколок вонзился в него, оставив тонкий глубокий порез.

Затем Зоя отступила и изобразила на лице удивление – в комнату вбегали слуги.

– Все в порядке, – сердито крикнул им Косьма, не отрывая взгляда от женщины.

Его лицо покраснело, глаза горели.

Зоя повернулась в сторону слуг – двух мужчин и женщины – и заговорила извиняющимся тоном: было очень важно, чтобы они это запомнили.

– Я уронила стакан, и он разбился, – сказала она с очаровательной улыбкой, всем своим видом демонстрируя смущение и раскаяние. – Мы одновременно потянулись за ним и... столкнулись друг с другом. К несчастью, мы оба схватились за стекло и порезались осколками. Пожалуйста, принесите чистую воду и полотняную ткань.

Слуги колебались.

– Делайте, что вам говорят! – рявкнул Косьма, сжимая рану, из которой на одежду сочилась кровь.

– У меня с собой есть средство для облегчения боли, – услужливо сказала Зоя, нащупывая в складках туники мешочек из маслянистого шелка.

– Нет, – мгновенно ответил Косьма. – Я воспользуюсь своим.

Он ухмыльнулся, давая понять, что разгадал ее трюк.

– Ну как хочешь.

Зоя высыпала порошок в рот, запив его глотком вина из стакана, который уцелел.

– Что это? – спросил Косьма.

– Болеутоляющий порошок, – ответила Зоя. – Хочешь?

– Нет!

В глазах Косьмы блеснула насмешка.

Вернулись слуги и принялись тщательно промывать им раны.

– У меня есть целебная мазь...

Зоя извлекла фарфоровую баночку с нарисованными на ней хризантемами. Слегка смазала свою рану. Мазь лишь немного успокоила боль, но Зоя расслабилась, притворившись, что почувствовала большое облегчение. Со спокойным, почти безразличным выражением лица она протянула открытую банку Косьме.

– Господин? – спросил один из слуг.

– Ладно уж, возьми, – нетерпеливо согласился Косьма.

В присутствии слуг он не мог показать, что боится.

Слуга повиновался и щедро смазал его рану.

После того как обе раны были перевязаны, слуги принесли вино, стаканы и голубую фарфоровую вазу с медовыми пирожными.

Через пятнадцать минут Косьма начал обильно потеть и тяжело дышать. Стакан выскользнул из его руки и с глухим звуком откатился в сторону. Оттуда выплеснулось вино и растеклось по полу. Косьма приложил руку к горлу, как будто хотел ослабить слишком тугий ворот туники. Его трясло.

Зоя встала.

– Апоплексический удар, – констатировала она, глядя на Косьму сверху вниз.

Затем не спеша подошла к двери и позвала слуг.

– У вашего хозяина случился припадок. Вы должны послать за лекарем, – сказала она.

Убедившись, что побледневшие от ужаса слуги удалились, Зоя вернулась к потерявшему сознание Косьме. По ее расчетам он должен был прожить по крайней мере еще час, но, похоже, яд действовал слишком быстро.

Косьма вздохнул. Казалось, ему стало немного лучше. Несмотря на то что Зое противно было прикасаться к его жирной туше, она наклонилась и помогла несчастному изменить положение тела, чтобы ему было легче дышать. Если бы она этого не сделала, то не успела бы сказать ему все, что намеревалась.

– Это из-за тебя, – задыхаясь и злобно кривя губы, простонал Косьма. – Ты собираешься украсть мои иконы. Воровка!

Зоя наклонилась к нему еще ближе, чувствуя, как из ее души постепенно улечивается страх и исчезает навсегда.

– Твой отец украл их у меня, – прошипела она ему в ухо. – Я же собираюсь возратить их Церкви, чтобы в наш город вернулись паломники, благодаря которым Византия вновь станет богатой и безопасной. Ты, твоя семья, весь твой род – воры. Да, это из-за меня ты сейчас испытываешь жуткую боль! Знай об этом и мучься, Косьма.

– Убийца! – Он попытался плюнуть в нее, но смог лишь слабо вздохнуть.

Зоя прошла в комнату с иконами. Сняв Богородицу со стены, она спрятала ее в складках одежды.

Женщина улыбнулась и направилась к двери, где ее ожидали слуги, чтобы выпустить наружу. Ей удалось отомстить. Все прошло безупречно. Это было забавно, слаще, чем мед, и быстрее, чем развеивается в воздухе аромат жасмина.

Глава 10

В последний день апреля следующего, 1274 года, Энрико Паломбара стоял во внутреннем дворике своей виллы, расположенной в полутора километрах от Ватикана. Воздух был прозрачен, как бывает только солнечным весенним днем. До засушливой летней жары было еще далеко. На фоне бледно-желтых стен виллы молодые виноградные листья сплетались в ажурное зеленое кружево. А звук льющейся воды походил на непрерывную музыку.

Энрико слышал щебет птиц, устраивающих гнезда под карнизом дома. Он любил их усердную суету, словно они не могли себе даже представить, что что-то пойдет не так. Птицы не молились, как люди, поэтому их не пугала тишина, служившая ответом на просьбы.

Паломбара повернулся и вошел в дом. Пора предстать перед папой. За ним послали, и он не должен опаздывать. Энрико не знал причины, по которой Григорий Десятый пожелал с ним говорить, но искренне надеялся, что ему снова выпадет шанс вернуться на службу – и не просто секретарем или помощником какого-нибудь кардинала.

Он ускорил шаг. Длинная епископская сутана развевалась на ветру. Мужчина кивал встречным, время от времени обмениваясь приветствиями со знакомыми, но все его мысли были о предстоящей встрече. Возможно, его пошлют в качестве папского легата к одному из европейских дворов – в Арагон, Кастилию, Португалию или, что лучше всего, в Священную Римскую империю. Подобное назначение сулило огромные возможности. Благодаря такому заданию можно сделать превосходную карьеру, может быть, даже занять папский престол. Урбан Четвертый, до того как его избрали папой, был папским легатом.

Пять минут спустя Паломбара прошел через площадь, поднялся по широким пологим ступеням ватиканского дворца и нырнул под сень огромных арок. Он доложил о своем прибытии, и его проводили в личные апартаменты папы за пятнадцать минут до назначенного срока.

Как Энрико и предполагал, ему пришлось подождать. Он не решился расхаживать туда-сюда по гладким мраморным плитам, как привык.

Затем неожиданно его пригласили войти, а в следующий момент он оказался в кабинете папы. Он был гораздо светлее и уютнее приемной. Солнечный свет лился сквозь большое окно, и благодаря этому комната казалась просторнее. У Энрико не было времени рассматривать фрески, он заметил лишь, что в них преобладали мягкие тона – сочетание бледно-розового и золотого.

Епископ преклонил колени и поцеловал кольцо Тебальдо Висконти, а теперь – Григория Десятого.

– Ваше святейшество, – пробормотал он.

– Приветствую, Энрико, – отозвался Григорий Десятый. – Давай прогуляемся по внутреннему дворику. Нам нужно многое обсудить.

Паломбара поднялся на ноги. Он был заметно выше и стройнее пухленького низкорослого папы. Энрико смотрел на понтифика, на его большие темные глаза и нос – длинный, тяжелый и прямой.

– Как прикажет ваше святейшество, – покорно произнес Паломбара.

Григория избрали папой два с половиной года назад. Он впервые беседовал с Энрико наедине. Понтифик провел посетителя через широкую дверь во внутренний дворик, где их можно было увидеть, но нельзя было подслушать.

– Нам предстоит много работы, Энрико, – тихо начал папа. – Мы живем в опасное время, но оно предоставляет нам массу возможностей. Вокруг враги. Мы не можем допустить разногласий в своих рядах. – Григорий бросил на собеседника острый взгляд.

Паломбара пробормотал что-то в ответ, чтобы показать, что внимательно слушает.

– Германцы избрали нового короля, Рудольфа Габсбурга, которого я в свое время объявлю императором Священной Римской империи. Он отказался от притязаний на наши территории и Сицилию, – продолжал Григорий.

Теперь Паломбара понял: Григорий избавляется от возможных угроз, чтобы претворить в жизнь какой-то великий план.

Они пересекли открытое пространство, и Паломбара прикрыл глаза от солнца, чтобы посмотреть на выражение лица собеседника.

– Ислам набирает силу, – продолжил понтифик, и его голос зазвучал резче. – Они захватили большую часть Святой земли, всю Аравию, Египет и Северную Африку – и дошли до юга Испании. У них развивается торговля, процветают искусства и науки – математика и медицина шагнули далеко вперед. Их корабли господствуют в Восточном Средиземноморье. Нам нечего им противопоставить.

Несмотря на яркое солнце, Энрико почувствовал в воздухе холодок.

Григорий остановился.

– Если они двинутся на север по направлению к Никее – а они могут это сделать, – им ничто не помешает захватить Константинополь и всю старую Византийскую империю. И тогда они окажутся у самых ворот Европы. Поодиночке мы не выстоим.

– Мы не должны допустить, чтобы это произошло, – просто сказал Паломбара, хотя и понимал, что сделать это будет совсем непросто.

Двухсотлетний раскол между Римом и Византией был чрезвычайно глубоким и не поддавался никаким попыткам примирения. Теперь же они расходились по многим пунктам в отношении доктрины. Самым неразрешимым был вопрос о том, исходит ли Святой Дух от Отца и от Сына или только от Бога-Отца. Кроме этого, у них было множество разногласий. Эти различия стали предметом человеческой гордости и отличительной чертой приверженцев того или иного вероисповедания.

– Император Михаил Палеолог согласился отправить посланников на Вселенский собор, который я в июне созываю в Лионе, – продолжил Григорий. – Я хочу, чтобы ты тоже там был, Энрико. Запоминай все, что услышишь. Я должен знать, кто мне друг, а кто – враг.

Паломбару охватило волнение. Если им удастся преодолеть раскол, это будет величайшим достижением христианства за два последних столетия. Рим сможет контролировать все земли, и ему подчинится каждая живая душа от Атлантики до Черного моря.

– Как я могу послужить этой цели? – Паломбара сам удивился своему искреннему порыву.

– У тебя тонкий ум, Энрико, – спокойно произнес Григорий, и резкие черты его лица смягчились, – и богатый опыт. Ты хорошо чувствуешь баланс между осторожностью и силой. Понимаешь, что такое объективная необходимость.

– Благодарю вас, святой отец.

– Не благодари, я не хвалю тебя, – раздраженно ответил Григорий. – Я просто напомнил тебе о качествах, которыми ты обладаешь и которые могут принести нам пользу. Я хочу, чтобы ты поехал в Византию в качестве легата Святого престола, с особым заданием – положить конец разногласиям, которые разделяют христианскую церковь.

Полные губы Григория изогнулись в улыбке.

– Вижу, ты постиг мой замысел. Я не сомневался, что так и будет. Я знаю тебя лучше, чем ты можешь себе представить, Энрико. И глубоко верю в твои способности. Тебя, конечно, будет сопровождать еще один легат. Я выбрал епископа Виченце. Его способности будут идеально дополнять твои. – В глазах папы промелькнула усмешка, слишком мимолетная, чтобы ее можно было заметить.

– Да, святой отец.

Паломбара знал Никколо Виченце и очень не любил его. Тот был упрямым, скучным и одержимым. И был начисто лишен чувства юмора. Этому человеку доставляли удовольствие ритуалы, как будто ему нужно было строго придерживаться процедуры, иначе он утратит контроль над происходящим.

– Да, мы будем дополнять друг друга, святой отец, – сказал Энрико вслух.

Это была его первая ложь за сегодня. Если бы Паломбара был понтификом, он бы тоже отослал Виченце как можно дальше.

Григорий позволил себе широкую улыбку:

– О, я знаю это, Энрико, знаю. Я с нетерпением жду нашей встречи в Лионе. Возможно, тебе там понравится.

– Да, святой отец, – сказал Паломбара, склонив голову.

В июне он прибыл в Лион, город, расположенный в центральной части Франции. Было жарко, сухо и пыльно. Как и повелел понтифик, Энрико целую неделю наблюдал и слушал и узнал целый спектр точек зрения, большинство из которых сводилось к предчувствию угрозы, исходящей с востока и юга, о которой упоминал Григорий.

Посланники от императора Византии еще не прибыли, и никто не знал почему.

Энрико снова поднялся по ступеням к центральной улице. Впереди него шел кардинал в фиолетовой сутане, его одеяние ярко блестело под палящим июньским солнцем. Лион был красивым городом, величественным и причудливым, построенным на двух реках. Местные мужчины и женщины привыкли видеть в этом месяце на улицах и в переулках высоких церковных чинов и при встрече с ними ограничивались лишь вежливым поклоном, а затем шли дальше по своим делам.

Услышав шум на улице, Паломбара повернулся и увидел, как люди расступаются. Он заметил яркие переливы – лиловые, красные и белые, золотистые блики, словно ветер колыхал пшеничное поле, заросшее маками. Король Арагона Хайме Первый вышел из парадной двери дворца в окружении своих придворных. Все уступали ему дорогу.

Он был совершенно не похож на самоуверенного и надменного Карла Анжуйского, короля обеих Сицилий, что на самом деле означало территорию Италии к югу от Неаполя. Карла нельзя было назвать праведником, однако именно он мог возглавить Крестовый поход, который так страстно хотел объявить понтифик.

Это желание являло собой любопытный контраст практичности и святости, над которым с некоторой нерешительностью размышлял Паломбара.

В тот вечер он присутствовал на мессе в соборе Сен-Жан. Его начали возводить почти сто лет назад, и до завершения было еще далеко. Но даже недостроенный собор выглядел величественно, сурово и элегантно.

Сладко пахло фимиамом, и от этого аромата у Паломбары кружилась голова. Он подчинился сложному, тщательно выверенному ритму службы, который закончится тем, что в таинстве причастия хлеб и вино станут плотью и кровью Христовой. Неким необъяснимым образом священнодействие объединит присутствующих, очищая их от греха и обновляя душу.

Существовало ли такое понятие, как общение с Богом? Разговаривали ли окружавшие его люди с Всевышним? Или желаемую иллюзию создавали музыка и благовония, а также потребность верить?

А может, все дело в том, что он, Паломбара, позволил лжи и сомнению отравить свою душу, отчего его уши перестали слышать глас ангелов? Память возвращала Энрико к моменту чувственного наслаждения и захлестывающему ощущению вины. Будучи молодым священником, он был духовником одной женщины, чей муж был настоящим сухарем,

совсем как Виченце. Паломбара был мягок с ней, иногда ее смешил. Женщина в него влюбилась. Энрико видел это – и получал от этого удовольствие. Она была очаровательна. Они делили постель. И даже сейчас, стоя в этом соборе и наблюдая за тем, как кардинал проводит богослужение, Паломбара вдруг вспомнил запах ее волос, ощутил тепло ее тела, представил ее улыбку.

Она забеременела от Энрико, и они решили убедить ее мужа в том, что это – его ребенок. Было ли это разумно? Как бы то ни было, это была трусливая ложь.

Паломбара признался во всем епископу, избрал себе епитимью и получил отпущение грехов. И для Церкви, и для простых людей было лучше, чтобы о случившемся никто не узнал. Но была ли епитимья достаточным наказанием? Энрико не обрел мира в душе. У него не было чувства, что он прощен.

Сейчас, слушая музыку, глядя на игру света и на сосредоточенные лица людей, чьи мысли могли быть столь же далеки от Господа, как и его собственные, Паломбара вдруг подумал, что никогда не чувствовал жизнь во всей ее полноте. И в его душе поселился пока еще слабый страх. А вдруг больше ничего нет? Может, ад – это осознание того, что никакого рая не существует?

Двадцать четвертого июня послы Михаила Палеолога наконец прибыли в Лион. Их задержал шторм, и теперь оставалось слишком мало времени на обсуждения. Они представили документ от императора, подписанный пятьюдесятью архиепископами и пятьюстами епископами, членами синода. Не было сомнения в их добрых намерениях. Казалось, победа досталась Риму достаточно легко.

Двадцать девятого июня Григорий Десятый снова служил мессу в соборе Сен-Жан. Апостольские послания, чтение из Евангелия и Символ веры исполнялись на латыни и на греческом.

Шестого июля послание императора было зачитано вслух, и византийские послы принесли клятву верности Латинской церкви и отреклись от тезисов, которые она отрицала.

Желаемое было достигнуто: папа Григорий Десятый держал мир в своих руках. Недостойные епископы были низложены, некоторые нищенствующие ордены подавлены, а ордены Святого Франциска и Святого Доминика получили его поддержку. Кардиналы больше не имели права колебаться и затягивать выборы нового папы. Рудольф Габсбургский был признан будущим монархом Священной Римской империи.

Несмотря на то что Фома Аквинский умер по пути в Лион, а святой Бонавентура – в самом Лионе, Григорий Десятый мог наслаждаться триумфом.

Паломбара чувствовал себя так, будто его миссия выполнена.

И все же Григорий велел ему и Виченце спешно вернуться в Рим, а потом готовиться к отплытию в Константинополь. Если легаты, так же как византийские послы, столкнутся с непогодой, дорога может занять до шести недель и они прибудут на место не ранее октября. Но им необходимо доставить в Византию нечто бесценное: надежду на объединение христианского мира.

Когда в августе Паломбара вернулся из Лиона, в Риме стояла невыносимая жара. Он шел по знакомой площади в сторону больших арок перед ватиканским дворцом, огромным зданием, окна которого сверкали на солнце. Как всегда, люди сновали туда-сюда, одни входили, другие выходили; на широких ступенях мелькали светлые сутаны, пурпурные шапочки и капюшоны и изредка – красные одеяния.

Это была последняя аудиенция Паломбары перед отъездом. Он уже знал, что их с Виченце целью было убедить: император Михаил Палеолог исполняет обещания, которые давал папе в послании. Возможно, необходимо будет предупредить Михаила о том, какую

цену заплатит его народ, если обещания будут нарушены. Баланс сил был весьма шатким. Возможно, не за горами еще один Крестовый поход под предводительством Карла Анжуйского. Видимо-невидимо кораблей приплывут в Константинополь, доставив вооруженных воинов. Выживание города зависело от того, прибудут ли они с миром, как братья во Христе, или же как завоеватели-иноверцы, как уже было в начале столетия, – убивая, сжигая, уничтожая последний оплот христиан в борьбе с исламом.

Паломбара с нетерпением ожидал возможности приступить к выполнению задания, ему хотелось приключений. Они отточат его ум, позволят проверить правильность собственных суждений и, в случае успешного завершения, продвинуться по карьерной лестнице. Кроме того, ему не терпелось погрузиться в новую культуру. Еще сохранились великолепные постройки, по крайней мере, собор Святой Софии стоял на месте, а кроме того, были библиотеки и рынки, где продавали и специи, и шелка, и артефакты с Востока. Энрико хотелось изучить эту культуру. Узнать больше об арабской и еврейской философской мысли и, конечно, о греках, которых в Византии было гораздо больше, чем в Риме.

Но Энрико понимал, что будет скучать по всему тому, что оставляет здесь, в Риме. Это город Цезаря, сердце великой империи. Даже апостол Павел с гордостью называл себя его гражданином.

Однако Паломбара был здесь чужаком – тосканцем, а не римлянином, и тосковал по красотам родного края. Он любил бесконечную череду поросших лесами холмов. Скучал по лесным сумеркам, по игре света и тени под сенью деревьев, по тишине оливковых рощ.

Подходя к широким ступеням, Энрико не смог сдержать улыбку. Поднявшись до середины лестницы, он узнал одного из стоявших там людей. Его ожидал Николо Виченце. Блестящие глаза, в которых горел фанатичный блеск, смотрели на Паломбару.

Энрико взглянул в угрюмое лицо Виченце со светлыми, почти незаметными бровями – и ощутил пробежавший по спине холодок, показавшийся ему предупреждением.

Виченце растянул губы в улыбке, но его взгляд оставался напряженным. Он шагнул вперед, преградив Паломбаре путь.

– У меня есть инструкции от его святейшества, – сказал он ничего не выражающим тоном. Ему почти удалось скрыть свое торжество. – Но ты, несомненно, захочешь получить его благословение, прежде чем мы отправимся в путь.

С помощью двух предложений Виченце умудрился дать понять Паломбаре, что тот – лишь сопровождающее лицо, его спутник.

– Ты очень предусмотрителен, – ответил Паломбара, как будто Виченце был слугой, который обязан ему своим назначением.

Тот на мгновение смутился. Они были такими разными, что могли бы употреблять одни и те же слова для описания противоположных понятий.

– Если мы вернем Византию в лоно истинной Церкви, это будет огромным достижением, – произнес Виченце.

– Будем надеяться, что нам удастся это сделать, – сухо ответил Паломбара, но, заметив, как вспыхнули рыбы глаза его собеседника, пожалел о своей прямолинейности.

Слова Виченце, как правило, были лишены скрытого смысла. В них было лишь одержимое желание контролировать и подчинять. Это была странная черта характера. Объяснялась ли она благочестием, одержимостью или безумием существа, которое не столько любит Господа, сколько ненавидит все человечество? Со времени их последней встречи Паломбара уже успел позабыть, насколько неприятен ему Виченце.

– Мы в состоянии выполнить эту задачу. Не успокоимся, пока не достигнем цели, – медленно, с нажимом произнося каждое слово, ответил Виченце.

Возможно, у него все-таки есть чувство юмора?

Стоя на солнце, Паломбара смотрел, как Виченце спускается по лестнице и с важным, самодовольным видом шествует по площади, сжимая в руках бумаги. Потом Энрико развернулся ко входу во дворец и прошел мимо охраны в прохладную тень холла.

Глава 11

К сентябрю Анне удалось раздобыть еще некоторые сведения об Антонине и о самом Юстиниане. Но все, что она узнала, казалось таким неважным, второстепенным, и было не связано с убийством Виссариона. Похоже, эти трое не имели между собой ничего общего – кроме неприязни к предлагаемому союзу с Римом.

По общему мнению, Виссарион был весьма серьезным и вдумчивым, к тому же рассудительным человеком. Он часто и охотно выступал перед людьми, рассуждая о доктрине и истории православной церкви. Его уважали, им восхищались, но он никогда ни с кем близко не сходил. Анна невольно посочувствовала Елене.

Как и Виссарион, Юстиниан был родственником императора, правда, очень дальним. В отличие от Виссариона, он не унаследовал богатства. Для того чтобы свести концы с концами, ему приходилось заниматься торговлей. Юстиниан привозил товары из других стран и очень преуспел в этом деле, но после того, как его отправили в ссылку, все имущество было конфисковано. Городские купцы и капитаны кораблей, стоявших в гавани, знали и помнили Юстиниана. Они были потрясены, узнав, что его обвиняют в убийстве Виссариона. Люди не только доверяли Юстиниану, но и любили его.

Анне тяжело было слушать все это – и сохранять при этом хладнокровие. Ее переполняла горечь утраты. Анне казалось, будто она пропитана ею насквозь.

Антонин был солдатом, и о нем еще сложнее было что-либо узнать. Те немногие воины, которых лечила Анна, отзывались о нем хорошо. Но Антонин был старше их по званию, и они знали о нем лишь понаслышке, с чужих слов. Он был строгим и, несомненно, храбрым. Любил доброе вино и хорошую шутку – и был не из тех, кто мог бы понравиться Виссариону.

А вот Юстиниану Антонин, вполне возможно, пришелся по душе. Во всем этом не было никакой логики...

Анна обратилась к единственному человеку, которому доверяла, – епископу Константину, ведь он помог Юстиниану, рискуя собственной безопасностью.

Константин провел Анну в небольшую комнату. Она была меньше, чем та, с красновато-желтыми стенами и прекрасными иконами. Ее стены были холодных, приглушенных оттенков, окна выходили во внутренний двор. Фрески на стенах изображали пасторальные сцены. Пол был выложен темно-зеленой плиткой. В глубине комнаты стоял накрытый к обеду стол и два стула. По настоянию епископа Анна села на один из них, а сам Константин стал расхаживать по комнате туда-сюда, погруженный в размышления.

– Ты спрашиваешь о Виссарионе, – наконец произнес он, рассеянно поглаживая пальцами вышитую шелком далматику. – Он был хорошим человеком, но, возможно, ему не хватало внутреннего огня, чтобы воспламенять души людей. Он взвешивал, отмерял, выносил суждение. Как может человек одновременно иметь столь пылкий разум – и быть таким нерешительным?!

– Виссарион был трусом? – спросила Анна тихо.

Лицо Константина стало печальным. Он некоторое время помолчал, а потом снова заговорил.

– Полагаю, Виссарион был осторожным. – Епископ перекрестился. – Боже, прости их всех!

Они хотели многого – а все чтобы уберечь истинную Церковь от владычества Рима и осквернения веры, которое это владычество может принести.

Анна тоже осенила себя крестным знаменiem. Больше всего ей хотелось сложить бремя своей вины к ногам Господа и молить Его о прощении. Она вспомнила о своем умершем муже, Евстафий, с холодностью, которая до сих пор ее поражала: скандалы, отчужден-

ность, кровь – а затем бесконечная скорбь. Ей повезло, что она не осталась калекой. Анне отчаянно хотелось рассказать обо всем Константину, покаяться перед ним в своих грехах – и очиститься, какое бы наказание он на нее ни наложил. Но если она признается в обмане, то лишится последнего шанса помочь Юстиниану. За такой проступок не существовало определенного наказания, ее деяние подпадает под другие законы, но епитимья, несомненно, будет суровой. Никто не любит оставаться в дураках.

Ее мысли прервал стук в дверь. Вошел молодой священник. Его лицо было белым как мел. Он с трудом справлялся с эмоциями.

– В чем дело? – спросил Константин. – Ты заболел? Анастасий – лекарь. – Он указал на Анну.

Священник махнул тонкой рукой:

– Со мной все в порядке. Никакой лекарь не сможет излечить то, что всех нас поразило. Посланцы вернулись из Лиона. Полная капитуляция! Они поступились во всем! Апелляции к папскому престолу, деньги, вопрос о Символе веры... – В его глазах блеснули слезы.

Константин смотрел на священника. Он тоже побелел от ужаса. Через некоторое время кровь медленно прилила к его щекам.

– Труссы! – прорычал епископ сквозь зубы. – И что они привезли оттуда? Тридцать сребреников?

– Обещание защитить Константинополь от крестоносцев, когда те будут проходить через него по пути в Иерусалим, – ответил молодой священник дрожащим голосом.

Анна знала, что это было немало. Она с содроганием вспомнила Зою Хрисафес и ужас, который до сих пор ее преследует. Эта женщина даже спустя семьдесят лет продолжала чувствовать, как огонь обжигает ее кожу.

Константин наблюдал за Анной.

– В этих людях нет веры! – со злостью выплюнул он. – Знаешь, что произошло, когда мы были окружены варварами, но сохранили веру в Пресвятую Деву и сберегли ее образ в наших сердцах? Знаешь?

– Да.

Отец много раз рассказывал Анне эту историю. При этом его глаза становились задумчивыми, а на устах появлялась легкая улыбка.

Константин ждал, стоя с простертыми руками. Его светлое одеяние блестело в лучах солнца. Он казался огромным и страшным.

– Полчища варваров стояли у стен города, – послушно стала пересказывать Анна. – Нас же было мало. Их предводитель выехал на коне вперед – огромный, тяжелый воин, дикий, как зверь. Император вышел, чтобы встретиться с ним, держа в руках икону Девы Марии. Предводитель варваров упал замертво, а его армия кинулась прочь. Ни один из наших воинов не пострадал, ни один камень не упал со стен города.

Столь истовая вера вызывала у Анны дрожь. Она не знала, в каком именно году это было, не знала деталей случившегося, но верила, что это правда.

– Да, тебе это известно! – воскликнул Константин. – А в 626 году, когда нас окружили авары, мы пронесли икону Пресвятой Девы Богородицы вдоль крепостной стены, и осада была снята. – Его лицо светилось. Он повернулся к молодому священнику. – Так почему же посланцы императора, который величает себя «равноапостольным», этого не знают? Как он мог торговаться с дьяволом, не говоря уже о том, чтобы ему уступить? Не варвары нанесли нам на этот раз поражение, а наши собственные сомнения!

Руки епископа сжались в кулаки.

– Нас не покорили полчища Карла Анжуйского и лживые римские торгаши, нас предали наши собственные князья, которые потеряли веру в Христа и Пречистую Деву Марию. – Константин порывисто повернулся к Анне. – Ты ведь понимаешь это?

Она увидела в его глазах отчаяние и одиночество.

– Михаил говорит не от имени народа, – добавил он еле слышно. – Если наша вера крепка, мы сможем убедить их довериться Господу.

Голос Константина окреп.

– Помоги мне, Анастасий. Будь сильным. Давай вместе сбережем веру, которую мы лелеяли и охраняли тысячу лет.

В душе Анны кипели страсти – вера и чувство вины, любовь к прекрасному и отвращение к тьме внутри себя, воспоминания о ненависти...

Константин тотчас заметил ее состояние, словно почувствовал ее смятение, даже не понимая его причин.

– Будь сильным, – убеждал он ее мягким тоном. – У тебя в руках прекрасное ремесло. Господь поможет тебе, если только ты будешь крепок в вере.

– Как? У меня нет призвания, – встревоженно произнесла Анна.

– Разумеется, у тебя есть призвание, – возразил епископ. – Ты – целитель, помощник священника, врачеватель тела. Ты утоляешь боль, заглушаешь страхи. Говори правду тем, кого лечишь. Слово Божье способно исцелить от недугов, защитить от внешней тьмы – а также от той, что прячется внутри.

– Хорошо, – прошептала Анна. – Мы сможем повлиять на ситуацию. Будем уповать на Господа, а не на Рим.

Константин улыбнулся и поднял большую белую руку в крестном знамении.

Молодой священник за его спиной повторил это движение.

– Мы бы знали, что делать, если бы Юстиниан был с нами, – хмуро заметила Симонис позже, когда Анна, стоя в теплой, пахнущей травами кухне, рассказывала ей последние новости. – Позор! Кошунство! – Служанка глубоко вздохнула и повернулась, чтобы взглянуть на Анну. – Что еще ты узнала об этом Виссарионе? Мы живем здесь уже почти полтора года, а настоящий убийца все еще на свободе. Кто-то ведь должен знать правду!

Как только эти слова сорвались с ее губ, Симонис виновато поморщилась. Она вернулась к работе – стала резать лук и смешивать его с пряностями.

– Если я не стану соблюдать осторожность, то будет только хуже, – попыталась объяснить ей Анна. – Ты сама сказала, что убийца Виссариона по-прежнему здесь.

Симонис замерла. Ее тело напряглось.

– Тебе угрожает опасность?

– Не думаю, – ответила Анна. – Но ты права: я должна внимательнее изучить финансовый вопрос. Виссарион был очень богат, но я не могу понять, откуда у него богатство. Похоже, деньги этого человека вообще не интересовали. Он думал только о вере.

– И о власти, – добавила Симонис. – Может, поискать в этом направлении?

– Я так и сделаю, хотя и не понимаю, при чем здесь Юстиниан или Антонин.

Глава 12

Была поздняя осень. Ненастная погода задержала Паломбару и Виченце, и они смогли добраться до Константинополя только к ноябрю. Но их первое официальное поручение состояло в том, чтобы засвидетельствовать подписание унии, заключенной на Лионском соборе. Это событие должно было состояться лишь в следующем, 1275 году, шестнадцатого января. Затем им предстояло продолжить свою миссию в Византии в качестве папских легатов. Паломбаре и Виченце вменялось в обязанности доносить его святейшеству друг на друга, поэтому им приходилось постоянно манипулировать, лгать, изворачиваться и пользоваться своим влиянием.

Папским посланникам положено жить хорошо, и от них не ожидали ни скромности, ни бережливости. Легаты начали выбирать дом, и сразу же стало понятно, сколь различны их характеры.

– Этот просто великолепен, – отозвался Виченце о прекрасном здании, расположенном неподалеку от Влахернского дворца. – Его можно было бы купить, если бы цена была разумной. Все, кто будет сюда приходить, сразу поймут важность нашей миссии.

Он стоял на мозаичном полу, любясь искусной росписью стен, арочным потолком с идеальными пропорциями и богато украшенными колоннами.

Паломбара же смотрел на все это с отвращением.

– Дом богатый, но довольно вульгарный. Думаю, что он построен недавно.

– Ты предпочитаешь что-нибудь вроде замка Аретино? Что-то привычное и удобное? – с сарказмом спросил Виченце. – Маленькие камешки и острые углы?

– Я отдал бы предпочтение чему-нибудь не столь вызывающему, – ответил Паломбара, пытаясь скрыть раздражение.

Он понял, что скрывается за словами Виченце. Тот был родом из Флоренции, которая многие годы соперничала с Ареццо в искусстве и политике.

Виченце недовольно кивнул:

– Этот дом произведет впечатление на людей. И к тому же он удобно расположен. Отсюда мы легко сможем добраться туда, куда нам нужно. Он стоит рядом с дворцом, в котором сейчас проживает император.

Паломбара медленно повернулся и остановил взгляд на колоннах, увенчанных тяжелыми капителями.

– Люди подумают, что мы варвары. Обстановка здесь дорогая, но безвкусная.

Виченце помрачнел. Его длинное костлявое лицо выражало недоумение и крайнюю раздражительность. Он полагал, что чрезмерный эстетизм истощает человека и мешает ему служить Господу.

– Не имеет значения, понравимся мы местным жителям или нет. Главное, чтобы они поверили тому, что мы скажем.

Паломбара не получал удовольствия, отстаивая свое мнение. Он был послушным и исполнительным, лишенным воображения и неутомимым, как пес, взявший след. Он даже втягивал ноздрями воздух. Виченце, наоборот, требовал, чтобы окружающие беспрестанно ему повиновались.

– Этот дом уродлив, – все же продолжал гнуть свою линию Паломбара. Его голос звучал жестко. – Посмотри вон на тот, что расположен севернее. У него изящные пропорции, да и места там будет достаточно. Кроме того, из его окон мы сможем смотреть на Золотой Рог.

– С какой целью? – удивленно спросил Виченце.

– Мы приехали сюда, чтобы учиться, а не обучать, – сказал Паломбара с таким видом, словно пытался вразумить какого-то недоумка. – Нужно, чтобы людям приятно было с нами разговаривать, – тогда они ослабят бдительность. Мы должны как следует их изучить.

– Знай своего врага, – произнес Виченце с легкой улыбкой.

Казалось, что он остался доволен ответом собеседника и в конце концов согласился с тем, что им стоит выбрать более скромный дом.

– Это наши братья во Христе! – воскликнул Паломбара. – Временно отколовшиеся, – сухо добавил он с иронией, которую его партнер, скорее всего, не оценил.

Паломбара отправился изучать город. Он нашел его восхитительным, несмотря на то что погода стояла почти зимняя, время от времени срывался дождь, с моря дул сильный ветер. Было не очень холодно, и легат с удовольствием прошелся пешком. Его епископское облачение не привлекало внимания – по здешним улицам каждый день проходили представители разных национальностей и вероисповеданий.

После долгого дня, проведенного в утомительном хождении и старательном наблюдении, Паломбара порядком устал и натер мозоли на ногах, но сумел изучить общий план города.

На следующий день он не мог двигаться – к большой радости Виченце, который, не скрывая злорадства, отпускал в адрес напарника ехидные замечания. Однако уже через день, не обращая внимания на мозоли, Паломбара вновь отправился осматривать близлежащие окрестности. Погода была прекрасная, ярко светило солнце, дул легкий ветерок. Узкие старые улицы были многолюдными и походили на привычные ему римские.

Он купил лепешку у уличного торговца и, пока ел, наблюдал за двумя стариками, играющими в шахматы. Стол, на котором была разложена доска, был очень мал. Резные деревянные фигуры истерлись от долгого использования и потемнели от прикосновений потных ладоней многочисленных игроков.

У одного из стариков было худое лицо, белая борода и черные глаза, полускрытые за морщинистыми веками. У другого тоже была борода, но он был почти лысым. Старики были поглощены игрой и не обращали внимания на то, что происходило вокруг. Мимо проходили люди. На другой стороне улицы громко кричали дети. Телеги, в которые были запряжены ослы, громыхали по булыжникам. Торговец спросил у стариков, не хотят ли они чего-нибудь купить, но те его не слышали.

Внимательно рассматривая их лица, Паломбара пришел к выводу, что старики испытывали от этой сложной игры истинное наслаждение. Ему пришлось простоять целый час, ожидая ее окончания. Худой старик выиграл и заказал лучшее вино, свежий хлеб, козий сыр и сушеные фрукты, и приятели выпили и съели все это с таким же удовольствием, с каким играли.

На следующий день Паломбара пришел туда пораньше, чтобы понаблюдать за игрой с самого начала. В этот раз выиграл другой старик, но празднование в точности повторилось.

Неожиданно Паломбара понял, что его привела сюда самонадеянность. Ему хотелось объяснить этим старикам, во что им следует верить. Легат встал и вышел на солнце. Он был слишком встревожен и не мог мыслить ясно; в голове роем пронеслись мысли.

Однажды в начале января, после того как Паломбара долгое время работал вместе с Виченце, готовясь к приближавшемуся подписанию унии, он сбежал в таверну.

Легат намеренно сел рядом со столом, за которым двое мужчин среднего возраста вели яростный спор на излюбленную для Византии тему – о религии. Один из них, заметив, что Паломбара прислушивается к их дебатам, обратился к нему, попросив высказать свое мнение.

– Да, – подхватил его собеседник, – а вы как считаете?

Паломбара на несколько мгновений задумался, прежде чем процитировать святого Фому Аквинского, блестящего теолога, умершего по дороге в Лион.

– А! – быстро отозвался первый. – Ангельский доктор! Очень хорошо. Вы согласны с тем, что он поступил правильно, не закончив свой самый великий труд – «Сумма теологии»?

Паломбару застали врасплох. Он замялся.

– Хорошо! – воскликнул незнакомец, ослепительно улыбаясь. – Вы не знаете. С признания этого начинается мудрость. Разве Фома Аквинский не сказал, что все, что он написал, – лишь толика того, что он понял и узрел в своих видениях?

– Альбертус Магнус⁴, который прекрасно знал Фому Аквинского, как-то сказал, что его труды покорят весь мир, – произнес его друг.

Он развернулся к Паломбаре:

– Фома Аквинский был итальянцем, да упокоит Господь его душу. Вы его знали?

Паломбара вспомнил единственную встречу с ним. Крупный, дородный человек со смуглой кожей, невероятно вежливый. Его невозможно было не полюбить.

– Да, – ответил легат и подробно описал эту встречу и все, что сказал тогда Фома.

Случайные собеседники вцепились в его рассказ, как будто нашли сокровище, и стали подвергать сомнению идеи, излагаемые Паломбарой, получая при этом истинное наслаждение. Затем старики переключились на Франциска Ассизского и его отказ от духовного сана. Правильно ли он поступил и что стало тому причиной, высокомерие или скромность?

Паломбара пришел в восторг. Они непринужденно беседовали, их разговор напоминал ветер, дующий с моря, – легкомысленный, беспутный, опасный, врывающийся с бескрайнего горизонта. Легат пребывал в отличном настроении, пока случайно не увидел Виченце и не осознал, как далеко отошел от традиционной доктрины.

Подслушав часть их беседы, Виченце прервал ее и сухим вежливым тоном сказал, что у него есть срочная новость, поэтому Паломбару ждут дела, не терпящие отлагательств. Поскольку это было всего лишь случайное знакомство, легату не пришлось искать предлог, чтобы закончить разговор. Паломбара нехотя извинился и вышел вместе с Виченце на улицу. Он был сердит и разочарован, а также удивлен собственным недовольством.

– Что за новость? – холодно спросил Паломбара.

Его возмутило не только то, что Виченце прервал их беседу, но и то, как бесцеремонно он это сделал. Его раздражали плотно сжатые губы напарника, казалось, излучавшего молчаливое неодобрение.

– Нас вызывают к императору, – ответил Виченце. – Я договаривался об этой аудиенции, пока ты философствовал с атеистами. Постарайся запомнить: ты служишь папе!

– Мне бы хотелось думать, что я служу Богу, – спокойно сказал Паломбара.

– Мне бы хотелось думать, что это действительно так, – парировал Виченце. – Но у меня есть некоторые сомнения.

Паломбара решил сменить тему:

– Почему император изъявил желание с нами встретиться?

– Если бы я знал, чего он хочет, я бы тебе сказал, – буркнул Виченце.

Паломбара не поверил ему, но ввязываться в очередной спор не имело смысла.

Встреча с императором Михаилом Палеологом проходила во Влахернском дворце. Паломбаре, немного изучившему историю этого здания, казалось, что воздух здесь наполнен воспоминаниями о славных подвигах прошлого, которое не шло ни в какое сравнение с унылым, блеклым настоящим.

Он проходил мимо стен, когда-то лишенных малейших изыянов, инкрустированных порфиром и украшенных иконами. В каждой нише стояла мраморная или бронзовая ста-

---

⁴ Имеется в виду Альберт Великий (ок. 1200–1280) – немецкий теолог, философ, ученый.

туя. Когда-то здесь хранились величайшие произведения мирового искусства, в том числе скульптуры, созданные в античную эпоху Праксителем и Фидием.

Паломбаре больно было видеть пятна гари, оставшиеся после нашествия крестоносцев. Он также заметил признаки бедности – незалатанные ковры, надбитые кусочки мозаики, щербатые колонны и пилястры. Несмотря на утверждения, будто они служат Богу, крестоносцы в душе были варварами. Неверие можно выражать по-разному.

Легатов провели в великолепный зал с огромными, выходящими на Золотой Рог окнами, из которых открывался вид на крыши, башни, шпили и корабельные мачты, а также теснившиеся на далеком берегу домики.

В зале был мраморный пол, колонны из порфира, поддерживавшие богато декорированные мозаикой своды потолка, блестящие золотом.

Любуясь внутренним убранством помещения, Паломбара приближался к императору. Легата поразила энергия, которую тот излучал. Михаил был смуглым, с густыми волосами и длинной бородой. Как и следовало ожидать, его шелковый наряд был щедро украшен вышивкой и драгоценными камнями. На нем были не только традиционная туника и далматика, но и нечто, напоминавшее нагрудник священника. Он был покрыт драгоценными камнями и обрамлен жемчугом и золотой нитью. Император носил его настолько непринужденно, что казалось, этот предмет одежды не представляет для него особой ценности. Паломбара вздрогнул, вспомнив, что Михаила приравнивали к апостолам. Он был талантливым военачальником, провел своих людей через битвы и изгнание и возвратил в родной город. Михаил сам отвоевал свою империю, и было бы глупо его недооценивать.

Император поприветствовал Паломбару и Виченце, соблюдая положенный церемониал, и предложил им присесть. Порядок подписания унии уже обсудили. Казалось, говорить было уже не о чем. А даже если бы и возникли какие-то вопросы, их могли бы решить сановники рангом пониже.

– Священнослужители православной церкви осознают, что им предстоит сделать нелегкий выбор, – спокойно произнес Михаил, скользя взглядом от одного легата к другому. – Однако цена слишком высока и не все готовы ее заплатить.

– Мы готовы оказать любую необходимую помощь, ваше величество, – услужливо сказал Виченце, чтобы заполнить образовавшуюся паузу.

– Знаю. – На губах Михаила играла легкая улыбка. – А вы, епископ Паломбара? – вкрадчиво спросил он. – Готовы ли вы оказать содействие? Или епископ Виченце уполномочен говорить за двоих?

Паломбара почувствовал, как кровь прилила к его лицу. Нельзя было позволять Михаилу перехватывать инициативу.

В черных глазах императора заплясали веселые искорки. Он кивнул:

– Хорошо. Итак, мы хотим достичь одного и того же результата, но по разным причинам и, возможно, разными способами. Я стремлюсь обеспечить безопасность своего народа и сохранить свой город, а вы – реализовать свои амбиции. Вы не хотите возвращаться в Рим с пустыми руками. В случае неудачи вам не достанется кардинальская шапка.

Паломбара вздрогнул. Михаил был прежде всего реалистом – таким сделали его испытания. Император выбрал союз с Римом, потому что решил воспользоваться единственным шансом на выживание, а не потому, что хотел объединить Церковь. Он дал понять легатам: если они будут высказывать собственные взгляды, то им не избежать религиозного диспута. Михаил был православным до мозга костей, но ему пришлось пойти на компромисс.

– Я понимаю ваше беспокойство, ваше величество. Нам предстоит принять непростые решения, однако мы все сделаем правильно.

Виченце слегка, почти незаметно, поклонился.

– Мы не можем ошибиться, ваше величество, поскольку понимаем: поспешность в этом деле нежелательна.

Михаил посмотрел на него с сомнением, но согласился:

– Очень нежелательна.

Виченце резко вздохнул.

Паломбара замер, с ужасом думая, что сейчас его напарник скажет какую-нибудь бестактность, но в то же самое время в глубине души надеясь, что он совершит промах.

Михаил ждал.

– Как бы там ни было, трудно найти причины, по которым подписание не могло бы состояться, – спокойно сказал Паломбара.

Для него было важно, чтобы император воспринимал его отдельно от Виченце.

– Конечно, – кивнул Михаил и взглядом подозвал кого-то, стоявшего позади легатов.

Этот человек был статным и высоким, у него была грациозная походка и крупное безбородое лицо. Заговорив с разрешения императора, он поразил присутствующих своим нежным, но все же не совсем женским голосом.

Михаил представил его как епископа Константина.

Присутствующие поприветствовали друг друга, соблюдая положенные формальности и испытывая некоторую неловкость.

Константин повернулся к Михаилу.

– Ваше величество, – решительно произнес он, – вам следует обратиться за поддержкой к патриарху Кириллу Хониату. Его одобрение помогло бы вам убедить народ вступить в союз с Римом. Возможно, никто не обратил внимания на то, какие глубокие чувства будут затронуты? – осведомился Константин, но эмоции, прозвучавшие в его голосе, превратили вопрос в предостережение.

Паломбару смущало присутствие этого человека: легат сомневался, что перед ним мужчина. Кроме того, казалось, что этот странный человек пытается скрыть бушевающие его чувства. Об этом можно было судить по тому, как нелепо он жестикулировал своими бледными тяжелыми руками и время от времени терял контроль над своим голосом.

Лицо Михаила потемнело.

– Кирилл Хониат отошел от дел.

Однако Константин продолжал настаивать:

– Вероятно, среди представителей нашей Церкви именно монахов будет труднее всего уговорить отойти от традиционного уклада и подчиниться Риму, ваше величество. Кирилл мог бы нам в этом помочь.

Михаил пристально посмотрел на епископа. Уверенность на лице императора сменилась сомнением.

– Ты удивляешь меня, Константин, – наконец сказал он. – Сначала ты был против этого союза, а сейчас советуешь мне, как лучше всего проложить к нему путь. Похоже, твои убеждения так же изменчивы, как море под порывами ветра.

Неожиданно Паломбару осенило, словно кто-то снял повязку с его глаз. Как же он сразу не понял? Ему стало неловко от своей догадки. Епископ Константин был евнухом при византийском дворе. Легат отвернулся, чувствуя, как горят его щеки, и растерянно осознавая собственную полноценность. В епископе сочетались страсть и сила, присущие мужчинам, с переменчивостью, слабостью, отсутствием решительности и мужества, что было свойственно нежной женской натуре. Паломбаре показалось, что Михаил прочитал его мысли.

– Море состоит из воды, ваше величество, – мягко сказал Константин, не сводя глаз с императора. – Христос прошел по глади Генисаретского озера, а нам следует относиться к Его деяниям с уважением и вниманием. В противном случае, утратив веру, как в свое время

Петр, мы можем пойти ко дну, и Господь не протянет нам Свою божественную длань, чтобы нас спасти.

В огромном зале наступила тревожная тишина.

Михаил медленно вдохнул, потом выдохнул. Он долго вглядывался в лицо епископа, однако Константин не дрогнул.

Виченце набрал воздуха в грудь, собираясь что-то сказать, но Паломбара больно толкнул его локтем в бок, и тот ахнул.

– Я не уверен, что Кирилл Хониат осознает необходимость этого союза, – после затянувшейся паузы произнес Михаил. – Он идеалист, а я – сторонник практических решений.

– Практицизм – это искусство, которое всегда приносит пользу, ваше величество, – ответил Константин. – Я знаю, что вы – истинный сын нашей Церкви и уверены в том, что вера в Бога обязательно дает результаты.

Паломбара с трудом сдержал улыбку, но на него никто не смотрел.

– Если я решу обратиться за помощью к Кириллу, – сказал Михаил, тщательно подбирая слова и глядя в лицо епископа немигающими глазами, – то именно ты будешь человеком, которого я к нему пошлю. А пока я надеюсь, что ты сделаешь все, чтобы убедить свою паству сохранять веру в Бога и императора.

Константин поклонился – без особого почтения и подобострастия.

Вскоре легатам разрешили удалиться.

– Этот евнух – очень неприятный тип, – сказал Виченце по-итальянски, потому что к выходу их сопровождал варяжский стражник.

Из окон открывался восхитительный вид на город. Виченце слегка передернул плечами и скривил губы от отвращения.

– Если мы не сможем изменить таких... людей, – он старательно избегал слова «мужчин», – то нам придется придумать, как их ниспровергнуть.

– Было время, когда евнухи занимали важные посты при императорском дворе и полностью им управляли, – сказал Паломбара, испытывая какое-то извращенное удовольствие. – Они были епископами, полководцами, советниками императора, юристами, математиками, философами и врачами.

– Пусть Рим положит этому конец! – воскликнул Виченце с возмущением, но не без удовольствия. – Нам нельзя медлить.

И он так быстро зашагал вперед, что Паломбара с трудом за ним поспевал.

Глава 13

Паломбара задумался о том, как именно император может упрочить свой авторитет среди собственного народа. Если византийцы действительно считают его «равноапостольным», то, возможно, верят в то, что он и в отношении религии поступает правильно.

Легат направился к великому собору Святой Софии, но не для того, чтобы поклониться святыни, и уж тем более он не собирался участвовать в православном богослужении. Ему хотелось понять различие между греческим и римским обрядами.

Служба оказалась более эмоционально насыщенной, чем он ожидал. В ней была страстная торжественность, соответствующая атмосфере этого древнего храма, украшенного мозаиками, иконами, колоннами и позолоченными нишами, в которых помещались прекрасные статуи святых со скорбными глазами, Богоматери и самого Христа. В тусклом свете свечей они казались живыми. Папский легат невольно восхитился этим строением. Огромный купол словно парил над окнами, расположенными по кругу высоко под сводом, который, казалось, ничто не поддерживало. Паломбара слышал легенду о том, что соорудить этот свод было выше человеческих возможностей и что огромный купол чудесным образом поддерживали на золотых цепях небесные ангелы, до тех пор пока не были построены колонны. В свое время эта история сильно его позабавила, но сейчас показалась не такой уж неправдоподобной.

Поднимаясь по лестнице, Паломбара заметил высокую женщину, стоявшую в стороне от толпы прихожан. У нее было очень необычное лицо. Ей было около шестидесяти, а может, и больше. Гордая осанка говорила о властности и даже надменности. У женщины были высокие скулы, слишком широкий, чувственный рот, тяжелые веки и золотистые глаза. Она пристально смотрела на Паломбару. Он почувствовал себя польщенным, но в то же время ему стало не по себе, когда она направилась к нему.

– Вы папский легат из Рима. – У нее был сильный голос, и, подойдя поближе, он рассмотрел, что ее лицо полно жизненной силы, которая привлекла его внимание и вызвала интерес.

– Да. Я – Энрико Паломбара.

Женщина слегка пожала плечами. Движение получилось почти чувственным.

– Зоя Хрисафес, – представилась она. – Вы приехали, чтобы увидеть «Святую Мудрость», прежде чем попытаться ее уничтожить? Ее красота коснулась вашей души или только глаз?

В этой женщине не было ничего, что вызывало бы жалость. Такой, как она, Паломбара еще не встречал. Казалось, в ней жил древний дух народа, пережившего нашествие варваров: страстный, опасный и, несомненно, греческий. Энергия Зои Хрисафес притягивала легата, подобно тому как огонь влечет к себе ночных насекомых.

– То, что воспринимается лишь глазами, не всегда исполнено смысла, – ответил Паломбара.

Зоя улыбнулась, мгновенно уловив тонкую лесть, скрытую в его ответе, и забавляясь ею. Это могло быть началом долгой дуэли, если она действительно заботится о православной вере и о ее сохранении.

Женщина выгнула тонкие брови:

– Откуда мне знать? В Константинополе нет ничего, что было бы лишено смысла. – Ее смех был почти осязаемым.

Паломбара ждал.

– Вы не думаете, что ошибаетесь, требуя от нас подчинения? – спросила она наконец. – Не просыпаетесь по ночам, в одиночестве, окруженный кромешной тьмой, от мыслей, не

дающих вам покоя, – добрых или злых? Неужели вас не мучает вопрос: «Может, это дьявол говорит со мной, а не Господь?»

Паломбара был поражен. Это было не то, что он ожидал от нее услышать. Зоя смотрела на него, пытаясь поймать его взгляд. Потом рассмеялась в полный голос. Ее смех был сочным, жизнерадостным.

– А, понятно! Вы вообще не слышите никаких голосов – лишь тишину. Вечную тишину. Это и есть секрет римлян – кроме вас никого не существует!

Легат посмотрел на умное лицо женщины, с победным видом взирающей на него. Она смогла разглядеть пустоту в его душе.

Вокруг них суетились расходящиеся после службы люди, а Паломбара все стоял перед Зоей, чувствуя ее боль, похожую на прикосновение языков пламени. Он мог даже посочувствовать ей, но в конце концов объединение должно было состояться, поддерживает его Зоя Хрисафес или нет. Всю эту уникальную красоту, усладу для глаз, слуха и прежде всего ума могут уничтожить невежественные воины, если армия крестоносцев снова с огнем и мечом пройдет по городу.

Понимая, что эта встреча может дать ему некоторые преимущества, Паломбара решил не говорить о ней Виченце.

Следующие несколько недель Паломбара осторожно разузнавал о Зое Хрисафес, ловя упоминания о ней, но не называя ее имени. Он собрал множество фактов о ее некогда могущественной семье. Единственная дочь Зои, Елена, вышла замуж за представителя древнего императорского рода Комненосов и недавно овдовела: ее муж был убит.

Ходили слухи, что у Зои было много любовников; возможно, среди них был и сам Михаил Палеолог. Паломбара был склонен в это верить. Даже сейчас в ней ощущалась чувственность, необузданность и жизненная сила. На ее фоне другие женщины казались скучными.

На мгновение Паломбара пожалел о том, что является папским легатом и находится за рубежом, где невозможно замести следы. Да и Виченце неотступно следил за ним. В любом случае вряд ли Зоя заводит любовников просто ради удовольствия. Физическая близость с ней была бы похожа на битву, в которой стоит принять участие, независимо от того, победишь ты или проиграешь. Такая связь польстила бы его разуму, даже если бы не коснулась сердца.

Именно Паломбара стал инициатором их следующей встречи. Он обошел улицу Меса в поисках необычного подарка. Ему хотелось найти что-нибудь особенное, чтобы вызвать интерес Зои. Тогда он мог бы посетить эту женщину, якобы желая получить ее совет. Теперь Паломбара знал о ней достаточно, чтобы это выглядело правдоподобно.

Его провели в роскошно обставленную комнату, окна которой выходили на город и на Босфор, видневшийся вдали. Паломбара словно попал в прошлое, в те времена, когда город еще не был разграблен: его слава лишь начала угасать, а гордость еще не была растоптана. На стенах висели богато украшенные темные ковры. Их краски лишь немного приглушили столетия, они не выцвели, а слегка потускнели в тех местах, где на них падал свет. Мраморный пол был отполирован поколениями людей, ходивших по этой комнате. На потолке кое-где виднелась позолота. На одной из стен висело отлитое из золота распятие. Фигура Христа была выполнена с таким мастерством, что казалось, Он вот-вот содрогнется в агонии.

На Зое была туника янтарного цвета, а сверху – более яркая, насыщенного цвета далматика, скрепленная золотыми фибулами, украшенными гранатами. У женщины был довольный вид, словно она знала, что Паломбара придет, хотя, возможно, и не ожидала его именно сегодня.

В комнате присутствовал еще один человек – одного с Зоей роста, одетый в простую тунику и темно-синюю далматику. Стоя в углу комнаты, он упаковывал какие-то порошки в небольшие коробочки. Паломбара чувствовал запах – это были измельченные травы.

Зоя не обращала внимания на этого человека, поэтому и Паломбара не стал этого делать.

– Я принес небольшой подарок, который, полагаю, может вас заинтересовать, – сказал он, протягивая ей предмет размером с ладонь, завернутый в красный шелк.

Женщина с любопытством взглянула на сверток.

– Зачем? – спросила она.

– Потому что от вас я могу узнать о душе Византии больше, чем от кого-либо еще, – ответил Паломбара совершенно искренне. – И я предпочел бы, чтобы эти знания получил я, а не мой коллега, легат Виченце. – Он позволил себе улыбнуться.

Лицо Зои вспыхнуло весельем. Она развернула шелк и обнаружила кусок янтаря размером с куриное яйцо. Внутри него был паук, который попал внутрь за миг до победы – муха была на волосок от его челюстей. Женщина не стала скрывать восхищения и удовольствия.

– Анастасий! – сказала она, повернувшись к человеку, возившемуся в углу. – Иди посмотри, что принес мне папский легат!

Паломбара увидел, что это еще один евнух, ниже и моложе епископа Константина, но с таким же гладким, безволосым лицом.

– Потрясающе, – произнес Анастасий высоким голосом, внимательно разглядывая подарок. – Очень умно.

– Ты думаешь? – спросила Зоя.

Анастасий улыбнулся.

– Материальное изображение момента – и вечности, – ответил он. – Ты думаешь, что приз в твоих руках, – а он ускользает. Мгновение застыло, и спустя тысячу лет мы по-прежнему не в состоянии его поймать.

Он посмотрел на Паломбару. Легат был поражен умом и отвагой, светившимися в его холодных серых глазах – совершенно не таких, как у Зои, хотя цвет кожи и волос был очень похож. У Анастасия тоже были высокие скулы и чувственный рот. Паломбару обеспокоило, что этот человек увидел в куске янтаря больше, чем он сам.

Зоя внимательно наблюдала за ним.

– Вы именно это хотели сказать мне, Энрико Паломбара? – спросила она.

Зоя отказывалась называть его «ваше преосвященство», потому что он был римским, а не византийским епископом.

– Я хотел доставить вам удовольствие, – ответил Паломбара. – В этом янтаре можно найти любой скрытый смысл, какой вам только захочется.

– Раз уж мы заговорили о бренности бытия... – произнесла Зоя. – Если, находясь в Константинополе, вы заболаете, я могу порекомендовать вам Анастасия. Он превосходный лекарь и избавит вас от болезней, не отчитывая за прегрешения. Это немного по-еврейски, но весьма эффективно. Я прекрасно знаю свои грехи, и мне кажется утомительным, если меня бранят за них снова и снова. Особенно когда я плохо себя чувствую.

– Это зависит от того, завидуют вам или презирают, – легкомысленно произнес Паломбара.

Он заметил на лице евнуха мимолетную усмешку, однако она исчезла так быстро, что легат не был уверен, что она ему не показалась.

Но Зоя, вероятно, тоже ее увидела.

– В чем дело? – требовательно спросила хозяйка дома.

Анастасий пожал плечами. Это движение показалось легату странно женственным, однако в лекаре не было эмоциональной неуравновешенности Константина.

– Думаю, что презрение – это одеяние, в которое обычно рядится зависть, – ответил Анастасий Зое с улыбкой.

– А что мы должны чувствовать по отношению к греху? – быстро спросил Паломбара, прежде чем Зоя успела вставить хоть слово. – Гнев?

Анастасий посмотрел на него странным, напряженным взглядом.

– Нет – если только мы его не боимся, – сказал он. – Или вы думаете, что Господь боится греха?

– Это было бы нелепое предположение, – выпалил Паломбара. – Но мы не боги. По крайней мере, мы, римляне, не считаем себя таковыми, – добавил он.

Улыбка Анастасия стала шире.

– Мы, византийцы, тоже.

Паломбара невольно рассмеялся – и от смущения, и оценив остроумие собеседника. Он не знал, что думать об этом Анастасии. То он казался здравомыслящим, разумным, как мужчина, то непредсказуемым и порывистым, как женщина. В его присутствии Паломбара попадал впросак. Ему вдруг вспомнился отрез шелка, который он видел на рынке, – держишь его под определенным углом, и он кажется синим, повернешь немного – и он отливает зеленью. Нрав евнухов был подобен переливам шелка – изменчивый, непредсказуемый. Третий пол, одновременно и мужской, и женский, и в то же время ни тот ни другой.

Зоя вертела в руках кусок янтаря.

– Да, этот подарок стоит того, чтобы оказать вам услугу, – сказала она Паломбаре. Ее глаза сияли. – Чего вы хотите?

Зоя бросила быстрый взгляд на евнуха. Паломбара заметил в нем раздражение и легкое презрение. Такая страстная, чувственная женщина, как Зоя, никогда не забудет о том, что Анастасий – не мужчина. Каково это – осознавать, что ты лишен основного инстинкта, плотского желания? Испытывая сексуальное влечение, мы чувствуем себя живыми... Паломбара гадал, есть ли что-нибудь, чего Анастасий желает со страстью?

– Конечно знания, – ответил легат на вопрос Зои.

Она моргнула:

– Знания о ком?

Паломбара посмотрел на Анастасия.

Зоя улыбнулась и окинула лекаря взглядом, как будто раздумывая, велеть ему уйти или можно не обращать на него внимания.

Анастасий сам принял решение.

– Травы на столе, – сказал он Зое. – Если они вам понравятся, я принесу еще. Если нет, тогда я предложу что-нибудь другое. – Он повернулся к Паломбаре. – Надеюсь, ваше преосвященство, что ваше пребывание в Константинополе будет приятным.

Евнух поклонился Зое и ушел, захватив свою сумку с травами. Он двигался стремительно, словно старался сохранить равновесие – и достоинство. Паломбара подумал: может, он страдает от боли интимного характера, может, рана еще не зажила? Разве может мужчина пережить такое унижение без горечи в душе? Анастасий был довольно женоподобен; возможно, ему удалили не только тестикулы, но и вообще все? Какая непостижимая смесь красоты, мудрости и жестокости эти евнухи! Риму следует их опасаться.

Паломбара повернулся к Зое. Он готов был выслушать все, что она захочет рассказать ему о городе, и приготовился принять эту информацию с интересом и скептицизмом.

Глава 14

Константин стоял в своей любимой комнате, рассеянно поглаживая мраморную статую. Ее голова была склонена, словно в глубокой задумчивости, обнаженные конечности были идеальными. Константин снова провел по статуе рукой, шевеля пальцами, ощупывая, и почувствовал в каменных плечах напряженные мышцы и сухожилия.

Его собственное тело было напряжено до боли.

Михаил подтвердил, что договор будет подписан. Весь Константинополь это увидит, и Рим будет удовлетворен. Епископ никак не мог этого предотвратить. Этот договор станет подтверждением фактической зависимости, подчинения, сигналом для всего мира и в первую очередь для Господа, что народ Византии отказался от своей веры. Те, кто доверился Церкви, будут уничтожены теми же людьми, которые поклялись спасти их души. Как недалекovidно! Отречься от настоящего, чтобы купить себе безопасность в будущем. А как насчет вечного спасения? Разве это не важнее?

Но Константин знал, что делать, и сделал.

Когда он думал об этом, все его тело покрывалось холодным потом, несмотря на то что в комнате было довольно прохладно. Народ Византии имел право бороться за свою жизнь!

И Константин сделал это: зажег огонь в их сердцах, и пожар вспыхнул. На улицах начались бунты. Десятки, а затем сотни недовольных кричали на площадях и рынках о том, что союз с Римом чужд их вере и противен душе.

Конечно, Константин притворялся, будто делает все, чтобы остановить смутьянов, хоть и разделяет их чувства, призывает людей к порядку и почтению, но на самом деле лишь подстрекал их к действию. Какая разница между благословением и поощрением? Всего лишь в наклоне руки, в интонации голоса, которого не слышно из-за шума.

Это было великолепно. Тысячи людей вышли на улицы, заполнив все свободное пространство. Стоя здесь, в тихой комнате, Константин до сих пор слышал их голоса. Кровь бурлила в его венах, сердце бешено колотилось в груди, пот струился по коже.

– Константин! Константин! Во имя Господа и Пресвятой Девы Марии, Константин, вперед – за нашу веру!

Он улыбнулся, отступив на шаг-другой, как будто из скромности, но люди закричали еще громче:

– Константин! Веди нас к победе во имя Пресвятой Богородицы!

Он поднял руки, благословляя толпу, и постепенно люди успокоились. Крики стихали. Византийцы стояли на площади и на прилегающих улицах, молча ожидая, что он прикажет им делать.

– Имейте веру! Власть Божия выше, чем любая земная власть! – сказал им Константин. – Мы знаем, что правда, а что ложь, что идет от Христа, а что – от дьявола. Идите домой, поститесь и молитесь. Будьте верны Церкви, и Господь пребудет с вами.

Бог спасет их от Рима только в том случае, если их вера будет непоколебимой. И задача Константина – сделать все возможное, чтобы укрепить ее.

Несколько дней спустя Михаил отомстил ему: трон патриарха Византии занял не евнух Константин, а Иоанн Векк.

Слуга, который сообщил Константину эту новость, был блее мела, словно принес весть о смерти. Он стоял перед епископом, опустив глаза и тяжело дыша.

Константину хотелось накричать на гонца, но этим он выдал бы свою боль – так же, как нагота явила бы его увечье, скрыть которое было невозможно. Его оскотили вторично – лишили власти, которая принадлежала ему по праву, по вере – и по решимости сражаться за веру. Иоанн Векк выступал за унию с Римом. Трус, предавший свою Церковь.

– Ступай! – просипел Константин, словно его горло сжалось от боли.

Слуга изумленно уставился на него, а затем поспешил прочь.

Когда его шаги затихли, Константин зарычал от ярости и унижения. Ненависть обжигала его душу. Он разорвал бы Иоанна Векка, если бы смог до него сейчас дотянуться. Мужчина, не скопец, он оскорблял Константина самым фактом своего существования. Как будто наличие детородных органов влияет на состояние души! Настоящего мужчину характеризуют прежде всего страсти, бушующие в сердце, мечты, желания, страхи, которые он преодолел, его жертвенность, а не его тело.

Неужели мужчина становится лучше оттого, что может излить свое семя в женщину? Любой зверь способен на это. Становится ли человек более праведным, если у него есть такая способность, но он воздерживается от ее применения?

Константин мог бы взять нож, отрезать Векку его тестикулы и смотреть, как хлещет кровь, как когда-то было с ним самим, когда он был еще мальчиком; видеть его агонию, его страх истечь кровью! А потом наблюдать за тем, как он хватается за то, что осталось от его мужского достоинства, – в ужасе от потери, последствия которой не покинут его до самой смерти. Вот тогда они будут на равных. И кто тогда сможет возглавить Церковь и спасти ее от Рима?

Но это была всего лишь мечта, сон, ночное видение. Константин не мог этого сделать. Его сила – в любви и доверии народа. Люди не должны увидеть его ненависть. Это была слабость. Грех.

Может ли Пресвятая Дева Мария заглянуть в его сердце? Константин вспыхнул от стыда. Он медленно опустился на колени. Его лицо было мокрым от слез.

Векк неправ! Лжец, приспособленец, ищущий благосклонности сильных мира сего, охотник за властью. Разве может порядочный человек притворяться, будто одобряет союз с Римом?

«А являюсь ли я достойным человеком? – спрашивал себя Константин. – Я могу, я должен стать таким».

Он поднялся на ноги, намереваясь начать прямо сейчас. Нельзя терять ни минуты. Он покажет Иоанну Векку, он всем им покажет! Люди любят его, его веру, его милосердие, его смирение и мужество, его волю к победе.

Следующие несколько дней Константин работал до изнеможения, забывая о себе. Он отзывался на любой призыв, проходил много миль, от дома к дому, выслушивал исповеди умирающих, отпускал им грехи. Члены семей плакали от благодарности. Когда Константин уходил, его покрытые мозолями ноги болели. Но дух воспарял в уверенности, что его любят и ради него все больше и больше людей остаются верными истинной Церкви.

Константин так часто служил обедни, что иногда ему казалось, будто он делает это во сне. Слова сами собой лились с его уст. Единственной наградой для него были светящиеся благоговением лица, кроткие, исполненные благодарности сердца. Когда Константин, обессиленный, ложился, часто на полу, там, где его заставляла ночь, он ни о чем не думал. На рассвете он вставал и ел то, чем поделились с ним малоимущие.

Однажды поздним вечером, слушая исповедь какого-то здоровяка, местного заправилы и задиры, Константин почувствовал себя плохо.

– Я избил его, – тихо сказал человек, неуверенно, со страхом заглядывая Константину в глаза. – Сломал ему несколько костей.

– Он... – начал было Константин, но тут почувствовал, что не в состоянии сделать вдох.

Сердце билось так громко, что ему казалось, будто даже человек, стоявший перед ним на коленях, слышит этот стук. У Константина закружилась голова. Он попытался снова заговорить, но не услышал ничего, кроме шума в ушах, и спустя мгновение впал в забытие, которое принял за смерть.

Очнулся Константин в собственном доме. Голова раскалывалась, тошнота и боль скручивали внутренности. Слуга Мануэль стоял у его постели.

– Позвольте послать за лекарем! – воскликнул он. – Мы молились за вас, но этого недостаточно.

– Нет, – тут же сказал Константин, но его голос был слаб.

Живот снова скрутило от боли, и он испугался, что его сейчас стошнит.

Константин попытался встать, чтобы опорожниться, но боль заставила его сложиться пополам. Он позвал Мануэля и попросил помочь ему. Двадцать минут спустя, обливаясь потом от слабости, Константин понял, что не в состоянии стоять без посторонней помощи. Он рухнул на постель и позволил Мануэлю укрыть его. Внезапно епископа бросило в холод, но, по крайней мере, теперь он мог неподвижно лежать.

Мануэль снова попросил разрешения послать за лекарем, и снова Константин отказался. Сон исцелит его.

Епископ лежал неподвижно. Боль в животе стихла, но страх сковал его сердце, словно железный хомут. Константин боялся оставаться в темноте: когда свечу уносили, его кожа покрывалась потом, а конечности становились холодными как лед.

– Мануэль! – закричал Константин пронзительно, почти истерически.

Появился слуга со свечой в руке. Его лицо было испуганным.

– Позови Анастасия, – уступил наконец Константин. – Скажи, что дело срочное. – Боль снова пронзила его живот. – Но сначала помоги мне.

Ему срочно нужно было еще раз опорожниться, а он не мог сделать это без посторонней помощи. И еще Константин чувствовал, что его сейчас стошнит. Анастасий тоже был евнухом, и увечье пациента не вызовет у него ни жалости, ни отвращения. Когда-то Константина пользовал мужчина-лекарь, и епископ увидел в его глазах любопытство и брезгливость. Такого больше не повторится. Никогда. Константин скорее готов был умереть.

Анастасий его поймет: он тоже растерян, не уверен в себе и скрывает в глубине души какое-то слишком тяжелое бремя. Константин видел это по его лицу, когда лекарь думал, будто за ним никто не наблюдает. Когда-нибудь он узнает, что это за тайное бремя.

Да, пусть позовут Анастасия. И как можно быстрее.

Глава 15

По поведению слуги и по истеричным интонациям в его голосе Анна поняла, что он встревожен. Кроме того, она знала, что Константин, гордый и скрытный человек, не послал бы за ней, если бы речь не шла о жизни и смерти.

– Каковы симптомы? – спросила она. – Где болит?

– Не знаю. Пожалуйста, пойдемте.

– Я должна решить, что с собой взять, – объяснила Анна. – Будет гораздо лучше, если мне не придется возвращаться.

– А! – Теперь слуга понял. – Его беспокоит боль в животе. Хозяин не ест и не пьет, часто опорожняется, но боль не проходит.

Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Анна как можно быстрее собрала свою сумку, положив туда травы, которые, скорее всего, могли ей понадобиться. Она также взяла некоторые восточные травы, купленные у Шахара и аль-Кадира, но решила не называть этих имен при Константине.

Сообщив Симонис, куда направляется, Анна последовала за Мануэлем. Они вышли на улицу и быстро зашагали вниз по склону холма.

Оказавшись на месте, Анна поспешила прямо в спальню, где лежал Константин. Его промокшая от пота ночная рубашка задралась. Кожа была серовато-бледной.

– Мне жаль, что вам так плохо, – тихо сказала Анна. – Когда это началось?

Она была поражена, увидев в его запавших глазах откровенный, неконтролируемый страх.

– Вчера вечером, – ответил Константин. – Я слушал исповедь, и вдруг у меня в глазах потемнело.

Анна коснулась его лба рукой. Он был холодным и липким. Она почувствовала резкий, застарелый запах пота и кислый – рвоты. Потом нащупала пульс. Удары были сильными и частыми.

– Сейчас вы чувствуете боль? – спросила она.

– Нет.

Анна решила, что он говорит неправду.

– Когда вы последний раз ели?

Константин выглядел озадаченным.

– Раз вы не помните, значит, это было слишком давно.

Анна уставилась на его руку, лежащую на груди. Нельзя показывать ему, что она заметила его страх. Он ей этого не простит. Нужно осмотреть его внимательнее – по крайней мере живот, чтобы проверить, нет ли вздутия и непроходимости кишечника. Епископ может не простить ей и этого, ведь операция по кастрации оставила на его теле шрамы. Анна слышала, что иногда они бывают просто ужасными. У некоторых евнухов удалены все половые органы, и для мочеиспускания им приходится вставлять трубку.

Анна заколебалась, понимая, что рискует. Это нарушение чужих прав, которому нет прощения. Но долг лекаря требовал использовать все средства, которые могут принести пользу. У нее не было выбора.

Анна осторожно оттянула кожу на руке Константина. Она была дряблой.

– Принеси мне воды, – велела Анна слуге, топтавшемуся у двери. – И выдави сок из гранатов. Желательно незрелых. Принеси его в кувшине. Для начала будет достаточно одного кувшина.

Она дала слуге мед и аралию и объяснила, в каких пропорциях их нужно смешать. Тело Константина было обезвожено.

– Вас стошнило? – спросила Анна больного.

– Да, всего один раз, – поморщился он.

По состоянию его кожи, по впалым глазам она поняла, что не ошиблась: он потерял слишком много жидкости.

– Может, и не нарочно, но вы морили себя голодом и пили слишком мало воды.

– Я помогал беднякам, – ответил Константин слабым голосом.

Он избегал смотреть на лекаря, но не потому, что обманывал. Скорее всего, ему было неприятно, что кто-то видит его в столь жалком состоянии.

– Что со мной не так? – спросил он. – Это наказание за грехи?

Анна была потрясена: он откровенно продемонстрировал свои глубинные страхи. Но разве она могла ответить ему откровенностью, не предав при этом веру и свою профессию?

– Не только вина причиняет боль, – мягко сказала Анна, – но и гнев и иногда скорбь. Вы отдаете слишком много сил служению другим и пренебрегаете собственными нуждами. Да, наверно, это – грех. Господь дал вам тело, чтобы вы могли Ему служить, а вы так скверно о нем заботитесь. Это проявление неблагодарности. Может, вам следует в этом покаяться?

Константин уставился на нее, пытаясь осознать сказанное, прокручивал ее слова в уме, взвешивал. Постепенно страх отпускал его, словно Анна сказала вовсе не то, чего он больше всего боялся. Рука, сжимавшая простыню, немного расслабилась.

Анна улыбнулась.

– Вам следует лучше о себе заботиться. В таком состоянии вы не сможете служить ни Богу, ни людям.

Константин сделал глубокий вдох.

– И еще вам нужно больше пить, – сказала ему Анна. – Я принесла травы, которые очистят и укрепят ваше тело. И ешьте, но с осторожностью. Хорошо пропеченный хлеб, яйца всмятку, куриные, а не гусиные и не утиные. Отваренное мясо куропаток или турача, молодого козленка. Немного тушеных яблок с медом, но не орехи. Затем, через два-три дня, можно съесть немного рыбы, подойдет кефаль. Пейте воду, смешанную с соком. Пусть ваш слуга обмоет вас и принесет свежие простыни. И пусть поддерживает вас, чтобы вы не упали. Вы сейчас слишком слабы. Я дам ему список продуктов.

По лицу Константина Анна видела, что он хочет еще о чем-то спросить. Опасаясь, что это будут вопросы, на которые она не сможет ответить, не смутив или не расстроив его, Анна торопливо попрощалась и ушла, пообещав вскоре вернуться.

На следующий день рано утром она пришла посмотреть, как он себя чувствует. При свете дня Константин выглядел изможденным: впалые щеки, тонкая бесцветная кожа. Он походил на крупную старуху. Бледные руки на простыне казались огромными, предплечья – мясистыми. Анна испытала острую жалость к этому несчастному старику, но поспешила отвести глаза, чтобы он ничего не заметил.

– Люди молятся за вас, – сказала она пациенту. – Филиппос, Мария и Ангелос остановили меня, узнав, что я направляюсь к вам. Они очень обеспокоены.

Константин улыбнулся. В его глазах снова вспыхнул интерес.

– В самом деле?

Неужели он думает, что она говорит это только для того, чтобы сделать ему приятное?

– Да, некоторые константинопольцы даже постились и всю ночь провели в молитвах. Они любят вас и, думаю, очень боятся потерять.

– Скажи им, что мне необходима их поддержка, Анастасий. Поблаговари их от моего имени.

– Хорошо, – пообещала Анна, смущенная тем, что Константин нуждается в утешении.

Поправившись, не возненавидит ли он ее за то, что ей слишком многое известно?

На следующий день Мануэль вновь открыл дверь Анне и тотчас увидел корзину, которую она держала в руках. Там были блюда, подготовленные Симонис для Константина.

– Угощение для епископа, – пояснила Анна. – Как он?

– Гораздо лучше, – ответил Мануэль. – Боль утихла. Но он все еще очень слаб.

– Через некоторое время он поправится.

Она передала слуге суп, велел подогреть его, и оставила хлеб на столе.

Анна подошла к спальне Константина, постучалась в дверь и, дождавшись ответа, вошла.

Епископ уже сидел на кровати. Его кожа все еще была бледной, глаза ввалились. Лицо обычного мужчины уже покрывала бы щетина, но лицо Константина оставалось гладким.

– Как вы? – спросила Анна.

– Лучше, – ответил он, но она видела, что он по-прежнему чувствует слабость.

Анна потрогала его лоб, потом нащупала пульс и слегка ущипнула кожу на предплечье. Она по-прежнему была липкой и вялой, но пульс стал более стабильным. Анна задала епископу несколько вопросов о характере боли. В это время вошел Мануэль, неся суп и хлеб.

Пока Константин ел, Анна сидела рядом с ним, поддерживая его и аккуратно помогая. Она собиралась с духом, чтобы задать вопросы.

– Пожалуйста, ешьте, – приговаривала она. – Вам нужно быть сильным. Я не хочу, чтобы нами управлял Рим, иначе ценности, которые я считаю непреходящими, будут уничтожены. Настоящая трагедия, что Виссариона Комненова убили. – Анна заколебалась. – Как вы думаете, это могли подстроить римляне?

Глаза Константина расширились, рука, в которой он держал ложку, замерла в воздухе. Похоже, эта мысль не приходила ему в голову. Анна видела, что он подыскивает ответ.

– Я об этом не думал, – наконец признался Константин. – А возможно, следовало бы.

– Разве не в их интересах его устранить? – продолжала расспрашивать Анна. – Виссарион был ярким противником унии. В его жилах текла императорская кровь. Мог ли он способствовать возрождению веры в народе? Это сделало бы заключение союза с Римом невозможным...

Константин продолжал смотреть на нее, на время позабыв о супе.

– Ты слышал, чтобы кто-то об этом говорил? – спросил он тихим голосом, в котором прозвучал страх.

– Если бы я был католиком и хотел поспособствовать заключению унии – в религиозных ли целях или ради личных амбиций, – я бы не допустил, чтобы такой лидер, как Виссарион, жил и здравствовал, – с нажимом произнесла Анна.

Странное выражение промелькнуло на лице Константина – смесь удивления и настороженности.

Она продолжила:

– Как вы думаете, могли ли римляне подкупить Юстиниана Ласкариса?

– Никогда, – мгновенно откликнулся он. Затем помолчал, словно коря себя за поспешность. – По крайней мере, он – последний человек, на которого я бы подумал.

Анна не могла упустить такую возможность.

– А какая, по-вашему, еще могла быть причина, по которой Юстиниан решил бы на убийство Виссариона? Он его ненавидел? Было ли между ними соперничество? А может, все дело в деньгах?

– Нет, – быстро ответил Константин, отодвинув в сторону поднос с едой. – Не было никакого соперничества или ненависти, по крайней мере, со стороны Юстиниана. И финансовых проблем тоже. Юстиниан был человеком состоятельным, и с каждым годом его дела шли все лучше. То, что я о нем знаю, свидетельствует о том, что он не мог желать смерти Виссариону. Юстиниан был категорически против унии и поддерживал Виссариона в борьбе

против такого союза. Иногда мне казалось, что из них двоих Юстиниан делал гораздо больше.

– Против союза с Римом?

– Конечно. – Константин покачал головой. – Я не могу поверить, что Юстиниан стал бы действовать на стороне католиков. Он благородный, честный человек, и, думаю, смелости и решительности в нем больше, чем в Виссарионе. Вот почему я попросил императора заметить казнь ссылкой. Конечно, лодка, которую использовали, чтобы избавиться от тела, несомненно, принадлежала Юстиниану. Но ее могли взять без его ведома. Антонин признался в содеянном, но ничего не сказал о Юстиниане.

– Что же, по-вашему, произошло на самом деле? – Анна не могла не затронуть этот больной для себя вопрос. – А может быть, тут что-то личное? Не связано ли это с Еленой?

– Не думаю, что Юстиниан испытывал к Елене нежные чувства.

– Но она красива, – заметила Анна.

Константин выглядел слегка удивленным.

– Да, наверное. Однако в ней нет ни скромности, ни смирения.

– Правда, – согласилась Анна. – Но это не всегда те качества, которые ищут мужчины.

Константин поерзал на постели, словно ему было неудобно.

– Юстиниан рассказывал мне, что Елена когда-то совершенно открыто заявила, что хотела бы, чтобы он поделил с ней ложе, но он отказался. Он признался мне, что до сих пор любит свою покойную жену и не может думать о других женщинах, и менее всего – о Елене. – Константин разгладил руками смятую простыню. – Юстиниан показывал мне портрет своей жены, очень маленький, всего пара квадратных дюймов, такой, который можно носить с собой. Она была очень красива – нежное, умное лицо. Ее звали Каталина. То, как Юстиниан говорил о ней, убедило меня в том, что его слова правдивы.

Анна взяла с кровати поднос и поднялась, чтобы поставить его на стол в дальнем углу комнаты. Это дало ей время на то, чтобы справиться с собой. Слова Константина – история Юстиниана, портрет Каталины – вызвали у нее такие яркие воспоминания о близких ей людях, что она почувствовала невыносимую боль.

Поставив поднос, Анна повернулась к Константину.

– Значит, Юстиниан хотел, чтобы Виссарион был жив, не так ли? – уточнила она. – И для того, чтобы продолжать борьбу против воссоединения с Римом, и для того, чтобы обосновать отказ Елене?

– Это еще одна причина, по которой я молил императора смягчить наказание, – печально признался Константин.

– Тогда кто же на самом деле помогал убивать Виссариона? Не можем ли мы доказать невиновность Юстиниана и добиться его освобождения? – Анна вновь увидела на лице Константина удивление. – Это ли не наш священный долг? – быстро добавила она. – Вернувшись, Юстиниан мог бы продолжить борьбу против союза с Римом.

– Мне неизвестно, кто помог убить Виссариона, – сказал старик, беспомощно разводя руками. – Если бы я это знал, то уже давно рассказал бы императору.

Его тон изменился. Анна была убеждена, что епископ лжет, но не могла бросить ему вызов. Нужно отступить, чтобы не настроить Константина против себя и не вызвать у него подозрений своим чрезмерным любопытством.

– Полагаю, это сделал какой-нибудь другой друг Антонина, – сказала она как можно беспечнее. – А по какой причине его вообще убили?

– Этого я тоже не знаю, – вздохнул Константин.

И снова Анна не сомневалась, что он лжет.

– Рад, что вам понравился суп, – сказала она с легкой улыбкой.

– Спасибо. – Константин улыбнулся в ответ. – А теперь я немного посплю.

Глава 16

Джулиано Дандоло стоял на ступенях пристани, глядя в свете факелов на покрытые рябью воды канала. Он улыбался, несмотря на охватившее его волнение. Гребни волн то сверкали, отражая блики факела, то погружались в тень. Они выглядели такими плотными, что, казалось, ступи он на них – и они могли бы выдержать его вес. Все менялось, было зыбко, красиво и непостоянно, как сама Венеция.

Мысли Джулиано прервал шумный плеск воды о ступени. Он шагнул ближе и увидел очертания небольшой быстрой барки. Вдоль бортов стояли вооруженные люди. Судно плавно скользнуло к причалу и остановилось. Загорелись факелы, и показалась хрупкая фигура дожа Лоренцо Тьеполо в пышных одеждах. Он встал и легко шагнул на причал. Дождь был уже в преклонном возрасте. Все его сыновья занимали высокое положение, и поговаривали, что это исключительно заслуга их отца. Но люди всегда так говорят.

Тьеполо шагал по мраморным ступеням. Пламя факелов заплясало на ветру. Дождь улыбался, его маленькие глаза с тяжелыми веками блестели, седые волосы походили на серебряный нимб.

– Добрый вечер, Джулиано, – тепло приветствовал он молодого человека. – Я заставил тебя ждать?

Это был риторический вопрос. Тьеполо был правителем Венеции; его все готовы были ждать. Он знал Джулиано с тех пор, как того еще маленьким мальчиком, тридцать лет назад, привезли в этот город. Дождь также знал и любил отца Джулиано.

Тем не менее никто из них не позволял себе фамильярности.

– Я с удовольствием провел весенний вечер на канале, ожидая вас, ваша светлость, – ответил Джулиано, стараясь шагнуть в ногу с дождем, но немного позади.

– Вот льстец! – пробормотал Тьеполо. Они пересекали площадь перед богато украшенным Дворцом дожей. – Возможно, это и хорошо. У нас достаточно врагов.

Дождь вошел в огромные двери, спереди и позади него следовала молчаливая бдительная охрана.

– Как только у нас не станет врагов, это будет означать, что у нас нет ничего, чему можно позавидовать, – сухо ответил Джулиано.

Они сняли плащи и пересекли огромный холл с высоким потолком и расписными стенами. Их обувь гулко стучала по выложенному мозаикой полу.

Улыбка Тьеполо стала шире.

– И не осталось зубов, – добавил он.

Дождь повернул направо, в главный вестибюль, и проследовал в свои личные покои с фресками на стенах и тяжелыми люстрами. На столике сандалового дерева стояли блюда с сушеными финиками, курагой и орехами. Факелы мерцали, отбрасывая теплый свет на выложенный паркетом пол.

– Садись!

Тьеполо махнул рукой в сторону резных кресел, стоящих у огромного камина, где горел огонь, – мартовский воздух был еще прохладным. Над камином висел огромный портрет отца Тьеполо, дожа Джакомо Тьеполо.

– Вина? – предложил старик. – Красное из Фьезоле, очень хорошее.

Не дожидаясь ответа, он наполнил два кубка и один передал гостю.

Джулиано принял его, поблагодарив. Да, после смерти отца Тьеполо был его другом и покровителем, но молодой человек знал, что его вызвали не просто для дружеской беседы. Такое тоже случалось, и довольно часто. Но в столь поздний час вряд ли разговаривают об искусстве, еде, состязаниях в гребле, о женщинах – красивых или, что гораздо интереснее, о

тех, которые пользуются дурной репутацией, – и, конечно, о море. Сегодня дож был серьезен. Его узкое лицо с длинным носом было задумчиво, двигался он как-то неловко, словно уделял больше внимания мыслям, чем действиям.

Джулиано ждал.

Тьеполо посмотрел на вино в кубке, но пить его не стал.

– Карл Анжуйский все еще лелеет мечты снова объединить пять древних патриархатов: Рима, Антиохии, Иерусалима, Александрии и Византии. – Его взгляд был мрачным. – И управлять ими, конечно. Тогда он будет не только графом Анжуйским, сенатором Рима, королем Неаполя, Сицилии, Албании и Иерусалима и, конечно, дядей короля Франции, но и владыкой патриархатов. Такая власть в руках одного человека насторожила бы меня, но в этих руках она представляет угрозу не только для Венеции, но и для всего мира. Успех Карла Анжуйского будет угрожать нашим интересам по всему восточному побережью Адриатики. Михаил Палеолог подписал унию с Римом, но, по моим сведениям, ему будет гораздо труднее убедить свой народ согласиться на подобный союз, чем думает папа. И все мы знаем, что его святейшество ратует за Крестовый поход. – Дождь мрачно усмехнулся. – Известно, что он своей правой рукой поклялся никогда не забывать о Иерусалиме. И мы тоже об этом не забудем.

Джулиано ждал.

– Это означает, что он поможет Карлу, по крайней мере в этом, – добавил Тьеполо.

– Тогда Рим будет на его стороне, а Иерусалим и Антиохия – в его руках, – наконец заговорил Джулиано. – Пойдет ли Карл войной на Византию, несмотря на то что император подписал соглашение об унии и подчинении власти папы? Ведь в таком случае он нападет на христианский город, а его святейшество не сможет разрешить подобное.

Тьеполо едва заметно пожал плечами.

– Это может зависеть от того, поддержит ли народ Византии, и особенно жители Константинополя, союз с Римом.

Джулиано думал об этом, осознавая, что дож внимательно за ним наблюдает, отслеживая малейшую тень эмоции. Если Карл Анжуйский приберет к рукам все пять патриархатов, включая Константинополь, расположенный на берегах Босфора, он будет контролировать ворота в Черное море и все земли за его пределами: Трапезунд, Самарканд и Древний шелковый путь на Восток. Если же он также получит контроль над Александрией и Нилом, а значит, и над всем Египтом, то станет самым могущественным человеком в Европе. Мировая торговля будет проходить через его руки. Папы приходят и уходят, и кто станет следующим, будет зависеть только от него.

– Перед нами дилемма, – продолжил Тьеполо. – Успех Карла состоит из многих составляющих. И корабли, которые мы построим для его Крестового похода, – одна из них. Но, если мы откажемся их строить, это сделает Генуя. Нам следует посчитать прибыль (или убыток) для наших военно-морских верфей и, конечно, наших банкиров и купцов, а также для тех, кто снабжает рыцарей, пехотинцев и пилигримов. Мы хотим, чтобы они проходили через Венецию. Это сулит существенный доход.

Джулиано сделал глоток вина и потянулся через стол, чтобы взять пригоршню миндаля.

– Есть и другие факторы, гораздо менее определенные, – продолжал развивать свою мысль дож. – Михаил Палеолог – умный человек. Если бы это было не так, ему не удалось бы снова завоевать Константинополь. Ему будет известно то же, что и нам, а может, и больше.

Когда дож произносил последние слова, его взгляд был полон сожаления. Наконец и он зачерпнул горсть орехов.

– Михаил знает о планах Карла Анжуйского и не уверен, что Рим намерен ему помогать, – продолжал Тьеполо. – Он сделает все возможное, чтобы помешать Карлу.

Дож внимательно посмотрел в темные глаза Джулиано, на его привлекательное лицо.

– Да, ваша светлость, – ответил тот. – Но у Михаила небольшой флот, а его армия уже сражается в другом месте.

Молодой человек произнес это с сожалением. Ему не хотелось думать о Константинополе. Его отец был венецианцем до мозга костей, младшим сыном в великой семье Дандоло, но мать Джулиано была из Византии, и он никогда о ней не вспоминал. Какой нормальный человек станет причинять себе боль?

– Значит, он пойдет на хитрость, – заключил Тьеполо. – А разве ты на его месте не поступил бы так же? Михаил всего лишь вернул себе столицу, одну из мировых жемчужин. Он будет сражаться на смерть, но не сдаст ее.

Джулиано помнил свою мать только как источник тепла, сладкого аромата. В его памяти сохранилось прикосновение мягкой кожи, а потом – пустота, которую ничто не могло заполнить. Джулиано было всего три года, когда она уехала, и он чувствовал себя так, будто она умерла. Но она была жива. Просто оставила его и отца, решив жить в Византии, а не с ними.

Если Константинополь снова захватят, сожгут и разграбят крестоносцы-латиняне, если они отнимут их сокровища и сровняют с землей дворцы, он сочтет это справедливым. Но эта мысль не доставила Джулиано удовольствия. Яростное злорадство приносило скорее боль, чем радость. Успех Карла Анжуйского изменит судьбу Европы, а также католической и православной церквей. Он сможет предотвратить рост влияния ислама и вернет христианам Святую землю.

Тьеполо наклонился немного вперед.

– Мне неизвестно, что станет делать Михаил Палеолог, но я знаю, что сделал бы на его месте. Человек может вести за собой лишь до определенного момента. Карл Анжуйский – француз, король Неаполя волею случая, а не по рождению. То же и с Сицилией. Если слухи верны, он не пользуется особой любовью народа.

До Джулиано тоже доходили подобные слухи.

– И Михаил воспользуется этим? – спросил он.

– А ты бы воспользовался? – мягко поинтересовался Тьеполо.

– Да.

– Поезжай в Неаполь и посмотри, какой флот планирует собрать Карл. Сколько кораблей, какого они размера. Разузнай, когда он намерен отправиться в поход. Обсуди с ним условия и цены. Если мы согласимся строить его флот, нам потребуется еще больше качественной древесины твердых пород, чем обычно. А еще узнай, каково общественное мнение. – Тьеполо понизил голос. – Что говорят люди, когда хотят есть, когда испуганы, когда выпьют лишнего и у них развязываются языки. Поищи смутьянов. Выясни, каким влиянием они пользуются и какие у них слабости и недостатки. Потом отправляйся на Сицилию и там делай то же самое. Ищи нищету, недовольство, любовь и ненависть.

Джулиано пытался понять, чего на самом деле хочет от него Тьеполо. Молодой человек понимал, что идеально подходит для этого задания. Опытный мореход, который может командовать собственным кораблем, сын купца, знающий торговлю всего Средиземноморья, а прежде всего человек, унаследовавший кровь и имя одной из самых славных семей Венеции – хоть и не ее богатства. Это его прадед, дож Энрико Дандоло, возглавлял Крестовый поход, в ходе которого в 1204 году был захвачен Константинополь. А когда Венецию обманули и заплатили ей лишь за корабли и провизию, он в виде компенсации привез домой величайшие из его сокровищ.

Теперь Тьеполо широко улыбался. Стакан поблескивал в его руке.

– А после Сицилии ты отправишься в Константинополь, – сказал он. – Проверь, восстанавливают ли они свою оборону. Но самое главное – остановись в венецианском квартале

на берегу Золотого Рога. Посмотри, насколько он силен, процветает ли. Если Карл будет атаковать на венецианских кораблях, попробуй понять, что станут делать обитатели этого квартала. Каковы их интересы, на чьей стороне симпатии. Они венецианцы, а теперь стали еще и частью Византии. Как глубоко они пустили корни? Мне нужно это знать, Джулиано. Даю тебе не более четырех месяцев – больше не могу.

– Конечно, – ответил Джулиано.

– Хорошо, – кивнул Тьеполо. – Я позабочусь о том, чтобы у тебя было все необходимое: деньги, хороший корабль, груз, который служил бы поводом для путешествия, и люди, которые будут тебе повиноваться и которым ты сможешь доверить торговлю, пока будешь на берегу. Ты отплываешь послезавтра. А теперь пей вино, оно поистине великолепно.

Дождь поднял кубок повыше, приглашая последовать его примеру, а затем поднес его к губам.

Вечером следующего дня Дандоло встретил своего лучшего друга, Пьетро Контарини, и они вместе пообедали. Джулиано наслаждался вкусом вина и еды, как будто ему в течение нескольких месяцев предстояло голодать. Друзья смеялись над старыми шутками, пели народные песни. Они вместе росли, учились, вместе открывали для себя удовольствия: вино, женщин. И вместе переживали невзгоды.

Одновременно узнали, что такое любовь, и поверяли друг другу свои сомнения и горести, победы и поражения. Выяснив, что влюбились в одну и ту же девушку, дрались, как дикие псы, до первой крови – это была кровь Джулиано. Потом вдруг дружба оказалась куда важнее влюбленности, и они прекратили поединок, смеясь над собой. С тех пор ни одной женщине не удавалось встать между ними.

Несколько лет назад Пьетро женился, у него родился сын, которым он очень гордился, а потом – две дочери. Однако домашние обязанности не лишили его способности восхищаться красивыми женщинами и не отняли любви к приключениям.

Друзья сидели в таверне с видом на Гранд-канал. Вокруг слышался смех, стук стаканов. Пахло вином и морской водой, едой, кожей и дымом догорающих костров.

– Ну, за приключения! – Пьетро поднял свой стакан довольно хорошего красного вина, которым угощал его Джулиано по случаю отъезда.

Друзья чокнулись и выпили.

– За Венецию и все венецианское! – добавил Джулиано. – Да не потускнеет слава ее в веках!.. Как думаешь, еще не очень поздно?

– Понятия не имею. А что?

– Хочу попрощаться с Лукрецией, – ответил Джулиано. – Я не увижу ее некоторое время.

– Будешь скучать? – с любопытством спросил друг.

– Не очень, – признался Джулиано.

Пьетро уже некоторое время донимал его советами жениться, но мысль об этом приводила Джулиано в ужас. Лукреция была веселой, теплой, щедрой... Но временами она бывала довольно надоедливой. И мысль о том, чтобы связать с ней свою жизнь, заставляла Джулиано чувствовать себя так, словно он идет прямо в ловушку – и сам закрывает за собой дверь.

Дандоло поставил пустой стакан на стол и встал. Он с удовольствием встретится с Лукрецией. Джулиано купил ей в подарок золотое ожерелье филигранной работы. Он тщательно выбирал его и знал, что украшение ей понравится. Ему будет не хватать Лукреции – ее тихого смеха, нежных прикосновений. Но все же совсем несложно будет расстаться с ней утром.

Неаполь произвел на Джулиано пугающее, но в то же время волнующе-прекрасное впечатление. Он был полон неожиданных явлений. В нем чувствовалась энергия, которая

взволновала Джулиано. Словно люди здесь ощущали радость и горесть острее, чем остальные.

Этот город был основан греками, отсюда и его название – Неаполис, «Новый город». Узкие улочки были расположены в том же порядке, какой сформировали греки. Многим улицам, круто поднимавшимся в гору в тени высоких домов, было уже более тысячи лет. Джулиано слышал, как смеются и ссорятся горожане, как они торгуются, покупая оливки, фрукты и рыбу, как плещут фонтаны и стучат колеса. Он вдыхал ароматы готовящейся пищи – и засоренных сточных канав, благоухание выющихся цветов – и вонь нечистот. Наблюдал за тем, как женщины полощут белье у фонтанов, сплетничают, смеются, ругают детей. Они любили жизнь, но не любили короля, будь он итальянцем или французом.

Солнце здесь было ярче, чем то, к которому Джулиано привык у себя в Венеции. Ему были знакомы блики на воде. Яркая синева Неаполитанского залива простиралась до самого горизонта и сверкала так, что слепила глаза, но он все стоял и смотрел на нее как заворуженный.

Однако его разум все время беспокоило зловещее присутствие Везувия к югу от города. Время от времени в безоблачное сверкающее небо поднимался столб дыма. Глядя на него, Джулиано понимал, что именно Везувий может порождать в людях эту безумную жажду жизни, тягу ухватить, познать удовольствия, ведь завтра может быть уже слишком поздно.

Джулиано подошел к дворцу в глубокой задумчивости. Ему назначил аудиенцию француз, который здесь правил. Джулиано знал о его успехах на поле боя, в частности в недавней войне с Генуей, и о его победах на Востоке, которые сделали его королем Албании и обеих Сицилий. Дандоло ожидал увидеть воина, человека, слегка опьяненного триумфом собственной жестокости. И думал, что франки кажутся бесхитростными по сравнению с любым латинянином, не говоря уже о венецианце, в котором соединились тонкость и пронырливость Византии и природная любовь к красоте.

Джулиано увидел крупного широкогрудого мужчину лет пятидесяти с оливковой кожей и темными глазами. На властном энергичном лице выделялся огромный нос. Одет француз был довольно скромно; ничто не отличало его от остальных, кроме неугомонной энергии и уверенности в себе, которая сквозила в нем даже в те моменты, когда он стоял спокойно.

Когда Джулиано позволили говорить, он назвал себя моряком, знакомым с большинством портов восточного Средиземноморья и в настоящее время являющимся эmissаром венецианского дожа. Карл приветствовал его и пригласил сесть за богато накрытый стол. Это прозвучало как приказ, поэтому Джулиано повиновался. Но вместо того, чтобы приступить к еде, Карл принялся решительно шагать туда-сюда, забрасывая гостя вопросами:

– Так, говоришь, ты Дандоло?

– Да, сир.

– Славное имя! Знаменитое! А ты знаешь Восток? Кипр? Родос? Крит? Акко? Ты знаешь Акко?

Джулиано кратко описал для него эти места.

Карл, несомненно, уже бывал там и, скорее всего, сравнивал свои впечатления с впечатлениями венецианца. Изредка он брал со стола то ножку жареной дичи, то кусок хлеба, то какой-нибудь фрукт и вгрызался в него. Пил Карл мало. Время от времени он отдавал приказы, и казалось, что где-то неподалеку стояли писари, которые записывали их на листах бумаги, словно ему требовалось по три копии каждого. Джулиано потрясло то, что Карл мог обдумывать несколько вопросов одновременно.

Его знание европейской политики поражало, к тому же он много знал о Северной Африке, Святой земле и далее, за ее пределами, до самой Монгольской империи. Джулиано был изумлен. Он старался поспевать за рассуждениями Карла, но быстро пришел к

заклучению, что признать ограниченность собственных знаний будет не только учтиво, но и разумно в присутствии монарха, которому достаточно нескольких мгновений, чтобы определить невежество человека более молодого – и менее опытного.

Следует ли спросить о кораблях для грядущего Крестового похода? Именно за этим послал его Тьеполо.

– Для этого потребуется огромный флот, – заметил Джулиано.

Карл от души рассмеялся:

– Ох уж эти венецианцы! Конечно потребуется. А также много денег и много паломников. Ты хочешь предложить мне сделку?

Джулиано откинулся немного назад и улыбнулся:

– Мы могли бы поторговаться. Потребуется много древесины, гораздо больше, чем обычно. Все наши верфи будут заняты, возможно, будут работать день и ночь.

– Во имя святой цели, – заметил Карл.

– Эта цель – завоевание территорий или нажива? – уточнил Джулиано.

Карл расхохотался и хлопнул его по плечу – так сильно, что у венецианца клацнули зубы.

– А ты мне нравишься, Дандоло! – воскликнул король. – Цифры мы обсудим чуть позже. Выпей еще вина.

Три часа спустя Джулиано ушел. У него кружилась голова. Он пересекал залы, которые роскошью не уступали Дворцу дожей, хоть придворные и были менее утонченными в поведении и одежде.

Некоторые говорили, что Карл суров, но справедлив, другие – что он облагает подданных непомерными налогами, доводя их до нищеты и голода, что он не испытывает к народу Италии ни любви, ни интереса.

Тем не менее ради достижения своих целей он вместе со своими придворными проводил много времени здесь, в Неаполе, страстном, полном жизни, лежащем, как драгоценный камень, под боком у спящего дракона, из ноздрей которого даже сейчас вырывались струи дыма, видневшиеся на горизонте. Карл тоже был словно некая сила природы, стихия, способная уничтожить любого, кто отнесется к ней слишком легкомысленно.

Джулиано необходимо было узнать гораздо больше. Нужно смотреть, слушать, анализировать и соблюдать особую осторожность, отсылая отчеты дожу.

Он спустился по лестнице и ступил на раскаленные камни мостовой, под ослепительное палящее солнце.

Когда Карл вместе со своим двором переехал из Неаполя на юг, в Мессину, расположенную на острове Сицилия, Джулиано, выждав неделю, последовал за ним. Как и в Неаполе, он смотрел и слушал. Говорили о том, что следует отвоевать христианскую Палестину.

– И это – только начало, – заявил один моряк, с видимым удовольствием отпивая полпинты вина, разбавленного водой. – Давно пора сразиться с мусульманами за их территории! Они повсюду и захватывают все больше и больше земель.

– Пора вернуть то, что принадлежит нам по праву, – гневно добавил другой, огромный рыжебородый человек. – Пятнадцать лет назад они убили при Дурбе полторы сотни тевтонских рыцарей. А еще обратили жителей Озела в свою веру. Они вырезают на своей территории всех христиан.

– Но зато они не позволили монголам захватить Египет, – вступил в беседу Джулиано, чтобы услышать, что ему ответят. – Лучше уж пусть с ними воюют мусульмане, чем мы.

– Пусть монголы их изматывают, – откликнулся первый моряк. – Тогда мы легко покончим с мусульманами. Я не привередлив, мне все равно, кто на моей стороне, – загоготал он.

– Правильно, – согласился низкорослый старичок с остроконечной бородкой.

Рыжий стукнул кружкой о столешницу.

– И что, черт возьми, это значит? – взвился он, и его лицо налилось кровью от гнева.

– Это значит, что если ты когда-нибудь видел армию монгольских всадников, то будешь искренне рад, что между ними и тобой стоят мусульмане, – ответил один из собеседников.

– И византийцы? – спросил Джулиано, надеясь спровоцировать содержательный ответ.

Тщедушный старичок пожал плечами:

– Между нами и мусульманами?

– Почему нет? – сказал Джулиано. – Разве не лучше будет, если они станут воевать с мусульманами вместо нас?

Рыжий бородач поерзал на сиденье.

– Король Карл захватит их на полдороге, как делал это прежде. Там много сокровищ, есть чем поживиться.

– Мы не можем этого допустить, – возразил Джулиано. – Заключив союз с Римом, они станут нашими братьями по вере. Папа не простит, если мы их захватим. Это грех.

– Король позаботится об этом, не беспокойся, – ухмыльнулся рыжий. – Он прямо сейчас пишет в Рим, прося папу отлучить императора Михаила от Церкви, а это лишит его защиты. Тогда мы сможем поступать, как пожелаем.

Джулиано был потрясен.

Комнату заполнял гул невнятных голосов.

Через два дня Джулиано отправился в Константинополь. Путешествие на Восток было спокойным и менее продолжительным, чем он ожидал, – всего восемнадцать дней. Как и большинство других кораблей, они почти все время держались ближе к берегу, то и дело выгружая один товар и принимая другой. Это путешествие обещало стать не только информативным, но и прибыльным...

Однако, когда ранним майским утром они плыли по Мраморному морю, на горизонте показались легкие перистые облака. Ветер вздымал на гребнях волн живописные пенные барашки. В этот момент Джулиано вынужден был признать, что, сколько бы времени ни прошло, он не готов увидеть родину своей матери – матери, которая подарила ему жизнь, но в которой было так мало любви к своему сыну, что она решилась его покинуть.

Он смотрел на женщин с детьми, проходивших мимо него по улице. Некоторые из них выглядели усталыми, обеспокоенными, огорченными, но несмотря на это не сводили глаз со своих малышей. Следили за каждым их шагом. Готовы были утешить или наказать их. Они могли отругать ребенка, отшлепать его в запальчивости, но, если бы кто-нибудь стал угрожать их детям, обидчик тут же узнал бы, что такое настоящий гнев!

В полдень Джулиано стоял на палубе. Его сердце бешено колотилось. Корабль скользил по гладким сияющим водам Босфора. Великий город был все ближе, все четче проступали детали. Наметанный глаз моряка сразу же выделил маяк – огромное сооружение, которое приближающиеся суда видят за много миль от берега.

Гавань была переполнена. Десятки рыбацких лодок и транспортных суден стремительно сновали между огромными триремами, пришедшими из Атлантики в Черное море. Через узкую полоску пролива Европа встречалась с Азией. Это был настоящий транспортный перекресток мира.

– Капитан!

Джулиано некогда было предаваться досужим размышлениям. Следовало сосредоточиться на маневрировании в гавани, на том, чтобы благополучно пришвартоваться и разгрузить товар, прежде чем передать командование первому помощнику. Они уже договорились, что корабль вернется за капитаном в начале июля.

Только на следующий день Джулиано сошел на берег со своим багажом, сменой одежды и книгами, которых ему должно было хватить на два месяца. Дож выделил ему весьма щедрое содержание.

Странно было стоять на брусчатой мостовой. Наполовину византиец, Джулиано должен был бы радоваться возвращению на историческую родину, но он чувствовал себя здесь чужим. Он прибыл как шпион.

Джулиано обернулся и посмотрел назад, на гавань, где стояли бесчисленные корабли. Может, он знает кого-то из моряков, может, даже ходил с кем-то из них под парусом, вместе переживал шторма и другие трудности долгих путешествий. Солнечный свет играл на воде так же, как и в Венеции, и небо было таким же, как дома.

Три ночи Джулиано провел на постоялом дворе. Целыми днями он бродил по городу, стараясь изучить его обычаи, географию, еду, даже шутки и вкус воздуха.

Джулиано сидел в таверне за отменным обедом – аппетитное мясо козленка с чесноком и овощами и стакан вина, которое, впрочем, по его мнению, уступало венецианским винам. Он наблюдал за проходившими по улице людьми и ловил обрывки разговоров. Многого Джулиано не понимал. Он вглядывался в лица и прислушивался к интонациям. Говорили в основном на греческом языке, которым он владел, и, конечно, на генуэзском диалекте, что не могло его не тревожить. Джулиано частично понимал речь арабов и персов, чье одеяние было так легко отличить в толпе. Албанцы, болгары и широкоскулые монголы были здесь такими же чужеземцами, как и он сам, их вид напомнил Джулиано о том, как далеко на Восток он забрался и как близко находится к землям великого хана и мусульман, о которых упоминал его случайный рыжебородый собеседник в Мессине.

Следовало найти на берегу Золотого Рога какую-нибудь венецианскую семью. Джулиано неспешно бродил по тем местам, где жила его мать. Она родилась в ссылке, скорее всего, в Никее, а может, еще севернее? Он разозлился на себя за то, что разбудил боль, которую всегда чувствовал, когда думал о матери. Но остановиться он не мог.

Джулиано зажмурился, чтобы не видеть солнечного света и шумной улицы, но ничто не могло развеять воспоминания. Седовласый отец с печальным лицом держит на ладони открытый медальон, внутри которого – крошечный портрет молодой женщины с темными глазами и смеющимся ртом. Как она могла смеяться – а потом покинуть их? Джулиано ни разу не слышал, чтобы отец плохо о ней отзывался. Он любил ее до самой смерти.

Дандоло вскочил на ноги. Вино больше не лезло в горло. Молодой человек отставил стакан и вышел на улицу. Это чужой город, полный людей, и он достаточно умен, чтобы им не доверять. Знай своего врага, учись у него, понимай, но никогда, никогда не позволяй себе очаровываться его искусством, мастерством, красотой. Просто догадайся, чью сторону он примет, когда придет время.

Венецианский квартал занимал всего несколько улиц, и его обитатели старались не афишировать свое происхождение. Никто не забыл, чей флот привез захватчиков, которые сожгли город и похитили святые мощи.

Джулиано нашел семью, носившую гордую старинную фамилию Мочениго. Андреа сразу же ему понравился. У него было худощавое лицо, которое оживало, когда он улыбался. В такие минуты Андреа казался почти красивым. Только после переезда Джулиано заметил, что хозяин слегка прихрамывает. Его жена Тереза была застенчивой, но встретила гостя очень любезно, а пятеро детей четы Мочениго, казалось, пребывали в счастливом неведении, что он – чужестранец. Они задавали ему многочисленные вопросы, желая выяснить, откуда он родом и почему приехал сюда. Наконец родители объяснили им, что это неплохо – быть дружелюбными и проявлять искренний интерес к людям, однако чрезмерное любопытство могут принять за грубость. Дети извинились, потупив глаза.

– Вы не были грубыми, – быстро сказал Джулиано по-итальянски. – Как-нибудь, когда будет время, я расскажу вам о местах, где побывал, опишу их со всеми подробностями. А вы, если захотите, расскажете мне о Константинополе. Я приехал сюда впервые.

Его слова мгновенно разрядили обстановку. Да, в этом доме он нашел себе надежное пристанище.

– Я – венецианец, – с улыбкой сообщил Мочениго, – но решил поселиться здесь, потому что моя жена – византийка. Кроме того, я нахожу в православии некий дух свободомыслия.

Его тон был немного виноватым, потому что он предположил, что Джулиано принадлежал к Римской церкви. Однако глаза Андреа были полны решимости. Ему не хотелось вступать в диспут, но, если бы пришлось, он готов был отстаивать свою веру. Джулиано протянул ему руку:

– Значит, от тебя я смогу узнать о Византии больше, чем от купцов.

Мочениго пожал ему руку, и таким образом сделка была заключена. Однако гораздо важнее стало финансовое соглашение, которого они достигли, – оно определяло их будущие взаимоотношения.

Было вполне естественно, что Джулиано спросили о его ремесле. Тот был готов к этому.

– Моя семья на протяжении многих лет занимается торговлей, – охотно ответил он. Отчасти это было правдой, если принять во внимание всех потомков великого дожа Энрико Дандоло. – Я приехал сюда, чтобы воочию увидеть, что здесь продают и покупают и какие возможности этот город сулит для нас. Должно быть, тут есть спрос на товары, которые мы можем предложить. – Джулиано хотел задать как можно больше вопросов, не вызвав при этом подозрений. – Новый союз с Римом позволит многое упростить.

Мочениго пожал плечами. На его лице промелькнула тень сомнения.

– Документ подписан, но пройдет еще немало времени, прежде чем соглашение вступит в силу.

Джулиано удалось изобразить удивление:

– Ты думаешь, что его не будут выполнять? Византии ведь нужен мир? Константинополь, например, не переживет еще одну войну, а если византийцы и Рим будут придерживаться разной веры, то война неизбежна, как бы ее ни называли.

– Может быть, большинство священников не хотят войны, – грустно произнес Мочениго, – но войны все же случаются. Убедить людей принять чужую веру можно с помощью уговоров, а не угроз.

Джулиано пристально посмотрел на него:

– Именно так здесь это воспринимают?

– А ты считаешь иначе? – парировал Мочениго.

Джулиано понял, что Андре отождествлял себя с Константинополем, а не с Римом.

– Полагаешь, что многие венецианцы думают точно так же? – спросил Дандоло и тут же осознал, что слишком уж быстро перешел к прямым вопросам.

Мочениго покачал головой:

– Я не могу отвечать за других. Никто из нас еще не знает, чем обернется подчинение Риму. Пока ясно только одно: мы будем месяцами ожидать ответов на свои просьбы, платить десятину, вывозя деньги из страны, в то время как они очень нужны здесь. Будут ли наши церкви ухоженными и красивыми? Будут ли нашим священникам хорошо платить и позволят ли им служить так, как велит их совесть и достоинство?

– Очередной Крестовый поход может состояться не ранее тысяча двести семьдесят восьмого или тысяча двести семьдесят девятого года, – вслух рассудил Джулиано. – К тому времени мы, возможно, сумеем достигнуть взаимопонимания и станем терпимее друг к другу. Кто знает?

Лицо Мочениго просияло.

– Мне нравятся люди, которые питают надежды, – сказал он и покачал головой. – Однако прежде всего тебе следует выяснить все, что касается торговли. Ты должен как можно быстрее извлечь прибыль. Узнай, что думают люди. Многие верят, что нас спасет Пресвятая Дева.

Джулиано поблагодарил Андреа и решил не касаться этой темы, по крайней мере в ближайшее время. Но он запомнил, как венецианец Мочениго с легкостью произнес слово «мы», говоря о Константинополе. Это следовало принять во внимание.

Следующие несколько дней Джулиано посвятил тому, чтобы побывать в лавках на улице Меса и на рынке пряностей, где царили невероятные ароматы и яркие краски. Поговорил с венецианцами, живущими в этом районе, послушал их суждения. В родной Венеции большинство людей спорили о торговле, а здесь – о религии. В Константинополе вступали в полемику по вопросам веры и прагматизма, примирения и преданности. Иногда Джулиано тоже вступал в дискуссию, но больше задавал вопросы, а не выражал собственное мнение.

Только через три недели, пойдя вверх по холму, он забрел на глухие улочки, где на каждом шагу виднелись обгоревшие во время пожаров камни, руины и сорные травы на месте домов, построенных в начале столетия. Впервые в жизни Джулиано пожалел о том, что был венецианцем.

Начался ливень. По лицу Дандоло стекала вода, волосы намокли. Его внимание привлек один дом. Джулиано не отрываясь смотрел на выцветшую фреску, на которой была изображена женщина с младенцем на руках. К тому времени, когда город ограбили и сожгли, его собственная мать еще не родилась, но она могла выглядеть так же – молодой и стройной, в византийской тунике, с ребенком, прижатым к груди. Она бы выглядела такой же гордой, нежной, с открытой лучезарной улыбкой.

Глава 17

– От императора! – Округлив глаза от изумления, Симонис стояла на пороге комнаты, где хранились лекарственные травы. – Они хотят, чтобы ты немедленно пошла с ними. Во дворце кто-то заболел. Может быть, император?

– Да, судя по всему, кто-то заболел, – ответила Анна, следуя за Симонис в соседнюю комнату. – Наверное, слуга.

Служанка фыркнула и с нетерпением распахнула дверь перед Анной.

Симонис оказалась права: в медицинской помощи нуждался сам Михаил. Почти лишившись дара речи, Анна собрала сумку с травами и мазями и в сопровождении слуг отправилась во Влахернский дворец.

Там ее встретил придворный, а также два варяжских стражника из личной охраны императора. Они повели Анну по великолепным, но разрушающимся коридорам и галереям в личные покои императора. У него было кожное заболевание, причинявшее ему серьезное беспокойство.

Должно быть, Зоя дала Анастасию такую лестную характеристику, что Михаил решил к нему обратиться. Чего же она хотела взамен? Не вызывало ни малейших сомнений: на этот раз ей понадобится большая услуга, вероятно, даже связанная с опасностью. Анна ни за что бы не посмела отказать Зое, а уж императору и подавно.

Хотя ей бы очень этого хотелось. Если не удастся его вылечить, ее карьера лекаря закончится. У нее уже не будет богатых и влиятельных пациентов, и Зоя, конечно же, больше не станет давать ей рекомендации. И это будут не самые страшные последствия ее провала. А ведь не все болезни можно излечить даже с помощью иудейских и арабских снадобий, которые были у Анны, не говоря уже о христианских.

Несмотря на то что золотое время евнухов при дворе давно прошло и император больше не общался с миром исключительно через них, во дворце их осталось немало. И Анне ничем нельзя себя выдать. Они ни в коем случае не должны заподозрить, что она – самозванка.

Анна так долго и упорно пыталась подражать Льву, что начала терять индивидуальность. Она притворялась, будто терпеть не может абрикосы, которые на самом деле очень любила, и обожает приторные пирожные с медом, от которых ее тошнило. Однажды, увидев, как Лев взял в рот фундук и тут же выплюнул его, почувствовав отвращение, Анна не задумываясь в точности повторила все его действия. Она пользовалась его выражениями, подражала его голосу и презирала себя за это. Однако она перевоплотилась в евнуха ради собственной безопасности. В ней не должно было оставаться ничего от прежней Анны, иначе ее могут разоблачить.

Она чувствовала себя сейчас очень глупо, спеша по широкой галерее позади придворного, облаченного в темное одеяние, и огромных варяжских стражей. Анна надеялась, что ей удастся вылечить самого императора, воспользовавшись познаниями в медицине, которыми поделился с ней отец. А может, благодаря этому она сможет спасти Юстиниана? Отец бы понял и одобрил ее цели, однако проверил бы состояние ее рассудка, прежде чем допускать к больным. Что бы он подумал, если бы знал, чем она обязана Юстиниану? Когда отец умер, Анне не хватило храбрости во всем ему признаться.

Придворный остановился, и перед Анной появился еще один человек – высокий, широкоплечий, длиннорукий. Гладкая кожа лица и причудливая грация выдавали в нем евнуха. Анна не смогла определить его возраст, но, без сомнения, он был старше ее. Кожа евнуха напоминала женскую – мягкая, предрасположенная к мелким морщинкам, а волосы не

редели, как у обычного мужчины. Говорил он приятным низким голосом и обладал прекрасной дикцией.

– Меня зовут Никифорас, – представился евнух. – Я провожу тебя к императору. Если тебе что-нибудь нужно, мы принесем. Вода? Фимиам? Сладкие масла?

Анна на мгновение встретилась с ним глазами и потупилась. Не следовало забывать: этот евнух был одним из самых влиятельных вельмож Византии.

– Да, вода мне понадобится. И еще принесите масла, которые предпочитает император, – ответила она.

Никифорас отдал распоряжения слуге, стоявшему у дальней двери. Потом отпустил придворного, сопровождавшего Анну, стражу и сам повел ее дальше. У комнаты императора евнух остановился. Анне показалось, что, несмотря на ее маскировку, Никифорас видит ее насквозь и вот-вот скажет ей об этом. На одно ужасное мгновение она представила, как он обыскивает ее, перед тем как впустить к Михаилу. Вдруг Анна подумала о том, где именно может быть сыпь на теле императора. Ей не простят, если она, женщина, увидит интимные части его тела. У нее появилось желание признаться во всем сейчас, пока не стало слишком поздно. Анна покрылась пóтом. Кровь в ушах шумела так громко, что женщина некоторое время почти ничего не слышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.